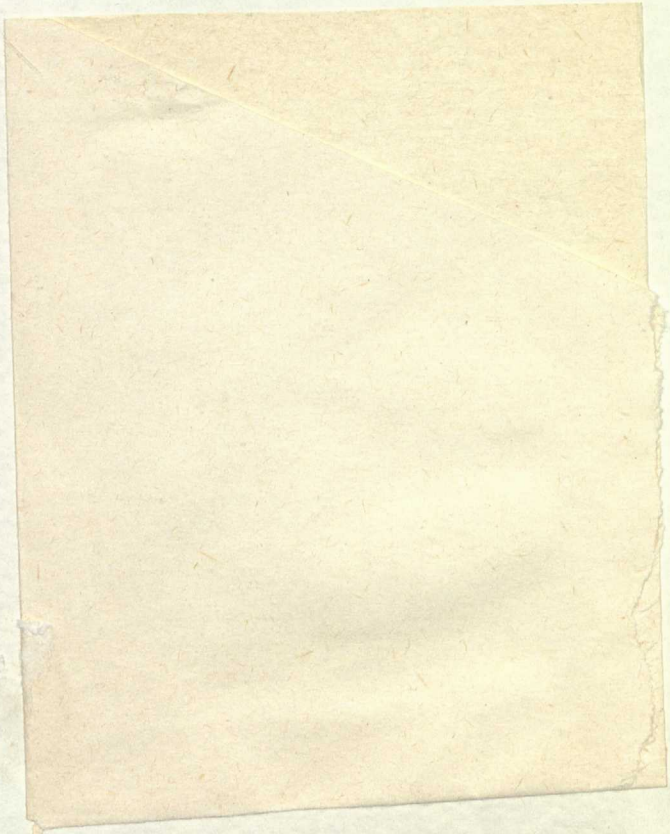
T 98/127



Т 98/127
Ч

ФОЛЬКЛОР ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

СБОРНИК СОСТАВИЛ АЛЕКСАНДР ГУРЕВИЧ

ОГИЗ
ИРКУТСК
1938

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА

ф65255-40

2011095761

СОБИРАТЕЛИ ФОЛЬКЛОРА

Баранов С. Ф.—69, 71, 72, 73, 76, 187, 191, 228, 427, 433.

Бочкарев—167.

Веселова А. И.—6, 16, 26, 67, 129, 140, 143, 166, 175, 189—190, 192—193, 207, 237, 249—250, 254, 276, 285, 294.

Веселов И. И.—156, 179, 248, 253, 256.

Викулов.—15, 135, 148—150, 157—158, 160, 162, 171, 188, 234, 247, 252, 255, 259, 282, 284, 286, 348.

Гордеева.—129 (см. примечания), 132.

Горячкина.—89.

Горяшина.—293, 297.

Громов И. К.—398.

Гуревич А. В.—1, 3, 27, 28, 29, 50, 52, 59, 63, 66, 86, 94—95, 102, 116, 117, 118, 119, 134, 144, 180, 201—204, 269, 277—280, 298—300, 306, 308, 311, 313—314, 318, 319, 320, 321, 324, 325, 333, 341—343, 429—430, 431, 435, 436, 437, 448, 449, 451.

Даниленко.—434.

Дмитриев К. А.—47, 49, 64, 81 (вариант песни, см. примечания), 88, 113, 114, 115, 128, 186, 218, 296, 312, 345—347.

Екимов П. Ф.—136.

Жиляева.—205.

Жукова Т. И.—17, 43, 139, 174, 177, 209, 245, 251, 261, 291, 292, 344, 439, 440.

Золотуева.—213, 335, 337.

Зубов С. М.—91, 103—112.

Инешин.—11.

Каплина А. В.—397.

Каплина М. Д.—395—396.

Козырин.—126.

Колобов.—182.

Коновалов-Сибиряк.—33, 34, 40.

Коптелов.—101, 197—198, 214.

Костыльникова.—326—328.

Ксенофонтов Г. В.—399—424.

Кутузова.—137—138.

Лончаков.—80, 81, 267.

Лопатин.—154—155, 161, 194—196, 208, 217, 230—233, 316.

Лукашов.—46, 48.

Матафанов.—181.

Мильхеев М.—350, 352.

Мищенко.—236.

Молоков.—С. П. 7, 12, 13, 79, 82, 83, 141, 147, 151—153, 159, 170, 178, 199—200, 216, 229, 239, 243, 244, 260, 263, 264, 265, 266, 268, 283, 301, 307, 315, 338, 349.

Никипелов В. С.—388—393.

Петренко П. Г.—2.

Петушкова.—113.

Пляскин.—287—290.

Попова А. С.—31.

Рыков П.—36—39.

Самсонова М. П.—8, 9, 353, 354.

Светлов.—14.

Секисов.—84.

Сенотрусова.—145.

Сергеев.—96—98.

Скольжиков.—355—387.

Соловьев М. П.—295.

Стафеев.—219, 238.

Томилин П. П.—85, 87.

Трифонов.—77.

Тугутов Р. Ф.—4, 5, 51, 351.

Туленков Г. А.—44, 45, 185, 211.

Тяпкин В. С.—90, 425.

Урюпин.—125.

Устюжанин.—25.

Федоров Ю. В.—227, 257—258, 331.

Хвойнова.—127, 332.

Хомякова.—146, 163, 165.

Хорошев П. П.—220, 262, 272—275, 281.

Черенцова.—168.

Шемелева.—169, 215.

Шепелев.—183—184.

Шубин Т. П.—18—24, 329.

Элиасов Л. Е.—32, 35, 41, 42, 130, 133, 172—173, 176, 206, 210, 212, 221—224, 240, 241—242, 246, 270, 271, 302, 303—305, 322—323, 324, 334, 336, 339, 340.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Александр Гуревич.—Фольклор Восточной Сибири и задачи собирателей народного творчества III
I. О Ленине и Сталине 1
II. Каторга и ссылка 5
III. В годы империалистической войны 16
IV. В борьбе за власть Советов 21
V. Сибирь Советская 36
VI. Про поповское мракобесие 53
VII. Национальный фольклор 64
VIII. О тяжелом прошлом рабочих Сибири 121
IX. Эпос 130
X. Женская доля 147
Примечания 152

Рисунки и обложка худ. Д. Я. Корчагина.

Отв. редактор А. А. Ровинский. Техн. редактор М. Ф. Клинской
Корректор Т. В. Расина.

Сдано в набор 28/X-1937 г. Подп. к печати 8/VII-1938 г. Бумага 62×90. Бум. листов 6 1/8. Печ. листов 12 1/4. Уч.-авт. листов 18,23. Тираж 3000. Огиз 1013. Уполн. Облгита 446. Заказ 3116. Цена 5 р. 50 к. Переплет 60 к.

Отпечатано в Иркутской тип. Огиза треста „Полиграфкнига".

Листов печатных
12

III
1
5
16
21
36
53
64
121
130
147
152

стр. все

КНИГА ИМЕЕТ 31

Листов печатных	Общее колич. вып.	В переплетной ед. соедин. номера вып.	Таблиц	Карт	Иллюстраций	Служебн. номер	Номера списка и порядковый	1971 г.
12	1						Д	91/2

ФОЛЬКЛОР ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И ЗАДАЧИ СОБИРАТЕЛЕЙ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

СССР—первая в мире страна победившего социализма. СССР—первая в мире страна, где с каждым днем выявляются все новые и новые народные таланты, растут творцы народного искусства, ярко раскрываются дарования песельников, частушечников, музыкантов, плясунов, художников, сказочников.

В Восточной Сибири так же, как и в других частях Союза, есть свои знатные исполнители народного творчества, свои мастера народного искусства, которые пользуются заслуженной любовью всей нашей страны.

Кто не знает талантливую сказочницу Наталию Осиповну Винокурову—гордость ленских колхозников? Партийные, комсомольские организации, колхозная общественность недавно отпраздновали семидесятилетие Натальи Осиповны, отметив ее высокое художественное дарование, пожелав ей еще многие годы слагать и рассказывать свои сказки о народной жизни, о народных героях[1]. Где, в какой стране могут так чествовать, окружать заботой и вниманием талантливых творцов, знатоков и исполнителей народной поэзии, вышедших из гущи народных масс? Нигде кроме страны Советов, где у власти стоит правительство рабочих и крестьян, где трудящиеся сами хозяева своей жизни, сами творцы нового невиданного радостного мира.

Хорошо знают в Советском Союзе и другого мастера русской сказки—Тункинского охотника Егора Ивановича Сороковикова.

Всю жизнь прожил Егор Иванович в с. Малый Хобок и так бы и жил там закабаленным, затерянным бедняком-охотником, если бы не Советская власть, которая помогла ему стать знатным мастером русской сказки. В 1937 году редакция «Тома творчества народов СССР» пригласила в Москву Егора Ивановича, и там сказочник рассказал свои новые сказки, рожденные героической советской действительностью. Одна из этих сказок—сказка «Как охотник Федор японцев прогнал» была помещена в газете «Правда» и «Томе творчества народов СССР». В Московском доме народного творчества им. Крупской он выступил перед советской общественностью с известными ему многочисленными сказками, доставив большое наслаждение слушателям своим высоким мастерством. Радость Егора Ивановича Сороковикова безгранична: на его долю вышало большое счастье—побывать на старости лет в красной столице Москве, посмотреть все ее достопримечательности.

---

[1] Об юбилее Н. О. Винокуровой см. П. Толмачева—Юбилей сказательницы Н. О. Винокуровой. Газ. „Восточно-Сибирская правда", 21 сент. 1937 г., № 219, стр. 4, ст. „Сказочница Наталья Осиповна Винокурова. Газ. „Восточно-Сибирский Комсомолец", 16 сент., 1937 г., № 130, стр. 4.

Возрожденный Октябрем бурятский народ выдвинул сотни безвестных забитых при царизме талантливых людей—плясунов, художников, хуристов, певцов, сказочников. Имена Пеохона Петрова—колхозника Аларского аймака, Мартана Алсыева—колхозника Тункинского аймака хорошо известны далеко за пределами Бурятии.

Нашим народным певцам, сказочникам и частушечникам есть о чем рассказывать и петь на языках всех народов нашей многонациональной страны.

Двадцать лет существует власть рабочих и крестьян, а какие гигантские изменения произошли за эти два десятилетия по сравнению с старой Россией.

О кошмарных годах прошлого, о положении трудящегося крестьянства, в частности в царской Сибири, в старых сибирских деревнях и селах слагались меткие пословицы:

Ни сохи, ни бороны,
Ни кобылы вороны...

Старого не починить,
Нового не видать.

Живем—не люди,
Умрем—не покойники.

В тяжелых кабальных условиях проходила вся жизнь с малых лет до глубоких седин. С работы на кулака, на хозяина начиналось безрадостное детство, в нужде без просвета так и кончалась эта горемычная жизнь.

В каторжных условиях в рудниках и шахтах проходила трудовая жизнь сибирского пролетариата. Тысячи рабочих губили палачи Разгильдяевы, Терещенко и их хозяева. В запретных песнях, полных ненависти и призыва к революционной борьбе, рассказывали рабочие о себе, о своей жизни в царской Сибири.

Не легко было работать и тем представителям интеллигенции, которые хотели отдать свои силы и знания трудящимся—будь то учителя, врачи, собиратели народного творчества.

Как трудно было работать фольклористам в старой каторжной Сибири, достаточно вспомнить некоторые факты.

Каракозовец—П. А. Худяков—автор знаменитого фольклорного «Верхоянского сборника»,—рукопись которого не могла увидеть свет при жизни автора, пал в непосильной борьбе с самодержавием в далекой северной глуши.

Первый собиратель музыкального фольклора в Сибири—Н. Протасов—в тщетных поисках моральной и материальной поддержки своим большим фольклорным планам, незадолго до своей смерти, в припадке отчаяния сжег все, что с неимоверным трудом было собрано им в течение многих лет.

В Советском Союзе партия и правительство делают все необходимое, чтобы поднять рост народного творчества на еще большую высоту. Собиратели фольклора получают повседневную помощь. Государство дает средства на экспедиционную работу, на организацию фольклорной научно-исследовательской деятельности. Предоставлены широкие возможности для опубликования фольклорных текстов на страницах газет и журналов. В издательские планы включается обширный выпуск фольклорной литературы.

У нас, у советских фольклористов, в Сибири и во всем Союзе огромные возможности для развертывания всех своих сил и способностей.

Настоящий сборник—«Фольклор Восточной Сибири»—является небольшой

частицей той общей огромной творческой работы, которая развернута по всей стране в области собирания и изучения творчества народов СССР.

Материал, собранный членами Фольклорной секции общества изучения Восточной Сибири [1] в разных частях Восточной Сибири, главным образом в 1936—37 гг., дает возможность расположить его в сборнике по десяти основным разделам: I. О Ленине и Сталине. II. Каторга и ссылка. III. В годы империалистической войны. IV. За власть Советов. V. Сибирь Советская. VI. Про поповское мракобесие. VII. Национальный фольклор. VIII. О тяжелом прошлом рабочих Сибири. IX. Эпос. X. Женская доля.

Рассматривая настоящий сборник, как пособие, которое может быть использовано для дальнейшей плановой работы по собиранию и изучению народного творчества Восточной Сибири, считаем необходимым кратко остановиться на задачах, стоящих перед фольклористами Восточной Сибири. На десяти фольклорных темах, включенных в этот сборник, мы и останавливаем внимание наших читателей.

Фольклор о Ленине и Сталине.

На протяжении целого десятилетия в области русского фольклора о Ленине в Сибири теоретики фольклора пропагандировали со страниц этнографического журнала «Сибирская живая старина», в различных литературных журналах, в учебных пособиях фальсификацию народного творчества «Покойнишной вой о Ленине»[2].

Первая Восточно-Сибирская краевая конференция по фольклору (январь 1937 г.) вскрыла классово-враждебное содержание «покойнишного воя», выявила его псевдонародность, с возмущением указала на грубую политическую ошибку проф. М. К. Азадовского, который десять лет пропагандировал фальсифицированное произведение. Конференция указала также на недопустимое замалчивание троцкистской сущности «покойнишного воя» и другими теоретиками фольклористики [3].

Одновременно с усилением борьбы с антисоветским фольклором, мы должны мобилизовать все силы на сбор устных сказок и сказов, песен и частушек о Ленине и Сталине, которые повседневно бытуют в среде рабочих Иркутска, шахтеров Черембасса, таежных охотников, рыбаков Байкала, в городах и селах всех народов Восточной Сибири.

Мы уверены, что уже в ближайшее время силами актива Фольклорной секции Иркутского государственного научного музея сумеем выполнить почетную и ответственную задачу—собрать и издать специальный сборник творчества народов Восточной Сибири о Ленине и Сталине.

Народное творчество о каторге и ссылке.

В городах и селах Восточной Сибири старожилы хорошо помнят страшные го-

---

[1] Ныне Фольклорной секции Иркутского государственного научного музея.—А. Г.

[2] Журн. „Сибирская живая старина“ под. ред. М. К. Азадовского и Г. Виноградова. Выпуск III—IV. Иркутск, 1925 г.

М. К. Азадовский—„Беседы собирателя“. Иркутск, 1924 г.

М. К. Азадовский—„Ленин в фольклоре“, жур. „Резец“, № 2, 1934 г.

М. К. Азадовский—„Ленин в фольклоре“. Сборник памяти В. И. Ленина. Акад. Наук. 1934 г.

А. Лозанова—„Ленин в устном творчестве народов СССР“, „Лит. учеба“, № 1, 1936 г.

Проф. Н. П. Андреев—„Русский фольклор“. Хрестоматия. 1936 г.

[3] В „письме в редакцию“ от 9 апреля 1937 г. М. К. Азадовский признал совершенно правильным сделанные ему указания со стороны представителей партийной и советской общественности Академии Наук СССР о контрреволюционной сущности „Покойнишного воя о Ленине“, см. М. К. Азадовский—„Письмо в редакцию“ журнал „Советская этнография“, № 6, 1937 г., стр. 164.

ды каторги и ссылки, знают по рассказам еще своих отцов и дедов о первых «государственных преступниках», которых пригоняли к нам жандармы по этапам из далекой России. Они помнят и сами часто рассказывают о жизни «политики» в тогдашних глухих углах Сибири.

Новое лучшее время, о котором говорили трудящимся Сибири большевики в годы своего отбывания ссылки, осуществилось с победой Великой Октябрьской революции. И теперь они с радостью претворяют в жизнь указания своих старых друзей—славных вождей трудящихся.

Вот один из многих примеров этого тесного единения:

В дни выборов в Верховный Совет СССР, на предвыборном собрании колхоза им. Молотова, колхозники бывшего каторжного Якутского тракта, Качугского района Иркутской области, обсуждая в Верховный Совет своего кандидата, имя которого носит колхоз—с глубочайшей благодарностью отмечали близкую связь с крестьянами одного из лучших представителей большевистской политической ссылки в Сибири—В. М. Молотова и те успехи, которых они достигли за двадцать лет Советской власти под руководством партии Ленина—Сталина.

«Мы,—говорили колхозники,—хорошо знаем товарища Молотова, как главу Советского правительства. Многие старые колхозники хорошо знают его, когда он был сослан царскими палачами в ссылку в наше село, как борец за дело народа. Живя в ссылке, он учил крестьян, как выйти из нужды на светлую дорогу к счастливой жизни. И вот по этой дороге теперь мы пришли к хорошей жизни, всего у нас стало достаточно, сами мы хозяева своей жизни». «Предлагаю,—говорил на этом собрании один из стахановцев социалистических полей с. Манзурки Александр Иннокентьевич Рыков,—выдвинуть кандидатом в депутаты Верховного Совета верного соратника товарища Сталина—Вячеслава Михайловича Молотова, имя которого носит наш колхоз»[1].

Фольклорист, который посвятит свое время собиранию фольклора о каторге и ссылке, встретит в лице носителей этих интересных фольклорных материалов прекрасных повседневных помощников и при вдумчивом отношении к работе сумеет собрать богатейший материал.

Среди населения существуют рассказы и легенды о сибирской ссылке Владимира Ильича Ленина[2], рассказывают о Сталине—о времени его пребывания в Новой Уде, о Фрунзе и Молотове—в Манзурке и о многих других представителях большевистской ссылки. Наряду с этим бытуют рассказы о Чернышевском, о политкаторге в Карийских рудниках, передаются из уст в уста и легенды об участниках восстания 1825 года[3].

Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на всю важность сбора фольклора политкаторги и ссылки, значение которого выходит далеко за пределы только местных краеведных интересов, на протяжении многих десятилетий записи фольклора о политкаторге и ссылке носили случайный характер. Не было нужной целевой работы в этом направлении. Начатое накопление материалов необходимо умножить в десятки и сотни раз. Эта задача ложится в основном на фольклористов Восточной Сибири. Они должны внести своими записями в сокровищницу советской фольклористики богатейшие фольклорные материалы о пребывании в каторжной Сибири борцов за победу рабочего класса, материалы, наиболее доступные им по

---

[1] „Наш кандидат"—Газета „Восточно-Сибирская Правда", 29 октября 1937 г. № 251, стр. 2.

[2] См. журнал „Будущая Сибирь", Иркутск, № 6, 1933 г., стр. 36.

[3] См. об этом подробнее в ст. А. Гуревича—„Сибирский фольклор о декабристах". Сборник „Устные рассказы и легенды о декабристах в Сибири", Иркутск, 1937 г.

возможности организации стационарной работы по сравнению с другими фольклористами Союза.

Если в какой-то мере собирались фольклорные тексты о политкаторге и ссылке, то совершенно в стороне от сибирских исследователей и собирателей фольклора остался вопрос изучения фольклора самой политкаторги и ссылки. Его принесли с собою в Сибирь декабристы и продолжали приносить все последующие поколения политссылки. Насколько крепко революционный фольклор входил в песенный репертуар сибирской деревни, об этом сообщает Н. С. Тютчев в своих мемуарах о баргузинской ссылке. Отметив сибирские и бродяжьи песни на баргузинских вечорках в 80-х годах XIX столетия, он дальше пишет: «Певалось и сильно переиначенное послание М. Михайлова: «Из стен тюрьмы, из стен неволи», занесенное, вероятно, из Александровского завода, где содержались политические каторжане. Пели также: «Выпьем мы за того, кто «Что делать»—писал, за и р о е в его, за его в и д и а л»[1].

Фольклористы до сих пор не выяснили влияния фольклора политкаторги и ссылки на фольклор трудящихся масс Сибири. Это влияние огромно, оно имеет глубокие корни на протяжении многих десятилетий.

Деревенские песельники неоднократно рассказывали нам, как поражала их слух и сознание бодрая революционная песня, как они всегда жадно тянулись к ней. Это влияние революционных стихов и песен сказалось с особенной силой в годы гражданской войны. Нам приходилось не раз слышать от ряда участников гражданской войны, что революционные песни, усвоенные ими в молодые и зрелые годы от политссыльных, являлись первыми песнями гражданской войны в партизанских отрядах, когда партизанские песни еще только начинали складываться, когда начинали создаваться песни героики гражданской войны.

Из фольклора сибирской каторги и ссылки наибольшее внимание собирателей привлек так называемый бродяжий арестантский фольклор. Мы имеем известные записи Максимова в его книге «Сибирь и каторга» и записи многих других. Но и здесь, несмотря на сравнительно значительные сборы фольклорных текстов, перед нами стоит задача продолжать эти сборы, найти существующие варианты, и несомненно, что мы встретим и такие тексты, которые не попали в блокноты старых собирателей.

Дальнейшие сборы помогут нам вместе с историками воссоздать полностью картину кошмарного прошлого каторги и ссылки в Сибири, нашедшую свое яркое отражение в фольклоре каторжан и ссыльных.

Фольклор империалистической войны.

Годы империалистической войны, годы разрухи, гибели миллионных масс в угоду осуществления хищнических планов мирового капитализма ярко охарактеризованы в ряде народных песен.

Как известно, империалистическая война нашла широкий отклик в народном творчестве. Здесь и первые дни мобилизации, и жуткая окопная жизнь солдатских масс, и продажность царских генералов. В песнях и сказках рассказывается о германском плене, большевистской агитации на фронте против войны, против царского правительства, призыв к революционному действию, к превращению империалистической войны в войну гражданскую. Широко бытуют сатирические рассказы и легенды о царском дворе, о Гришке Распутине и мн. др.

---

[1] Н. С. Тютчев.—„В ссылке и др. воспоминания". Изд. „Каторги и ссылки", 1925 г., стр. 17.

Этой фольклорной теме на протяжении четверти века специального внимания в Сибири собирателями уделено не было. А то, что записано, собиралось попутно с другим фольклорным материалом.

Совершенно не производилось записей от трудящихся нерусской национальности, переживших весь ужас мировой бойни в тылу и на фронте, которые, как например, буряты были впервые взяты на военную службу и брошены на тыловые работы. Лишь дальнейшие поиски в этом направлении помогут нам выяснить общий характер и особенность фольклора империалистической войны, сохранившегося в немалой степени и в памяти сибиряков.

Фольклор гражданской войны.

Почти на протяжении двадцати лет фольклористы упорно заняты собиранием этого интереснейшего творчества народных масс. Первые страницы были начаты самими рядовыми участниками гражданской войны, позже их продолжили фольклористы.

Фольклор гражданской войны родился в огне упорных героических классовых боев за социализм. У рабочего класса; у трудящегося крестьянства Сибири сохранились ценные художественные документы этой славной эпохи—песни, легенды, пословицы, устные рассказы о борьбе с колчаковщиной и семеновщиной, интервенцией, фольклор о партизанских отрядах, о Красной армии.

«Рабочие и крестьяне Урала и Сибири,—писал об этом периоде борьбы за Советы в Сибири В. И. Ленин,—с восторгом встречают Советскую власть, ибо она выметает железной метлой помещичью и капиталистическую сволочь, которая замучила народ поборами, издевательствами, поркой, восстановлением царского угнетения»[1].

Придавая огромное значение сбору фольклора гражданской войны в Восточной Сибири, актив фольклорной секции больше всего занимался в своих полевых работах фольклором этого великого исторического периода. В результате, налицо значительное количество текстов, опубликованных на страницах областных и районных газет, журнала «Новая Сибирь», в сборниках «Известий Общества изучения Восточной Сибири»[2].

В итоге сборов выявились не только отдельные тексты, но и целые циклы песен о партизанских командирах—Журавлеве и Погодаеве,—о Богдатьском бое, о бое под Усть-Кутом, о кровавом атамане Семенове, об интервенции.

Теперь, уже после первых сборов, можно проводить углубленную работу по исследованию вариантов внутри каждого цикла, можно говорить об устойчивости отдельных песенных текстов.

Но все это является только началом огромной работы. Начатые сборы нужно всемерно продолжать. Мы еще многого не разыскали. До сих пор нет записей фольклора о талантливом полководце, зверски замученном японцами—Сергее Лазо, о дедушке Каларандашвили. Не записаны легенды о Погодаеве и Журавлеве. Имеются только отдельные записи легенд о декабрьских боях 1917 года в Иркутске. Положено лишь начало записям устных рассказов о гражданской войне.

Одновременно с сибирским партизанским фольклором мы должны заняться сбором фольклора о легендарных героях—Чапаеве и Щорсе. Фольклор о них здесь широко бытует как общесоюзный, так и местный.

---

[1] Ленин, том XXIV, стр. 431.

[2] См. об этом подробнее в ст. С. Ф. Баранова—„Песни партизан Восточной Сибири (К вопросу о характере партизанского фольклора)“. Извест. общест. изучения Восточной Сибири, том 1-й, 1936 г., стр. 63—98.

В наши дни появляется значительное число новых стихов и песен о гражданской войне. Это поэтические отклики бывших красных партизан, сложенные ими уже в годы социалистического строительства, тексты которых пользуются известностью обычно в одном колхозе, в одном селе, не выходят большей частью за пределы своего района. Одновременно с этим появляются интересные варианты современных песен о гражданской войне советских поэтов, песни, которые сливаются с фольклором гражданской войны. Все это должно быть нами учтено и собрано; все это является художественным памятником нашей эпохи и требует постоянного внимания собирателей.

Советский фольклор.

Там, где когда-то были каторжные рудники Акатуя, Зерентуя, Кары, где каторжники «золото рыли в горах», где лучшие люди—борцы за народное дело—томились в неволе, там теперь построены социалистические фабрики и заводы, колхозы и совхозы, на которых свободен и радостен труд.

В народном творчестве Восточной Сибири яркими красочными образами выражена любовь народа к своей родине, к большевистской партии, к гениальным организаторам социалистической жизни в городе и деревне—Ленину и Сталину.

В разных концах Восточной Сибири слагаются новые частушки о зажиточной и культурной жизни, о героях социалистического труда—ударниках и стахановцах, о новой советской женщине.

Новую главу в истории человеческого общества открывает собою мудрая Сталинская Конституция. Рабочие, колхозники нашей области радостно встретили Конституцию побед социализма, Конституцию цветущей, счастливой, прекрасной жизни. И о ней они сложили свои частушки и песни.

Горячей любовью народных масс окружена могучая Красная армия страны Советов, зорко охраняющая нашу родину от всех врагов советского народа.

О богатстве и своеобразии советского фольклора народов Восточной Сибири особенно говорят образцы народной поэзии, изданные «Правдой» в замечательной книге «Том творчества народов СССР»[1].

Перед фольклористами Восточной Сибири стоит задача—повседневно умножать свои сборы после октябрьского фольклора. Здесь огромнейшие возможности для научно-исследовательской деятельности по фольклору.

Антирелигиозный фольклор.

В большинстве сел и деревень кандальной Сибири не было школ, культурных учреждений, но обязательно были церкви и кабаки. Особенно много было церквей, часовен, монастырей и кабаков в сибирских городах.

Иркутские купцы, в подражание московским, строили одну церковь за другой, и когда они своей паутиной опутали значительное число городских улиц, родилась городская купеческая пословица: «Иркутск городок—Москвы уголок», т. е. застроен церквами по образцу и подобию московских «Сорока-сороков».

Тяжела была жизнь трудящегося крестьянства в старые годы. Непосильная кабала кулаков, попов, чиновников разоряла его в корень. Попы учили долготерпению, рассказывали басни о чудесах и одновременно выкачивали из своей нищавшей паствы последнее.

В своих сказках и песнях сибирские сказочники и песенники не раз показывали этот обман забитым односельчанам, раскрывая истинный образ царских

---

[1] „Творчество народов СССР". Под редакцией А. М. Горького, Л. З. Мехлиса и А. И. Стецкого. М. 1937 г.

слуг в рясах. Прекрасными образцами такого фольклора являются, например, сказки Ф. И. Аксаментова «Про мужика и священника», Е. И. Сороковикова «Беспечальный монастырь», Н. О. Винокуровой—«Про Перфила или как солдат четырех попов хоронит»[1].

Но, несмотря на все поэтические достоинства и идейную направленность антирелигиозного фольклора, последний в Сибири специально, как антирелигиозный фольклор, не изучался. Из-за малого числа собранных текстов он незаметно растворялся в общем фольклорном материале.

Собирателями и исследователями фольклора в течение многих десятилетий главное внимание было обращено на религиозные верования и обряды русского населения, на изучение сектантского фольклора, а наряду с этим, старательно замалчивалось в программах и теоретических высказываниях какое-либо наличие антирелигиозного фольклора среди трудящихся масс Восточной Сибири. Насколько главенствовало словянофильское народническое направление, особенно в этом вопросе, среди теоретиков фольклора—достаточно указать на такой разительный факт.

На шестом году Советской власти в 1923 году в трудах профессоров и преподавателей Иркутского государственного университета была напечатана статья Г. С. Виноградова «Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилого населения Сибири», основной целью которой, по мысли автора, являлось «раскрыть перед нами заветные думы и чаяния, выражающие краеугольные основы народного миросозерцания, воззрения народа на смысл жизни, на сущность человеческой души, на потустороннюю жизнь и т. д.»[2].

Ему восторженно вторил рецензент Е. Титов, приветствовавший статью Г. С. Виноградова, раскрывающую «подлинное миросозерцание» русского старожилого населения Иркутской губернии. «Думается,—пишет рецензент,—что как раз вопрос о смерти и является тем ключом, который способен отомкнуть таинственную дверь (поросшую мохом нашей лени, которая не любопытна), которая ведет в широкие дали познания души народной. Ранние славянофилы (Иван Киреевский, Самарин) лет 80 тому назад в своих философских предчувствиях тревожно угадали мудрость народа, которая будет раскрыта только путем именно вот такой кропотливой, добросовестной и строго научной по своим методам работой, образец которой дает книжка Г. С. Виноградова «Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилого населения Сибири»[3].

И в 1923 году и десятилетие спустя, в стороне от внимания исследователей и собирателей фольклора Восточной Сибири оставались прекрасные образцы антирелигиозного фольклора, которые раскрывают подлинное отношение трудового народа к попам и религии, народа, строящего свою новую счастливую жизнь здесь, на земле, без бога, на основе программы партии Ленина—Сталина.

Попы, сектантские проповедники используют в своих целях оставшиеся капиталистические пережитки в сознании отдельных трудящихся. Они подновляют старые легенды о божестве, использовывают религиозные предрассудки во вред социалистическому строительству, ведут агитацию против Советской власти.

В блокнотах фольклористов найдут свое место многочисленные рассказы о

---

[1] Русская сказка. Избранные мастера. Том II-й. Ред. и коммент. М. К. Азадовского (Academia, 1932 г.). „Сказки Аксаментова", стр. 66—69; там же „Сказки Е. И. Сороковикова", стр. 300—305; Избранные мастера, том I, „Сказки Н. О. Винокуровой", стр. 411-418.

[2] Георгий Виноградов. „Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилого населения Сибири". Сборник трудов профессоров и преподавателей Иргосуна, вып. V-й, Иркутск, 1923 г., стр. 261.

[3] Е. Титов. „Библиография". „Этнографический бюллетень", Июнь 1923 г., стр. 18.

том, почему перестают верить в бога, как церковники и сектантские проповедники, ламы и шаманы обманывают верующих, как были разоблачены тайны «святых мощей», в частности в Восточной Сибири «мощи», так называемого «сибирского святого», «Иннокентия Иркутского». Фольклористы несомненно запишут в большом количестве сказки, частушки, песни, пословицы о попах и религии.

Собранный материал поможет общей антирелигиозно-пропагандистской работе на антирелигиозном фронте.

Рабочий фольклор.

Рабочий фольклор в Восточной Сибири насчитывает много десятилетий со дня создания безыменными рабочими поэтами первых фольклорных текстов в Нерчинских рудниках, в чугунолитейных мастерских Петровского завода, в суконной Тельминской фабрике, в солеварнях Усолья, в каменноугольных шахтах Черемхово, на золотых приисках Витима и Лены.

Собиратели фольклора старой Сибири не считали нужным заняться сбором народного творчества на рудниках и шахтах, заводах и приисках. Они прошли мимо него и тогда, когда рабочий фольклор принесли в деревню уходившие в город и тайгу на заработки к предпринимателям, задыхавшиеся в нужде бедняки сибирских деревень.

Слушая песни фабричных и шахтеров, собиратели с тревогой отмечали проникновение этих песен в репертуар сибирских песельников, опасаясь их «пагубного» влияния на судьбу всего песенного фольклора сибирской деревни. Не записывая, они предавали забвению эти первые образцы пролетарского фольклора.

Надо подчеркнуть, что история изучения рабочего фольклора весьма характерна для истории буржуазной фольклористики в Сибири. Вот несколько примеров из этой области.

В литературный сборник «Отголоски Сибири» в 1889 году составитель сборника робко включил, наряду со стихами классиков и сибирских поэтов, два текста рабочих приискательских песен, оправдываясь перед тогдашним читателем, что это он сделал потому, что и они заслуживают по своим поэтическим достоинствам внимания публики[1].

Голос фольклориста Арефьева в защиту рабочего фольклора[2]—призыв к тому, чтобы собиратели фольклора в Сибири занялись собиранием и изучением рабочего фольклора, как неотъемлемой части всего народного творчества—остался одиноким.

«Отголоски Сибири» и призыв Арефьева не смогли изменить общего направления, господствовавшего в официальной фольклористике, которая как в центре России, так и на местах, обходила молчанием необходимость изучения рабочего фольклора.

Эта точка зрения долго главенствовала в теории и практике исследователей и собирателей фольклора в Сибири. Профессор М. К. Азадовский, неоднократно намечавший основные задачи на ближайший ряд лет, во всех своих программных установках все внимание уделял народному творчеству деревни. Фольклор ленского рабочего движения, ленской трагедии 1912 года, которая явилась «поводом к переходу революционного настроения масс в революционный подъем масс» (Ленин), не являлся программным вопросом фольклористики Сибири[3].

---

[1] „Отголоски Сибири". Сборник стихотворений разных авторов, изд. Ю. П. Матвеевой, под ред. Ивана Брута. Томск, 1889 г., предисловие, стр. 3.

[2] В. Арефьев. „К вопросу о сибирской народной песне". „Сибирский сборник", 1899 г., I, стр. 34—40.

[3] См. об этом подробнее ст. А. Гуревича—„Фольклор ленского движения в программу работ фольклористов". Известия Иркутского государственного музея. Том II, 1937 год.

Фольклор Черемхово, Тельмы, Усолья, Петровского завода и др. промышленных предприятий старой Сибири оказался вне поля зрения теоретических работ М. К. Азадовского. Лишь ранняя приисковая поэзия, и то далеко не сразу, получила право гражданства на страницах фольклорных руководств указанного автора.

Памятуя о том, что, несмотря на наличие богатейшего фольклорного материала, фольклор рабочих Сибири остался неизученным, мы должны уделить максимум внимания этому участку фольклорной работы. Еще живы сейчас старики-рабочие, которые смогут активно помочь нам всем тем, что сохранила их память из далекого проклятого прошлого. Наряду с этим, нужно развернуть сбор фольклора на новых заводах и фабриках, на новостройках Восточной Сибири. Здесь перед фольклористами непочатый край благодарной работы.

То, что дано в настоящем сборнике в разделе «рабочий фольклор», является первым опытом включения в сибирский фольклорный сборник нескольких текстов рабочего фольклора. В прошлом тексты рабочего фольклора публиковались, главным образом, или в очерках путешественников или в корреспонденциях газетных работников старой Сибири.

Эпическая традиция в Сибири.

Работами ряда авторитетных собирателей и исследователей фольклора с несомненностью доказан факт наличия богатейшего наследства былинной поэзии в Сибири.

«Наблюдение, сделанное мною,—писал Вс. Миллер,—над географическим распространением былин, приводит к заключению, что почти весь наш Олонецкий репертуар былин, представленный в сборниках Рыбникова и Гильфердинга, перешел в Сибирь в XVII, XVIII и XIX в.в. вместе с колонизационным движением русского населения на Сибирскую окраину. О существовании эпической традиции в Западной Сибири в XVIII веке мы можем судить по знаменитому сборнику, приписываемому Кирше Данилову. Былины, жившие еще в Западной Сибири в устах отдельных сибирских поселенцев в первой половине текущего столетия, дошли до нас в записях Гуляева, кн. Кострова и Г. Н. Потанина. Гораздо скуднее наши сведения о существовании былин в Восточной Сибири, в старинных русских казацких поселениях»[1]. К настоящему времени мы имеем около шестидесяти текстов, записанных в Сибири, не считая материалов Сборника Кирши Данилова[2].

Скудость сведений, которую отмечал Миллер в 1895 г., объяснялась, как мы видим, отнюдь не отсутствием былин в Восточной Сибири, а отсутствием нужной работы в этом направлении. Последующие годы действительно обогатили нас целым рядом новых былинных текстов. О большом наличии их свидетельствовал Н. Протасов еще в 1904 г. В своем отчете Вост. Сиб. Рус. Геогр. Обществу он категорически заявил: «Считаю нужным сказать, что былина в Сибири сохранилась, но для записи ее нужно объехать тысячи верст с затратою полугодового времени и порядочных средств, и если бы нашлись люди, могущие поддержать эту работу материально, то в течение следующего года можно собрать от четырехсот до восьмисот мелодий»[3].

Через десять лет после него А. В. Пруссак записала новый текст былины, отъехав от Иркутска только сорок километров. «Факт сохранности приводимого ма-

[1] Вс. Миллер—„Новые записи былин в Якутской области". „Этнографические обозрения", 1896 г., № 2—3, кн. XXIX., стр. 72.

[2] См. об этом подробнее в ст. М. Азадовского—„Эпическая традиция в Сибири", Чита; 1921 г., стр. 12.

[3] Николай Протасов. „Как я записывал народные песни". Отчет о поездке в Забайкалье, изд. ВСОРГО. 1903, т. 34, № 2, страница 136.

териала,—как правильно отмечала собирательница,—тем более интересен, что записан он под самым Иркутском (записи производились, главным образом, в с. Суховском, около 40 в. от г. Иркутска)»[1].

Было очевидно, что, несмотря на богатейшую эпическую традицию в Сибири, все же оказались не исчерпаны все возможности выявления былинной поэзии в Восточной Сибири. Поэтому вполне правильно в 1921 г. проф. М. К. Азадовским был заново поставлен во весь рост вопрос об эпической традиции в Сибири. «Совершенно ясно,—указывал М. К. Азадовский,—что вопрос об эпической традиции в Сибири должен быть пересмотрен и поставлен на твердую почву научного исследования. На очередь научной разработки должны стать вопросы о судьбах былинной поэзии в Сибири, о характере ее эпического репертуара, о местных элементах в ней и т. п.»[2]. Одновременно с этим М. К. Азадовский выдвинул перед собирателями задачу поисков как самих былинных текстов, так и сведений об их носителях. «Правда, теперь трудна эта работа,—подчеркивал М. К. Азадовский,—слишком много времени ушло безвозвратно, слишком много возможностей утрачено, и постепенно все исчезают и исчезают с лица «земли Сибирской» последние отголоски некогда несомненно богатой и мощной эпической традиции. Но все же, быть может, еще в каких-нибудь глухих, таежных уголках нашего огромного края сохранились и приютились догорающие остатки эпоса, еще возможно, наконец, собрать в разных местах сведения хотя бы о былых носителях его»[3].

Произведенные нами записи былинных текстов в 1936 г. от бригадира колхоза им. Сталина, Борзинского района, с. Долгокыча тов. Кибирева Ефима Петровича, включенные в настоящий сборник, и целый ряд сделанных нами записей в 1936—1937 гг. сказок о былинных героях, с несомненностью убеждают нас в том, что былинная поэзия жива в Восточной Сибири и в наши дни, что народ высоко ценит и любит своих былинных героев. Мы знаем, что борзинские колхозники с большим интересом слушают былины об Илье Муромце со слов своего бригадира Петра Ефимовича Кибирева. С неменьшим интересом слушают тункинские колхозники сказки об Илье Муромце от своего знаменитого сказочника Егора Ивановича Сороковикова. Об этом же говорят и черемховские колхозники и колхозники других районов Читинской и Иркутской областей, слушая репертуар своих «посказателей».

Перед нами стоит актуальнейшая задача—систематически (а не так эпизодически, как это имело место за последние десятилетия), в течение ближайших лет провести тщательное, повсеместное обследование всей территории Восточной Сибири в целях полного выявления здесь носителей эпической поэзии и записи всех текстов былинной поэзии.

Не меньшее значение приобретает для нас необходимость изучения исторических песен. То, что было сделано до сих пор в этом отношении, является весьма скромным началом.

Из этого цикла песен особенно распространенными являлись песни о Степане Разине. Еще в 17 столетии, когда возник известный бунт крестьян села Бирюльки (в верховьях Лены) в связи со сменой приказчика сибирских пашенных сел, грабившего ленских крестьян, уже тогда, через двадцать лет после подавления восстания Степана Разина, его имя, как символ борьбы с угнетателями, присваивалось руководителю бирюльского бунта 1691 года[4]. В целом ряде колхозных казац-

[1] А. Пруссак—„Былина, бывальщина и три песни, записанные в Иркутском уезде Иркутской губ., журн. „Живая старина", 1915 г., вып. II.

[2] Марк Азадовский—„Эпическая традиция в Сибири". Чита, 1921 г., стр. 16.

[3] Марк Азадовский—„Эпическая традиция в Сибири". Чита, 1921 г., стр. 16.

[4] Гудошников—„Сибирь." Историческая хрестоматия. Раздел II. Русское население Сибири. „Бирюльский бунт 1691 г." (По Архиву Иркутского музея). Иркутск, 1932 год.

ких сел старики-певцы в 1936—37 гг. заявляли нам, что у беднейшего казачества песни о Степане Разине являлись любимейшими песнями. Живы до сих пор и легенды о Степане Разине. Все это обязывает нас усилить внимание в сторону углубленного изучения и этого фольклорного материала.

Завоевание Сибири, наличие в ряде сибирских сел исторических памятников, связанных с этой эпохой, о которой создано много легенд, также слабо еще изучены и требуют новых сборов фактических фольклорных документов.

Народные песни старой Сибири

«Через 10—20 лет от старой песни останется одно грустное воспоминание»,— так писал Н. П. Протасов в своем отчете о записи песен в Забайкалье в 1904 году, подытоживая свои впечатления об освоении молодежью песенной культуры стариков[1]. Об этом же писали сибирские собиратели и в 1912 и в начале 1917 года. С ними перекликались мысли мастеров народной песни, народных певцов народного горя, певцов о будущем счастье освобожденного труда.

До роста ли народного творчества было хозяевам старой Сибири? Их ли задачей было интересоваться сохранением всего богатства песенного, сказочного материала? Они знали только одну задачу—эксплоатацию, порабощение трудящихся масс.

Только в наши дни великого социалистического строительства созданы все условия для большой плодотворной работы, для расцвета народного творчества, для всестороннего роста песенной культуры раскрепощенных народов нашей страны. Богатство народной музыки, народной песни широко используется советскими композиторами, поэтами страны Советов. В самодеятельных кружках на предприятиях и в колхозах, в театрах народного творчества носители песенного фольклора имеют возможность развить свои творческие таланты, передать молодому поколению накопленные богатства песенного народного творчества, освоить новые песни наших дней.

Включенные в настоящий сборник песни, объединенные темой—«женская доля», представляют собою лишь один из циклов всего массива старой народной песни, широко бытующей повсюду в Восточной Сибири. Собирание этих песенных текстов есть наша неотложная задача.

Перед отделами искусств Иркутской, Читинской области и БМАССР, перед всей фольклорной, музыкальной общественностью Восточной Сибири стоит большая работа по собиранию музыкального фольклора всех народов Восточной Сибири. Надо подчеркнуть, что после первого собирателя русского музыкального фольклора в Сибири Н. П. Протасова, на протяжении трех десятилетий музыкальный фольклор Восточной Сибири, несмотря на высокий отзыв такого знатока русской музыки, как Римский-Корсаков, о ценности сибирской песни—не изучался во всей широте и многообразии. За три десятилетия мы можем назвать весьма незначительное число гармонизированных текстов. Не сделано и нужных фонографических записей.

Национальный фольклор

В настоящем сборнике в разделе «национальный фольклор» представлено народное творчество бурятских, эвенкийских и якутских трудящихся масс.

Из среды бурятского народа с помощью Восточно-Сибирского географического общества, где работали тогда политические ссыльные, выросли в больших собира-

[1] Ник. Протасов „Как я записывал народные песни". Отчет о поездке в Забайкалье, Изв. ВСОРГО, 1905 г., т. 34, № 2, стр. 135.

телей бурятского фольклора несколько бурят-фольклористов. В условиях общего жесточайшего национального угнетения, вымирания нерусских народов нечего было и думать, чтобы в царской Сибири могла вырасти своя бурятская национальная интеллигенция и интеллигенция народов Севера. Только в Советском Союзе, где все народы на равных основаниях строят свою культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию, выросли национальные институты языка и литературы, где вопросы фольклора занимают виднейшее место, сбором и обработкой их заняты люди, воспитанные Советской властью.

Первые собиратели национального фольклора в Сибири были миссионеры. Их тенденционный отбор фольклора мы можем ясно проследить по всем литературным источникам этого периода. Отрывочные сборы проводили путешественники иностранные и русские. Позже многое сделали политические ссыльные, отбывавшие ссылку среди этих народов. Но долгие годы не было своих национальных кадров собирателей фольклора, которые бы смогли записать фольклор на своем родном языке, собрать подлинные жемчужины народного творчества.

За последние годы вышли специальные сборники бурятского, якутского, эвенкийского фольклора (библиографию см. в примечаниях), которые постепенно начинают восполнять крупнейшие пробелы, существовавшие в фольклористике, как наследие омерзительной политики царской России.

Фольклорная секция Иркутского государственного научного музея поставила перед собой задачу—активно включиться в дело собирания и изучения национального фольклора народов Восточной Сибири. Национальными и русскими фольклористами собрано пока еще небольшое число легенд, сказок, загадок, раскрывающих отдельные духовные стороны каждого народа. Имея в составе нашей секции лишь несколько собирателей национального фольклора, естественно, что мы смогли представить характерные особенности народного творчества бурят, якутов и эвенков лишь в самой незначительной части.

Подлинный расцвет национального народного творчества, начавшийся у всех народов Советского Союза, обязывает фольклористов по-большевистски развернуть организационную работу среди всех народов, населяющих Восточную Сибирь. Мы имеем здесь возможность изучить фольклор украинцев, белорусов, евреев, татар, цыган и других. Отдельные записи уже сделаны. Но все это лишь первые шаги.

Публикуя отдельные тексты из фольклорной поэзии якутов, бурят и эвенков, мы надеемся усилить внимание, особенно со стороны национальной молодежи, к этому важнейшему участку культурной работы. Только общими силами мы сможем собрать и изучить все многообразие народного творчества, культурные взаимовлияния, которые сильно отразились в устном поэтическом творчестве народов Восточной Сибири.

«Великая Октябрьская Социалистическая Революция пробудила к жизни художественные таланты всех советских народов. Нет такого народа в СССР, у которого не было бы своих даровитых, талантливых рассказчиков, певцов, с большой силой и чувством славящих и воспевающих новую жизнь—радостную и счастливую. Но собирание и популяризация лучших образцов фольклора пока еще находятся в резком противоречии с тем размахом, который народное творчество приняло после Великой Социалистической Революции. (Разрядка наша—А. Г.). И косвенное значение книги «Творчество народов СССР», которую редакция «Правды» выпускает к XX годовщине Великой Социалистической Революции в том, что она, эта книга, привлечет внимание партийных, советских писа-

тельских организаций, нашего комсомола, учительства, печати к такому важному делу, как вдумчивое, тщательное собирание драгоценных строк народного творчества»[1].

Вопрос о фольклорных кадрах, о включении в фольклорную работу новых и новых собирателей народного творчества является сейчас действительно самым насущнейшим вопросом для разрешения задач, которые стоят перед советской фольклористикой, в частности в Восточной Сибири.

Несмотря на то, что в настоящем сборнике даны записи ряда активных фольклористов, все же при наличии в фольклорной секции значительно большего числа подготовленных собирателей, мы бы смогли ярче и многообразнее представить все виды народного творчества Восточной Сибири. Многое из того, что является нашей ближайшей задачей, было бы с успехом уже разрешено теперь—к моменту издания сборника. Могут ли поспеть за ростом народного творчества один—два собирателя фольклора на район такой огромной территории, какую занимает Восточная Сибирь.

Редакция газеты «Восточно-Сибирская Правда» обратила на это внимание партийных, советских организаций. В своей передовой «Народное творчество» газета писала: «Небольшой отряд фольклористов Восточной Сибири, с энтузиазмом отдающий свои силы и время делу собирания и изучения фольклора, не может собрать и изучить все многообразие легенд и песен, сказок и пословиц, частушек и загадок Восточной Сибири. Но разве нет у нас людей, которые могли бы готовить себя для этой интересной научно-исследовательской работы? Конечно, есть»[2].

При развертывании широкой популяризации задач советской фольклористики мы сможем черпать нужные нам кадры из среды самих исполнителей и носителей фольклора. То, чего нельзя было организовать в старой каторжной, забитой, неграмотной Сибири, легко сделать теперь, когда народы Восточной Сибири неизмеримо культурно выросли.

Нам вспоминается характерный факт из истории фольклористики Сибири, относящийся к концу 40 годов XIX столетия, когда собиратель, не имея возможности опереться на массы, решил обратиться за содействием к местным сельским властям. Единственная «культурная сила» тогдашнего села—сельский писарь, которому поручило начальство провести опрос населения, свел все научное задание к обычной для него казенщине. Так, например, отвечая на вопрос о песенном репертуаре Богучанской волости, Енисейской губернии, писарь Кулаков писал: «При разгулках своих поют разные песни». Перечислив название семи песен, он закончил отчет словами: «И прочие, согласно книги российских песельников»[3].

В новой Сибири с ее многочисленными культурными кадрами в городах и селах мы можем широко развернуть не только экспедиционную, но и стационарную фольклорную работу. И всегда получим необходимую помощь и поддержку от наших сельсоветов, правлений колхозов, самих колхозников, рабочих, заводских и фабричных организаций.

Не покладая рук, коллективными силами соберем и изучим фольклор нашей великой родины!

Гор. Иркутск, 1938 год. *Александр Гуревич.*

---

[1] Из предисловия к книге „Творчество народов СССР", под редакцией А. М. Горького, Л. З. Мехлиса и А. И. Стецкого.

[2] Народное творчество. Передовая „Восточно-Сиб. Правды", 24 сент. 1937 г. № 222.

[3] „Дело о доставлении высшему начальству сведений о скороговорках и наречиях Богучанской волости". Журнал „Сибирский архив", № 2, февраль 1913 года.

I. О ЛЕНИНЕ И СТАЛИНЕ

1. МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЕНИНЕ

О Владимире Ильиче я узнал тогда, когда нас перебросили с отрядом в Кремль.

Наш отряд сибиряков занимал пост в чугунном коридоре.

Однажды мне пришлось его видеть на кухне, как раз пришел за супом, и он тут же. Все заботился.

Вот, как-то раз, накануне пасхи (раньше она была), загорелся склад патронный в Кремле. В час ночи тревога у нас. Прибегаем на пожар, машина там, смотрим, тушат, и здесь Владимир Ильич. Которые знают его, так друг другу на ушко говорят: «Смотри-ка, смотри-ка, Владимир Ильич».

Владимир Ильич часто беседовал с нами. Идешь по Кремлю, встречает тебя, сразу находит вопросы, спрашивает все.

Один раз в Кремле, только что я стал заворачивать за угол, смотрю, он идет. А он всегда, как встречает, вперед картуз поднимает.

— Здравствуйте! Ну, как живется?—спрашивает.

Много он меня не расспрашивал.

— Ты сам откуда?

— Я,—говорю,—из Сибири.

— Как же ты сюда попал?

— С германского фронта поступил в добровольный отряд.

— Таких у нас побольше бы было, мы бы скоро дело свершили!

Эти слова мне запомнились.

Мы стояли в Кремле три месяца. Охраняли в чугунном коридоре, в кабинете у Ленина.

Не знаешь, бывало, когда он спал, когда он отдыхал. У нас особое помещение было. Чугунный коридор, а там наш караул. В 12 часов ночи приходишь— он занимается, пишет что-то. Приходишь после смены, в шесть часов, он тут же за столом. Все пишет. Я сколько раз приходил, правда, раза два не захватывал, а то все за столом, за занятием.

Не раз я слышал его в Ленинграде и здесь (в Москве), он говорил на митингах. Хорошо говорил—задушевно, просто, ясно. Зажигались мы все.

2. Я ВИДЕЛ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА

Приезжаю я раз в Ленинград, а по-тогдашнему Петроград его называли. А народу там тьма. Дело было зимой. Холодно. Все замерзли. Но какой-то человек залез выше всех и что-то говорит. Это меня заинтересовало. Но шум, плохо его было слышно. Я осмелился и спрашиваю у одного из мужчин:

— Кто это такой?

Мужик говорит:

— Где?

— Да вон, выше всех-то!

Мужик нахмурился на меня и говорит:

— Да как тебе не стыдно не знать этого человека? Ведь это—Ленин!

Я тут и рот раскрыл. Смотрю и глаз с него не спускаю. Да он-то обыкновенный человек: так же в пальто, в простой шапке, но только, видать, замерз тоже, как вся публика, скорчился. А что он говорил, я, видать, опоздал. Он поговорил с полчаса. Потом его не стало. Но тут уже все закричали, кто в ладошки зашлепал. Я еще его дожидался. Думал, он опять будет говорить. А он, наверно, ушел домой. И вся толпа разошлась.

Но вот, я хоть за свой век увидел нашего руководителя—Ленина.

3. НА БАЙКАЛЬСКОМ ФРОНТЕ

У красногвардейцев были рассказы о Владимире Ильиче. Нам сообщали, что вот скоро Ленин придет. Надо было удержаться, но мало нас тогда осталось в Байкальском бою: погубили белые много народа.

Сообщали нам: «Держитесь. Недалеко Ленин идет со своей Красной гвардией».

Когда в восемнадцатом году к Забайкалью отступали, нам говорили: «Вот Ленин придет, поддержитесь».

Командиры, красногвардейцы между собой говорили: «Скоро Ленин придет. Поддержка нам будет».

Ждали его с Красной гвардией, с войском. Слых-то был, что они с России шли сюда. Там ликвидировали дело, значит, сюда к нам шли на подмогу.

В Култуке, в других местах Байкальского фронта также говорили о Ленине. «Ленин идет. С войском. Скоро. Поддержаться надо».

В восемнадцатом году это было.

...Станция Байкал была сдана. Култук в это время дрался еще двое суток, еще держался. Перевес был на стороне противника. В это время появился боевой самолет, стал летать над нами.

Тут стали говорить:

«Центральные войска очень близко. Здесь на самолете летает Ленин, сообщает о том, что нужно держаться».

Начали воодушевляться. Стала выходить фронтовая газета «Красноармеец». Небольшая газета, как маленький листок.

Говорили о том, что Ленин летит. Об этом говорили по фронту. Говорили, что это наш самолет. Верно, самолет военных операций не производил, покружился над Байкалом и улетел обратно. Но мы считали, что это наша разведка, которая давала знать, чтобы мы держались лучше.

БУРЯТСКИЕ ЧАСТУШКИ О ЛЕНИНЕ

4

Если бы не было высокого неба,
То откуда бы взялись звезды?
Если бы не было великого Ленина,
То откуда бы взялся ВЛКСМ?

5

Жалко, когда плавающая по воде лодка
Уносится течением,
Жалко, когда освободитель народа
Ульянов
Уносится смертью.

ЖИЗНЬ СЧАСТЛИВУЮ КУЕМ ПО ЗАВЕТАМ ЛЕНИНА

6

Куплю Ленина портрет,
Золотую рамочку,
Вывел он меня на свет—
Темную крестьяночку.

7

Мы теперича живем
Как нам было велено.
Жизнь счастливую куем
По заветам Ленина.

БУРЯТСКИЕ ПЕСНИ О СТАЛИНЕ

8

Когда снег лежит по горам,
Кто растопит его в декабре?
Так мы мерзли у жадных лам,
Так жилось беднякам при царе.
Наше прошлое—злая зима,
Притеснял нас кулак и лама.

Когда в степи приходит апрель,
Люди с птицами рады весне.
Так мы дружно вступали в артель,
Так живем мы в свободной стране.
Наша песня весельем полна,
Мудрый Сталин—это весна!

9

Когда майская степь зацветет,
Сердце бьется и песни льются.
Так народ наш приветствие шлет

Мудрой Сталинской Конституции.
Торжеством наша песня полна.
Светлый Сталин—наша весна!

10. ИЗ ПИСЬМА ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ ШКМ с. НОВОЙ УДЫ ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

«Наше село вы, конечно, очень хорошо знаете. Ведь вы, дорогой тов. Сталин, жили здесь в ссылке, куда вас послали цари и буржуи за подпольные кружки. В далекую сибирскую тайгу прятали цари бойцов-революционеров. Мы этого, конечно, не помним—нас тогда еще на свете не было, но бабушка Литвинцева нам рассказывала, как вы жили здесь у нас. И избушку показывала, только жаль, избушку своротили, когда была у нас война. Бабушка эта теперь умерла, а то бы она написала вам. Хотя была она неграмотная, но мы бы за нее написали.

А с бабушкой было вот как: пришла она в школу, посмотрела, посмотрела на ваш портрет и говорит: «А я этого мужика знаю»,—это она про вас так сказала, тов. Сталин,—«еще, помню, краюху хлеба давала ему, когда он отсюда убег». И мы ее, конечно, всем отрядом за эту краюшку хлеба очень благодарили.

Бабушка Литвинцева нам еще рассказывала, и старики тоже говорят: «Было и в нашем селе много поселенцев-революционеров. Пригоняли их по Жигаловскому тракту стражники с ружьями, причисляли каждого к своему десятку. Им отсюда никуда нельзя было ни уйти, ни уехать. По субботам, сказывают, поселенец дол-

жен был прийти к старосте на отметку: дескать, я тут, никуда не делся. А вы, тов. Сталин, ловко обманули всех стражников, убежали отсюда. И это очень хорошо. Убежали и вместе с Лениным и со всем рабочим классом и крестьянами сделали революцию».

II. РАССКАЗ КОЛХОЗНИКА ИСАКОВА О СТАЛИНЕ

Раньше ссыльные назывались политическими. Их гнали очень много сюда. Полиция строго следила за ними. Каждый вечер ходили полицейские, проверяли и спрашивали: дома ли. Если ссыльного не было дома, и он отпускался на время, его допрашивал полицейский: где был и куда ходил, зачем, почему?

Сталина я узнал так. Был второй день пасхи. До этого я был должен одному маслобойщику и пошел с ним рассчитаться, но его не было дома. Я посидел немного. Тут собрались ребята, а среди них были и ссыльные. Мы стали играть городком, товарищ Сталин был в моей партии. Он так плотный из себя.

Имя Сталина я услыхал тут же. Это было так. Мы бросали палки, и пробросали, а товарищ Сталин стоял с палкой и что-то очень отвлекся, так один из ребят крикнул, из политических ссыльных: «Сталин, бросай».—Вот отсюда я и помню о Сталине.

Второй раз его я видел в начале страды, после покоса. Меня попросили сшить чирки одному крестьянину. Я пришел к нему, но его дома не было и мне пришлось ждать. Сталин очень часто ходил к этому крестьянину. Когда пришел хозяин, он сразу увидал у порога маленький горшочек. Он взял его и спросил жену: «Откуда этот горшок?». Жена ему говорит, что это я взяла у Сталина. Он собирается уходить. Я дала ему полбуханки хлеба.

СТАЛИН—ДРУГ, ОТЕЦ, УЧИТЕЛЬ

12

Сталин—партии водитель.
Сталин—вождь народных масс.
Сталин—друг, отец, учитель
Всех и каждого из нас.

13

Написал в Москву письмо
Я на имя Сталина,
Что зажиточной он сделал
Жизнь мою крестьянина.

14

Широку теперь дорожку
Приобрел рабочий класс,
Дорогой товарищ Сталин
Поведет все дальше нас.

15

Дайте мне перо, бумаги,
Пошлю Сталину письмо.
Я в колхозе стала сыта
И одета хорошо.

16

Дорогой товарищ Сталин,
Он ведет страну вперед.
Жить зажиточней мы стали,
И культурней стал народ.

17

Я сорву цветочек алый,
Приколю его на грудь.
Дорогой товарищ Сталин
Вывел нас на светлый путь.

II. КАТОРГА И ССЫЛКА

УСТНЫЕ РАССКАЗЫ О ФРУНЗЕ

18

Здесь я с 1912 года со 2-го апреля. Раньше работал в Варшаве строительным рабочим, печником, каменщиком. Как взяли, так вскоре в Москве сидел, в Бутырской тюрьме в 85-й камере отбывал, потом в Александровском централе.

Познакомился я с Фрунзе здесь, точно не помню в каком году, в 15 или 16. Была там в Манзурке касса взаимопомощи. По доносу Верхоленскому жандармскому управлению, Фрунзе должен быть арестован за эту кассу, как председатель. Он убежал в Качуг из Манзурки, когда в Манзурку жандармы явились.

Здесь имелась колония ссыльно-политических и имелась партия в 32 грузчика (на пристани). Имелась своя столовая. Сюда и поступил Фрунзе в качестве грузчика.

При помощи Родионова Алексея Федоровича, заведующего пристанью, удалось нелегально содержать Фрунзе.

А на пристани имелась повозка из-под начальства, в которой Фрунзе по ночам ночевал, а днем уходил в лес с газетами и книгами. Наша артель грузчиков поддерживала его продуктами: идет на свиданье и несет пищу. Так продолжалось до 17 года февраля месяца. И после он уехал, кажется, в Иркутск и в Москву.

Раз такой случай был. Хоронили одного товарища из нашей артели, фамилию забыл. Выступал на митинге и Фрунзе, который характеризовал его: как жил, как сидел в тюрьме, как вышел из тюрьмы, пожил одну неделю и умер. Он был с высшим образованием, который умер. Митинг жандармы разгоняли, но мы не подчинились. Было много народу. Одних ссыльных было больше 300 человек и другие граждане.

Перед переворотом листовки на курительной бумажке распространяли, и до этого собрания устраивали.

А зимой Фрунзе ходил и жил у товарищей, на которых было меньше подозрений. Он с неделю работал грузчиком, груз был до 18 пудов, и носить его он не мог.

13 августа, кажется, 14 года я пришел к Агриппине. Мы с ними родня немножко были. Ну, захожу во двор, а Фрунзе уж столярил.

— Здорово!

Он сказал тоже: «Здравствуй», и спрашивает, как звать.

Я говорю:—Иван.

Он пригласил в избу. Газету подвернул, стали читать.

— Это газеты,—сказал он,—Владимир Ильич нам подает.

— А где он живет?—спросил я его.

— Вниз по Ангаре,—сказал он так.

— А где ты живешь?—спрашивает меня.

Я говорю:

— В Седово. (Мы в Седово в то время жили, это сюда в колхоз переехали).

Раз он приходит ко мне. Потом пошли мы на купеческу пасеку. Он там и говорит:

— Вот так будем жить, как эти пчелы.

А я говорю:

— Вот, Михайло Васильевич, тут вылетела партия пчел, а там у них кто остался?

— А там,—говорит Фрунзе,—матка осталась, руководит которая. И если,—говорит,—что будет, так вы входите в коммунию и будут там работать коллективно.

Пошли обратно, доходим до муравейника, а он взял, разворочал его и опять указывает мне, что вот как будем работать.

А муравьи спешат, работают, сучья, иглы таскают.

Пришли мы с ним домой и разошлись.

Потом он, как-то повстречавшись, спросил:

— Увезешь меня докуль-нибудь?

Я сказал:

— Боязно, ведь меня убьют, как узнают такое дело.

Он сказал:

— Тогда убьют и меня. Не бойся, да я заплатю щедро.

Потом говорит:

— Вези давай, дядя Иван, когда солнце так будет вечерне. Запряги тарантанчонку (тележонку худую) и подъезжай. А мы пойдем прогуливаться.

Ну, я согласился. И еду по степи потихоньку. Оне вдвоем идут, напевают. Я как пересекать начал дорогу, оне меня окружили и со мной пошли. Потом оне шли, а я еду. Потом он на ходу сел в телегу и лег под таринищку (дерюгу). И на гору так я его повез. Поднимаемся на гору, попадает верхом стремянник и спрашивает:

— Ково везешь?

— Да вот, говорю я, пьяного; знакомый мужик-то.

Потом дальше едем. Попадается опять бурят и спрашивает:

— Ково везешь?

Я говорю:

— Едем в Хоготы (это такая деревня на пути).

Бурят отдалился. Нас так и не узнали. До Хоготов версты 2 не доехали, он соскочил и ушел от меня.

И с тех пор не видел, куда он и ушел.

Агриппина Ивановна нам сродни была. Фрунзе хорошо разговаривает, и мне было приятно слушать. Оне меня еще звали на обед, у них столовая своя еще была. Ево шибко преследовали полицейские, трудно было жить. Ишо связь была у его

с Лениным, и он тут руководил за старшего. Он тихонько рассказывал мне и наказывал никому такому не говорить, то бы сразу поддели. Оне ходили на охоту. Пойдут и ко мне зайдут. Когда унимал (приглашал) пить чай, то когда сядут, когда нет. Да и сядут, так по стаканчику только выпьют и хлеба не едят. Знать, таки уж люди. Но он быстрой был такой.

Когда, бывало, приходил на праздник к Агриппине Ивановне, то Фрунзе за стол к рюмочке не садился, а сторонился и со мной не разговаривал. И виду на людях не подаст. Он хитрой был, себя берег и людей тоже.

Когда переворот случился, то в Манзурке собралась цела толпа и говорили:

— Ну, дядя Иван, оне теперь будут жить!

Как-то ко мне зашел уполномоченный из района, чтоб отвезти. Я запрягаю кабриолетку. Он увидел. Осердился, што де не поеду на такой. А я говорю, што я Фрунзе ишо не на такой возил, а што досок-то не было, да он ехал да хвалил. Нехорошо ему стало.

Он (Фрунзе) был во френчике, сапоги на нем были. Шибко невысок, среднего росту, музгловатый (черноватый). Он папиросами потчевал меня. Сильно за ним полицейские преследовали, так, что прятался иногда. Меня раза три полицейские допрашивали, пошто де с таким презрительным человеком разговариваешь, знакомишься.

20

К нам его (Фрунзе) привели и поставили на квартиру. Он был один первое время, занимал комнату. Столярной работой занялся. И столярил в отдельной комнате.

Помнится, зимой выйдет дрова колоть без рукавиц, без шапки, а холодно. Но он ничего—колет. С воз так расколет, разогреется и уйдет. С папашей моим иногда целые ночи просиживал в его помещенъи. Што уж оне там говорили, не знаю. Вот отец живой был бы, так рассказал. И предсказывал он, скоро большая перемена будет.

Приходилось мне с ним дрова пилить. Он сделал отцу шкаф, диван, налишники. Сейчас вот у дому рамы, тоже ево работы. Он невысокой ростом, волосы курчавы. Мой младший брат (Константин) работал в Бодайбо 5 лет, а потом попал в Москву учиться. И жил у бабушки Фрунзе, и она помогала ему учиться.

21

Приехал он (Фрунзе) к нам от Шошина в феврале месяце на житье.

Фрунзе жил один в комнате. Обедали мы с ним вместе, иногда двое. Он что нибудь купит. А попервости столовки были у них. Жил в отдельной пристроенной избе (комнате). Тут и койка стояла, тут и верстак, тут и инструмент. Делал он ульи для пасеки, стулья, табуретки, кровати, вешалки, да всего и не запомнишь, что он переделал. И где теперь все это, я и не знаю.

Устраивали вечера только исключительно из своих политических. А когда боялся ареста, в связи с работой социал-демократической, видно, так он просил меня иногда закрыть его под замок в кладовку, а самой велел уйти.

А арестовали так его. Мы вымылись в бане, а потом ушел в баню Фрунзе. В это время нас накрыли полиция, жандармерия, пристав. Из избы нас не выпустили и стали спрашивать про его. Выйти бы и предупредить, нам нельзя было, а не сказать не могли, что он в бане. А он сам и идет в это время из бани. Дошел до сеней, его тут и схватили. Он сел на диван, а ему сказали:

— Одевайсь.

А он сказал:

— Подождите.—Отдохнул и стал одеваться. И увели и обыскали.

Когда его арестовали и увезли, то он мне писал, как Васильев, сменил фамилию.

Ездили мы с ним на пашню иногда, на охоту. Ездили раз за тесом в Кожилов, это было 15 километров отсюда,—для столярных работ тес ему был нужен.

Он среднего росту. Любил одежду простую, ходил все больше в сапогах.

Фрунзе на балалайке играл «Славное море, священный Байкал». Я как сейчас помню, он часто пел. Ходили политические на охоту. А как сходят на охоту, то прячут ружья в навоз: не разрешалось им ружья иметь. Не за утками ходили, а в лес уедут и там подолгу оставались. Заготавливали дрова тоже. А в май ходили чай пить. Ходили тогда к мельнице. С ними Дуська Рыкова и я. Нас брали для отводу глаз, видно: за ними ведь следили все.

У него был альбом, да я покажу вам его. Это другим политссыльным для Фрунзе сделаны рисунки.

А когда мы с ним обедали, бывало, вдвоем, то он рассказывал за столом, за что боремся, что податей не будет и жизнь сильно переменится.

Сейчас вещей у меня только вот альбом да ложка алюминевая с вырезанной буквой «Ф».

В марте 1915 г. мужа на германскую взяли,—у меня тоже хотели хозяйство взять и отдать под опекунство. По этому делу вызвали к хрестьянскому начальнику Фрунзе и спрашивали его о моем поведении, и он дал хороший отзыв.

22

Когда я прибыл сюда, то здесь было мало ссыльных, а летом прибыло. Жили плохо. Ходили встречать каждую партию политссыльных в волостное правление, чтобы покормить, порасспросить вновь прибывших.

По приезде Фрунзе мы с ним сразу увиделись. Ходили с ним дрова заготовлять в заводский лес (винзавод бывший). Заготовили 15 кубометров. Заготовляли для своей столовой. Потом полиция закрыла столовую, и дрова не использовали. Ходили мы с ним на охоту. Ребята, бывало, выгоняли уток, а мы били. Ребята часто приносили ягод. Фрунзе сначала заказывал, а потом ребятишки почти каждый день зачастили с ягодами, а Фрунзе, хоть и не надо, но не отказывал и покупал, а грибы или что другой раз и высыпал, но не на глазах у ребятишек.

Собрания, большею частью, проводил Фрунзе.

Литература выписывалась, хранилась больше у Фрунзе.

23

— Вам про кого рассказывать-то? Я, ведь, со многими на веку встречался.

— Расскажите о Фрунзе.

— А как его звали?

— Михаилом Васильевичем.

— О, Михаил Васильевич... Помню, помню, хоть и давно это было. Давно. Много годков прошло уж. Он тоже охотник промышлять был. А ружья у ево не было, вот он и брал у меня ружье. На время брал. Раз убили они с Розенбергом, што вот Розой-то у нас зовут, молодого сохатого. Мне дали стягно мяса, заднюю часть. Я имел там, за 40 верст отседова, зимовье (избушку). Оне у меня там жили,

Розенберг и он. Оне жили у меня ден 12 весной, с 8-го мая. Меня сначала там не было, потом и я приехал к ним туда. Я рыбу промышлял. Речки там вместе сошлись версты 3 ниже моего зимовья. Рыбы вдоволь там было.

Он после революции посылал мне поклон, спасибо, что я его учил промышлять.

А когда Михайло Васильевич жили с Розенбергом у меня, у них с собой конь был из Манзурки, верховой. Когда я медведя убил, то ихнева и моево коней седлали и за медвежатиной. Я ево убил версты за 4 от зимовья и пришел на зимовье и позвал их с собой. Оне пошли охотно и помогли мне облупить. Я им дал медвежатины. Там его на месте облупили и сложили в мешки и на коней еле-еле навалили: боятся кони медвежьего духу.

А Михайло Васильевич молодой да и боевой парень был и добродушный был, не пожалуюсь. Все меня звал: «Дедушка Влас».

После ишо встречался с ним, так поздоровается и все. Никаких дел у меня с ним не было больше. Я уехал с зимовья вперед, а оне ешо немного оставались.

Избушку ту сожег беглой татарин какой-то. А теперь построена вновь.

За ту избушку я в 18 году при белых отсидел месяца 4, признали, что я беглый, да дезертиров разных укрываю.

24

Я был в то время маленьким. Ходили за грибами, за ягодами с братом Романом. Брат у меня был к тому же охотник поплясать. Пляской интересовался Фрунзе. И мы, ведь, живем близко от того дома, где жил Фрунзе. Как мимо их идешь, если они сидят на завалинке, то нас подзывали. Потом мы ходили за щавелем мелким. Они тоже его оплачивали, как ягоды и грибы.

А когда они охотились, то отец коней давал для облавы, и сам ездил на облаву с ними. Сам на одном коне мой отец ездил и им двух давал.

И иногда Фрунзе приходил к нам за творогом, за сливками, яйцами. А приходил и спрашивал сразу, есть или нет, а не медлил. Если нет, сейчас же возвращался и уходил.

Более подробное что-нибудь не помню, маленький был, да и давно было.

25. О КАТОРГЕ

Горбачев Мирон Федорович служил на военной службе при царской власти, при царе Александре. Убили фельдфебеля. Было их четверо: трое его товарищей и четвертый Горбачев. Их осудили на 12 лет в каторгу. Они сидели в тюрьме в России, в Люблинской губернии. 5 лет они сидели, потом их сослали в Сибирь, в Иркутск—в Александровскую тюрьму. Из тюрьмы гоняли на работу в Черемховские шахты. На работу гоняли в кандалах. Работали они 16 часов в сутки. На работе были прикованы к тачкам. Кормили их, давали хлеба по 2 фунта на день. Из России их гнали в кандалах под конвоем солдат.

26. В ССЫЛКУ

Я попал с отцом сюда в ссылку в старое время, мне было тогда 12 лет. В то время отец мой батрачил у кулака. Жили мы очень уж бедно. Жили мы в России тогда. Вот раз отец шел по дороге и повстречал своего хозяина-кулака, который был в пьяном виде. Этот пьяный кулак подошел к моему отцу и давай на него

блевать, запачкал все лицо и рубашку моему отцу, а отец не вытерпел да и толкнул его в сторону, а тут, как назло, шли рекрута, ребята-рекрута и подняли насмех кулака. Он стал их ругать, а они его давай пушить камнями... На другой день хозяин-кулак этот и поехал в город да там и нажаловался на моего отца. Вскоре пришел приказ: выслать моего отца с семьей в Сибирь на поселение. Вот и шли мы пешком до ст. Нижнеудинск, а там нам сказали: «Идите, куда хотите, только обратно не вернитесь». Мы и поехали в Кимильтей, тут наша родня жила раньше. Вот я 7 лет в колхозе работаю и работаю хорошо, несколько раз меня премировали. Отец давно уже умер.

СТАРЫЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПЕСНИ

27. ПЕСНЯ НОВОБРАНЦА

Вынул я жребий недальний,
Смерили, крикнули: «Гож!»
А что же глядишь так печально?
В царскую службу идешь!
Правда, слезами зальются
Мать и сестра, и жена.
Ну, да, небось, обойдутся:
Царская служба нужна.
Сила-то в царском ведь войске:
Где нужно, там пулей, штыком
Ты расправляйся геройски
С братом своим—мужиком...
Если забитый, голодный
Русский бесправный мужик
Хлеба захочет досыта—
В глотку всади ему штык.
Если фабричный рабочий
Хочет свободно дохнуть—
Помни устав и присягу:
Целься верней ему в грудь...
Правды законы святые
Поп изменил их давно,
Вспомни права крепостные.
Что тогда поп говорил?
Он не видал, как с дворянством
Царь кровь народную пил?
А жертв крепостного тиранства
Разве не поп хоронил?
Разве не поп равнодушно
Связанных в церкви венчал?
А насмерть пороли в конюшнях—
Он тогда что же молчал?
В барскую спальню водили
Прямо из церкви невест.
Где же попы тогда были?
Где их евангелие, крест?
Бедный, голодный с семьею
Русский крестьянин стонал...
Звоном своей колокольни
Поп этот стон заглушал.
Да и теперь проливают
Много и крови, и слез...
А поп все свое повторяет:
«Так заповедал Христос!»
Стадо таких же баранов
Будет по плацу шагать,
И будет под дробь барабанов
Лживой присяге внимать!

28. СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Дружно, братцы, песню грянем
Удалую в добрый час.
Мужиков мы бить не станем,
Не враги они для нас!
Только злые командиры
Их приказывают бить,
Чтоб солдатские мундиры
Этой бойней осрамить.
Брат пойдет ли против брата?
А крестьяне братья нам.
И для честного солдата
Убивать их грех и срам.
Так затянем же дружнее
Нашу песню в добрый час.
Мужиков мы бить не будем
Не враги они для нас!

29. ГОВОРИЛИ ЦАРЮ

Говорили царю:
—Беден, темен мужик.
Повели, государь,
Просветить нам его.
—Не мелите вы чушь!
Для чего? Да к чему?
Если подать когда
Он на срок не отдаст—
Сорок розог вкатите ему!

Если беден мужик—
Значит, пьянствовать стал,
А за пьянство его
Уж не миловать стать!
Поучи-ка его,
Так уж он и того:
Скажет: «Сам я умен!
Обойдусь без царя,
Значит, к чорту его!»

30. ВО СЛАВНОМ ПИТЕРЕ НА ТРОНЕ

Во славном Питере на троне
Николай сидит в короне.
Перед ним сидит мамаша,
Рядом с ним супруга Саша.
И ведут они совет:
«Дать свободу или нет?»
Николай сам дать бы рад,
Да ругает его мать:
— Эх, ты, глупая ворона,
Не к лицу тебе корона!
Ну, чего ты так размяк?!
Передумай так и сяк.
Ну, скажи, зачем народу
Дашь ты полную свободу?
Чтоб тогда свободный он
Нас с тобою выпер вон?
Отвечает Николаша:
— Ох, какая вы, мамаша,
Вы подумайте: теперь
Разъярен народ, как зверь,
Он готов, царица-мать,
Нас на части разорвать!
Если дальше его мучить,
Может то ему наскучить.
Слушать нас он не захочет,
На дворец он наш наскочит,
Спины вздует мне и вам.
Если ж я свободу дам,
То бумажечкой одной
Обеспечу всем покой!
Сосчитай-ка ты нам, сколько
Даст доходу монополка?
Винокуренный завод
Также даст большой доход,
Да и сахар-рафинад,
Это тоже чисто клад!
Да притом же, я народу
Дам условную свободу.
Ведь народ-то наш дурак!
Манифест составить так,
Витте это все умеет,
Он над этим порадеет,
Чтоб свободы был лишь след,
Будто есть она иль нет,
Будто правду все дано,
А рассмотришь—вот оно!
Делай все, но осторожно,
То нельзя, а то не можно...
— Молодец ты, Николаша!—
Говорит ему мамаша.—
Зря тебя я лишь ругала.
Так работай же скорей
Над свободою своей.
Так по милости царя,
В половине октября,
Манифест имел народ
С миражом семи свобод...

31

Царь ты наш русский,
Носишь мундир прусский.
Все твои министры—
На руку не чисты.
Все сенаторы—
Пьяницы и воры.
Флигель-адъютанты—
Дураки и франты.
Сам ты в три аршина—
Экая скотина!

32

По дальнему краю Сибири,
С тоской наболевшей в груди,
Где лучшие люди в народе
Сидят за невинность в тюрьме,
За правду он был арестован,
Страдавший за русский народ,
Крепко цепями закован,
Наверно, в тюрьме он умрет!
Мне говорил: «Не смущайся!
И брата отсель уведи,
Спокойно домой возвращайся
И все обо мне расскажи.
Утешь ты жену молодую,
И деток моих приласкай,
Отца-старика и старушку
До старости лет защищай.
Скоро народ наш проснется—
Настанет весела пора!
Скоро домой я вернуся—
Увидится наша семья!»

33

По рельсам сибирской дороги
Вагоны бегут да бегут,
И звон кандалов так уныло
Прощальную песню поют.
Все дальше от родины милой
Увозят рабочих, крестьян.
Потом за решётки посадят
На муки, на горе всем нам.

34. ЛИШЬ ТОЛЬКО В СИБИРИ ЗАЙМЕТСЯ ЗАРЯ

Лишь только в Сибири
Займется заря —
По дерёвням народ пробуждается.
На этапном дворе
Слышен звон кандалов—
Это партия в путь собирается.
Арестантов считает
Фельдфебель седой,
По-военному строит
во взводы.
А с другой стороны
Собрались мужики
И котомки грузят на
подводы.
Вот раздался сигнал:
«Каторжане, вперед!»
И пустилися вдоль по дороге.
Лишь звенят кандалы,
Подымается пыль,
Да влачатся уставшие ноги.
А сибирская осень
Не любит шутить
И повсюду беднягу
морозит.
Только силушка мощная
Нас молодцов
По этапу живыми выносит.
Вот раздался сигнал—
Это значит привал.
Половина пути уж пройдена.
А на этом пути пропадает народ—
Это нашим царем заведено.
Молоды каторжане собрались в кружок
И грянули песны удалую,
Двое ссыльных ребят, подобрав кандалы,
Пустилися в пляску лихую.

35. ЭХ ТЫ, ДОЛЯ, МОЯ ДОЛЯ

Эх ты, доля, моя доля,
Доля горькая моя!
Для чего ты, злая доля,
До Сибири довела.
Не за пьянство, не буянство,
И не за ночной грабеж—
Стороны родной лишился
За крестьянский мир честной.
Год холодный, год голодный,
Стали подати сбирать,
И последнюю скотину
За бесценок отдавать.

Я от жалости обидной
Сам к царю пошел,
Да дорогой задержался,
До царя я не дошел.
Мое сердце не стерпело,
Я урядника убил...
И за это преступленье
В рудники я угодил.

Очутился я в Сибири,
В шахте темной и сырой,
Повстречался я с друзьями.
Нынче, друг, и я с тобой!
Далеко село родное,
Но хотелось бы узнать—
Удалось ли односельцам
С шеи подати столкать?

ЛИРИЧЕСКИЕ ЧАСТУШКИ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ

36

Нам хотели запретить
К политическим ходить.
Мы на это не взирали—
С политическими гуляли.

37

Политических не любят,
А я буду их любить:
Образованные люди—
Знают, что поговорить.

38

Я по улице иду,
Под ногами снег хрустит.
Политического парня
Мать любить мне не велит.

39

Черный фартук изношу,
Коленкоровый сошью.
Политическим ребятам
По записке напишу.

АРЕСТАНТСКИЕ ПЕСНИ

40. ДАЛЕКО В СТРАНЕ ИРКУТСКОЙ

Далеко в стране Иркутской,
Между скал и крутых гор,
Обнесен стеной высокой
Чисто выметенный двор.
Чистота кругом такая,
Что соринки не найдешь:
Подметалов штук по сорок
В каждой камере найдешь.
На переднем на фасаде
Больша вывеска висит,
А на ней орел двухглавый
Позолоченный блестит.
Мчится тройка по дорожке,
В ней незнакомый господин.
Поравнялся с подметалой,
Тройку вмиг остановил.
— Ты скажи, скажи, приятель,
Что за это дом большой?
И хозяин сему дому
Из себя он кто такой?
—Этот, барин, дом казенный—
Александровский централ,
А хозяин сему дому
Сам кровавый Николай.
— Ты скажи, скажи, приятель,
Кто, за что сюда попал?
— Разве, барин, вмиг узнаешь
Александровский централ?
Есть за кражу, за убийство,
За подделку векселей,
А всего здесь, барин, больше
Политических людей.
Здесь народ тиранят, мучат
И покою не дают,
В карцер темный загоняют,
На кобылину кладут!

41. НЕ РАССКАЗАТЬ ЛИ ВАМ, РЕБЯТА

Не рассказать ли вам, ребята,
О двух удалых молодцах?
Глубоким сном тюрьма объята,
Не слышно шума голосов,
Не слышно песни запоздалой,
Души не видно у окна.
Лишь два кандальщика удалых,
Они не спят, им не до сна:
В эту ночь они решили
На вольной воле побывать.
«Довольно здесь мы посидели—
Пора и совести нам знать.
Начальству мы уж надоели—
Кормить, поить и обувать,
Брить головы, сменять постели,
Оковы на ноги ковать.
С начальством надо распроститься,
За хлеб и соль благодарить,
И с дядей Яшей распроститься,
Но жаль будить, он крепко спит».
К побегу все было готово:
В решетке сделан был прорез.
Упали с ног долой оковы.
И смело двинулись вперед.
На утро сделалась тревога,
По всей тюрьме пошла молва,
Что из проклятого централа
Ушли два юных молодца.
Ищите в поле ветер вольный!
Дай вволю смело погулять,
И проклятого централа,
Чтоб им больше не видать!

42. ГЛУХОЙ, НЕВЕДОМОЙ ТАЙГОЮ

Глухой, неведомой тайгою,
Сибирской дальней стороной,
Бежал бродяга с Сахалина
Звериной узкою тропой.
Вдали бушует непогода,
Далек, далек бродяги путь!
Укрой, укрой, тайга густая,
Бродяга хочет отдохнуть!
И там вдали за темным лесом,
Оставя родину свою,
Оставив мать свою старушку,
Оставив милую жену,
Пускай в стране чужой схоронят,
Пускай заплачет мать моя.
Жена найдет себе другого,
А мать сыночка никогда!

43. ПЕСНЯ О ЛАНЦОВЕ

Звенит звонок насчет поверки,
Ланцов задумал убежать.
Не стал зари он дожидаться,
Проворно печи стал ломать.
Он в тесную трубу пробрался
На тот тюремный на чердак.
По чердаку Ланцов гулял,
Себе веревочки искал.
Нашел веревку, нашел длинну,
К стене тюремной привязал,
Перекрестился и спустился.
Солдат увидел—выстрел дал.
По всем романовским домам было известно:
Ланцов из замка убежал.
Казак на серенькой лошадке
К царю с докладом поскакал.
Бежал он трактом, бежал Московским,
Свернул потом он в темный лес.
Чего ж он пил, чего ж он ел?
Он утренней росой умывался,
Худыми рыжиками питался;
С иркутской девицей познался,
Через нее он пострадал.
Опять Ланцов в тюрьму попал.

44. БРОДЯГА

— Ну, попался ты, бродяга.
Ты откуда? Отвечай!
А как звать тебя, бродяга?
Твое имя? Отвечай!
А отец и мать кто были?
Они были? Отвечай!
Где живешь? Чем промышляешь?
Есть бумага? Отвечай!
А свой путь куда ты держишь?
Знать хочу я. Отвечай!
А не хочешь ли отведать
Свежих розог? Отвечай!
— Я сюда с ветром явился,
Прямо из лесу взялся,
И не мало удивился,
Что вашей милости встрелся.
Назовите как хотите,
Имя я свое забыл;
Все равно како дадите
— Ваня, Петя иль Кирилл.
Как не быть? Тайга глухая
Мне взаместо матери была,
А отца же шалопая
Не знавал я никогда.
Крутлый год в лесу живу я,
Там скитаюсь и кормлюсь,
За бумагу вот несуся,
На спине бубновый туз.
Рассказать мне вам трудненько
То, чего не знаю сам.
Пробираюсь помаленьку
И скитаюсь по тюрьмам.
Моя шкура, так и знайте,
В выделке уже была.
Но уж если утощайте,
Дайте выпить мне сперва.

45. КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, бедняга, спи, родной.
Скоро придут за тобой.
Скоро ноченька пройдет.
Скоро солнышко взойдет.
Утром рано крикнет грач,
И подымется палач.
Он в тюрьму к тебе придет
И с конвоем поведет.
Спи, бедняга, спи, родной.
Скоро придут за тобой.
Скоро ноченька пройдет.
Скоро солнышко взойдет.
Там в лесочке ель стоит,
И на ней петля висит,
А на ели кричит грач,
И подымется палач.
Плата уж ему дана,
А веревка так крепка.
В страхе стара ель дрожит,
Где-то близко гром гремит...
Встань, бедняга, встань, родной.
Скоро придут за тобой.
Слышишь, вот кричит уж грач
В двери уж стучит палач.

III. В ГОДЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

46. ВИЖУ Я, НА ПЕРЕХОДЕ

Вижу я, на переходе
Неприступных гор Карпат
Совершает переходы
Русских соколов отряд.
С песней громкою подходят,
Подвигаются вперед,
Над опасностью смеются,
Что привычный наш народ.
Вдруг вдали раздался шорох:
Команда немцев тут и пли!
Наши пушки призамолкли.
Мы готовимся в штыки.
Бой кипел помногу суток,
А солдат не унывал.
Он к победе все стремился
И об мире толковал.
Я зайду на ту поляну,
Где кровавый бой кипел,
Я увижу там картину:
Лужи крови, груды тел.
Там лежал солдатик ранен,
Тихо просит он воды,
Истекает кровью бедный,
Просит: «Братец, помоги!»
Что же будем делать, братья?
Плачут матери, отцы,
Плачут жены, плачут дети,
Не идут домой бойцы.
Хорошо вам, буржуазия,
Сыпать ласковы слова,
Посидели бы в окопах,
Испытали то, что я.
Мы сидим в открытых ямах.
Мелкий дождик порошит.
Как засыплют пулеметы,
Так, наверно, нельзя жить.
Тут приходит приказное:
«Из окопов вылезай!»
Только голову покажешь—
Шарахнули зажужжат.
Много шло там с нами братьев,
Много крови пролилось.
Зачем немецкое начальство
У нас в России завелось?
Когда отдали Варшаву,
Был там немец-генерал.
Он набил свои карманы,
Не простился и удрал.
А комендант к деньгам прельстился
И без бою Ковну сдал.
Раньше думали про Берлин,
Теперь нечего мечтать:
Надо думать о Варшаве,
Как у немцев отобрать.

47. НА КРАЮ СЕЛА ИЗБУШКА

На краю села избушка,
Да там жила старая мать.
Она плачет и рыдает—
Дожидат сына с войны.
Не сиди, мать, под окошком,
Да ты не жди сына с войны,
Твой-от сын, твой-от милый
Он убитай на войне.
Он убитай на войне,
Еще на германской стороне.
Его тело, его бело
Все изрезано в куски,
Его серая шинелка
Вся исстрелена в дыры,
Его серая фуражка
Да посреди поля лежит.

48. В ЧУЖОЙ ЗЕМЛЕ ИЗНЕМОГАЮ

В чужой земле изнемогаю,
Я в Германии, в плену,
Каждый день и голодаю,
Наверно, с голоду помру!
Не будут знать жена и дети,
Где покончу жизнь свою!
Я сплю—конюшна грязна,
А кругом-то все навоз.
Рано будят на работу,
Слышу тысячи угроз,
А я тощой едва тащуся,
И желудок мой пустой.
А конвой по-зверски смотрит:
«Ты работай, Русь, не стой!»
Знать, судьба моя такая,
Здесь в Германии, в плену,
Знать-то, мира не дождуся—
В руках злодея я помру.
Скрою глазки, улыбнуся,
Что покончил жизнь свою...

49

Солдат, раскинувшись в палатке,
С похода думал отдохнуть,
Но не успел он растянуться,
Пяти минут не мог соснуть.
— Вставайте, братцы, поднимайтесь!—
Фельдфебель зычно прокричал.
Какая может быть тревога:
Сегодня только полк наш стал?
Солдату некуда деваться,
И полк тот жаркий бой начал.
Солдат, устав в походе раньше,
В бою том больше уставал.
И тут на штык он вражий острый,
С врагом сражаяся, летит.
И пал солдат в бою бесславно,
Не зная: кем, за что убит...
И спросят дети у мамаши:
— Скажи, где папка наш родной?
А мать ответит со слезами:
— Он там убит в земле чужой.
Убит за то, что был солдатом,
Буржуев счастье охранял.

50. СКАЗКА ПРО РАСПУТИНА

В нашем ложном бывшем царстве,
В министерском государстве
Николай был царь с царицей
По прозванию Алисой.
Пятерых имел детей:
Четырех-то дочерей,
Да имел еще сына одного—
Только он не от него.
Стали дочери рождаться,
Царь стал сильно сомневаться:
Пропадет мое наследство!
Вот и стал искать он средства,
Чтобы сына получить
И престол ему вручить.
Дал министрам объявление,
Чтоб нашли такого гения,
Чтобы мог сразу определить,
Что жене сына родить.

— Кто найдется из вас такой,
Пусть к жене идет в покой.
Если ж только ошибется,
Со своей жизней расстается!
Как ни зарились министры,
Как ни были очень быстры,
Но по строгому указу
Отказалися все сразу.
Штюрмер как-то раз, было, взялся,
Да потом и побоялся.
Был у ней, как у сестрицы,
Мясоедов—друг царицы,
И хотя была охота,
Но боялся эшафота.
Все хотели отличиться,
Да ну-ка дочь опять родится?!
Вопрос сложный, не простой—
Надо жертвовать собой.
Все прошли они село,
Не нашедши никого
Оказать царю услугу—
Полюбить его супругу.
Царь стоял все на одном:
— Расстреляю я весь дом!
Если сына не добуду,
То жену свою забуду.
Тут министры сообразили
И царю все предложили,
Чтоб из подданных найти,
А свою бы жизнь спасти.
И нашелся толстопузый
И дородный парень, дюжий,
Трутень,
конокрад
Гришка Распутин.
Тут Алиса прибежала,
Вся краснела и дрожала,
Но дрожала не от испуга,
А от радости для друга.
Царь сказал:
— Ну, так и быть,
А чтоб сына мне родить.
Если же родится дочь,
То повешу в эту ночь.
— Буду, царь, для вас стараться;
Буду потом обливаться,—
Молвил Распутин так царю,
Низко кланяясь ему.
— Коль клянешься ты стараться,
Можешь к делу приниматься.
Только сильно не спешить,
Чтоб людей не насмешить!
Во дворце Распутин остался.
Он с Алисой там спознался.
Был он в роскоши такой,
Не чаял смерти над собой.
Все его там уважали,
Языком пятки лизали.
А для Алисы для самой
Распутин сделался святой.
Что проделывали оне,
То известно сатане.
А нам трудно вспоминать,
И нехватит сил писать.
Год прошел, тут сын родился.
Царь запрыгал, веселился
И Распутина обнял.
— Благодарю, Гриша,—сказал,—
За твои труды, Григорий,
Ты у меня будешь при дворе,
Будем дружны мы с тобой,
Ты у меня будешь большой!
Сын все рос,
И царь покоен,
Только одним лишь был расстроен,
Что народ стал волноваться,
Земли и воли добиваться.
Царь задумался: как быть
И людей всех усмирить?
Он собрал своих рабов,
Всех министров и попов:
— Скоро все мы пропадем,
Если средства не найдем,
Как отнесся нам к народу
И не дать бы им свободу.
Тут министр бывший Столыпин
План было выкинул великий,
Землю стал закрепощать;
Попы начали причитать
И напутствовать людей:
— Платите больше податей,
Царя-батюшку любите,
И господ вы не громите,
Землю вы не забирайте,
Она их. Вы это знайте!
Коли силой отберете,
На том свете в ад пойдете!
— Коль голодные мы будем—
Землю мы от вас добудем!
Хоть и к чорту в ад пойдем

И ему хвост оторвем!
Слышит речи царь такие—
Очень грозные, лихие
От своих подданных людей—
Не боятся уж чертей!
«Надо иначе поступить
И войну теперь открыть.
Мы войной людей осадим,
С остальными уж поладим!»
Шлет Вильгельму царь пакет,
У него просит совет:
«Отпиши, дружок, ты мне
Нет ли средства у тебе
Моему горю помочь,
И людей моих побить?..

А то много развелось,
Жить мне мало осталось,
Скоро свергнут они меня
И доберутся до тебя!
А миллионов пять побьем
Еще с полвека проживем!»
Так цари войну открыли,
А попы заговорили:
— На войне кто и умрет,
В рай небесный попадет!
Беззакония творя,
Поп поддерживал царя.
Эта жирная порода—
Друг царя, а не народа!..

51. РАССКАЗ ТЫЛООПОЛЧЕНЦА-БУРЯТА

Когда узнали, что объявлена мобилизация и на «инородцев», то многие, особенно старики, этому не поверили. По словам стариков, нас, бурят, не могли взять в солдаты, ибо сам русский царь при завоевании наших земель освободил нас от царской службы; но это была ложь. Мобилизация в улусе все-таки началась. Принимали всех без разбора, кто только подходил по возрасту и по полу. Мало считались со здоровьем и семейным положением. В результате этого многие вымерли на фронте.

Приехали мы на фронт. Думаем, что нам дадут оружие, но не тут-то было. Вместо оружия нам дали лопату да кайлу. С этими орудиями пошли на работу, копать окопы на линии огня.

На фронте впервые увидел самолет. Правда, сначала испугался, а потом стал различать русский и германский самолеты.

Нашей работой руководил один молодой латыш, который без стеснения говорил, что мы работаем только на царя, а не в интересах народа; он также говорил, что лучшие русские люди готовятся свергнуть власть царя.

РЕКРУТСКИЕ ЧАСТУШКИ

52

Я во нонешнем году
Призываться буду.
Хоть забреют, не забреют,
Заливаться буду.

53

Заиграй, моя гармошка,
Выговаривай кадрель.
Сосчитай, моя милашка,
Сколь до призыва недель.

54

Скоро, скоро снег растает,
По Витиму лед пойдет.
Скоро милого забреют,
Все веселье пропадет.

55

Я по полюшку ходила,
Выбирала тонку рожь.
Если тоненька соломка,
То в солдаты не пойдешь.

56

Ох, я чаю накачаю,
Кофию нагрохаю,
Мово милого забреют,
Три года проохаю.

57

С горки камешек катился,
Прямо в реченьку упал,
Несчастный мой миленок
Во солдатики попал.

58

Скоро ягодки поспеют,
Мы по ягодки пойдем.
Скоро рекрутов забреют,
Провожать мы их пойдем.

59

Ой, не плачь-ка, мать, отец,
Нас погонят, как овец.
Если ноги не несут,
То на конях повезут,
На конях на гнедых
Ребятишек молодых.

60

Тебя, миленький, забреют,
Я деваюся куда?
На пруду широка прорубь,
Суну голову туда.

61

Ах, ты, милая, не пой:
Я теперечки не твой,
Я теперь казенный сын,
Под надзором под большим.

62

Много звездочек на небе
На восточной стороне.
Мой-от миленький страдает
На великой на войне.

63

Некрута, некрутики
Наломали да прутики,
На дорожку да ставили,
Поминочек оставили,
Поминочек оставили
И горевать заставили.

IV. В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

ПЕСНИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

ИРКУТСКИЕ

64. В АЛЕКСАНДРОВСКОМ СЕЛЕНЬИ

В Александровском селеньи
В девятнадцатом году
Чехословацкие солдаты
Всю разрушили тюрьму.
Беззащитных заключенных
Избивали, как могли.
Пол из цемента и стены—
Все забрызганы в крови.

Братцы, милые, не бойтесь!—
Заключенный умолял.
И растерзанный гранатой
В тяжких муках умирал.
Если вспомнится случайно
О замученных в тюрьме,
Невольно сердце содрогнется
И заплачешь в тишине.

65. СОЛДАТУ-БЕЛОГВАРДЕЙЦУ

Опомнись, товарищ! Что делаешь, брат?
Скажи нам, в кого ты стреляешь?
Кто искренний друг твой и кто злейший враг,
Наверно, и сам ты не знаешь?
Ты сын нашей общей великой семьи,
И терпишь лишенья, невзгоду.
Зачем же ты топишь в народной крови
Святой идеал и свободу?
Ты силой на службу военную взят,
Тоскуешь с родными в разлуке,
И деспот наш общий—кровавый Колчак
В крови обагрил твои руки.
За что же ты льешь нашу братскую кровь?
Скажи нам скорее, товарищ.

За счастие наших презренных врагов
Ты братьев своих убиваешь!
Ты здесь, а там, в доме, родных и друзей
Другие, как ты, убивают.
И в царстве неволи, расстрелов, плетей
Свои же тебя проклинают.
Три раза мы брали приступом Усть-Кут,
Теперь продолжает кровь литься.
Зачем эти жертвы напрасные, друг?
Ведь можно без них обойтиться.
Довольно нам рабства, плетей и оков!
Тебя мы к себе призываем.
Свой штык поверни на вампиров-врагов.
Твой подвиг мы все ожидаем.

Приди к нам, товарищ. Мы встретим тебя
Как брата, как брата родного,
И вместе разрушим мы гнет Колчака
Во имя девиза святого.

Сверкнет свет великий свободной зари,
Исчезнет вся скорбь и невзгода.
Опомнись, товарищ, скорее приди
На праздник родного народа!

66. В ВОСКРЕСЕНЬЕ МАТЬ-СТАРУШКА

В воскресенье мать-старушка
К воротам тюрьмы пришла,
И в платке родному сыну
Передачу принесла.
И привратнику сказала,
Что утомилася она:
— Ноги старые устали,
Сорок верст пешком я шла.
Передайте вы Ванюше!
Всюду люди говорят,
Что в тюрьме там заключенных
Бьют и с голоду морят.
Надзиратель усмехнулся:
— Твой Ванюша осужден,
Вчера утром на рассвете
На спокой отправлен он.
Осудили его чехи.
У тюремной у стены,
Когда приговор читали,
Знали звездочки одни.

Повернулася старушка,
Покачнулася слегка,
К надзирателю тихонько
Протянулася рука:
— Передачу я купила
На последние гроши,
Передайте заключенным
На помин его души.
Повернулася старушка,
От ворот тюрьмы пошла,
И никто про то не знает,
Что в душе она несла.
Вот пришла домой старушка,
Рассказала, где была.
Обняла детей-сироток,
Слезно плакать начала.
— Вы, сиротки, вы, сиротки,
Ты, несчастная жена.
Так за что же расстреляли
Чехи родного сынка?

ЗИМИНСКИЕ И КУЙТУНСКИЕ

67. РАССТРЕЛ ПАРТИЗАНА

Тускло светит месяц,
Светит над селом,
Ночь легла на землю
Черной пеленой.
Без конца по небу
Тучи мчатся вдаль.
Там вдали таятся
Горе и печаль.
Там на холм забытый,
На кровавый бой
Движутся бандиты,
С ружьями идут,
Красного солдата
На расстрел ведут.
Вот раздался выстрел
В тишине ночной,
И упал на землю
Парень молодой.
А семья не знает,
Где ж девался он.
Спит себе спокойно,
Погрузившись в сон.
Что-то мать узнает
Утренней порой,—
Бедная заплачет
Горькою слезой!

68. ПЕСНЯ О ВИНТОВКЕ

Оставлены дома заводы, деревни,
Остались там матери, жены и семьи.
И всех их забыли мы, стронувшись с места,
Нам нынче известна, красавица, ты.
И днем я с тобою, и ночью, и к бою
Тебя снаряжаю я верной рукою.
С тобой я и летом, и в зной, и во вьюту,
И вместе повсюду должны мы итти.
Куда не пойдешь ты, и мне нет прохода.
Ну, только нигде не пробита дорога
Такая, где мы бы к поставленной цели
Пройти не посмели бы иль не смогли.
Ведь это тобою, твоим резвым смехом
Из грязи я поднят и стал человеком.
Ведь это твоей я красой своенравной
На трудном и славном поставлен посту.
И стоя с тобою, жду лучшее время,
Тебя сберегаю, как крови последней
Из жаркого сердца струю остальную,
И холю стальную твою красоту.
Когда же случится, что в горькой беде
Невольно иль вольно слукавлю тебе
И брошу тебя я, то знаю: сам лягу
Под пристальным взглядом подруги своей.
Когда же вернемся к заводам, в деревни,
И встретят нас матери, встретят нас семьи,
И жизнь нас другим заниматься заставит,
Винтовку поставим мы в красном углу.

ПЕТРОВСКО-ЗАБАЙКАЛЬСКИЕ

69. КРАСНЫЙ БАНТ

Красный бант
Пятном кровавым
На груди моей.
Это—кровь страны родимой
В лапах палачей.
Я любил свой кров родимый
И старушку-мать,
И светлоокую невесту
В губки целовать.
А теперь мой кров родимый
В сопках меж снегов,
Где найти меня не может
Зоркий глаз врагов.
Мать моя—страна родная
Избавленья ждет.
Если я ее оставлю,
Кто ее спасет?
А невеста мне—свобода.
Верно ей служу,
Жизнь свою я молодую
За нее сложу!
Со своей винтовкой верной
День и ночь готов
Защищать народ, свободу
От когтей врагов.
Может, пуля подлой рати
Мне прострелит грудь—
Место павшего героя
Тысячи займут!
Кровь из раны—красным бантом
Из груди моей...
Не забудет мать родная,
Кто жизнь отдал ей.
И когда народ могучий
Победит врагов,
Как святыни он прославит
Имена бойцов!

70. ЛЮБИЛА МЕНЯ МАТЬ, УВАЖАЛА

Любила меня мать, уважала,
Что я ненаглядный сынок,
В окопы меня провожала,
Крестила дрожащей рукой.
«Ох, сын ты мой ненаглядный,
Хочу о тебе-та я знать».
«Ох, мамонька, что ж, и я дрался.
Сумел ордена заслужить.
Оставшейся правой рукою
Сумею я мать прокормить.
Японская пуля рывная
Не сможет мою грудь пронзить.
Японский-та штык невеликий,
Не сможет меня он сразить».

71. НЕ ВЕЙТЕСЯ, БЕЛЫЕ ЧАЙКИ

Не вейтеся, белые чайки,
Вам некуда бедным присесть,
Слетайте в долину Амура,
Снесите печальную весть:
«Далеко на западном фронте
Наш полк окружен был врагом.
Там дрался проклятый Семенов
С восьмым партизанским полком.
Патроны у нас на исходе,
Снаряды уж вышли давно,
Нам помощи нет ниоткуда,
Погибнуть нам здесь суждено!
Слетайтеся, белые чайки,
Пропойте нам час роковой!»
Так кончили битву амурцы,
Все поле покрыто врагом.
О, этот проклятый Семенов
Так панику сильно держал,
Оставил Читу и Даурию,
А сам за границу бежал.

72. ВОТ ПОЛНОЧЬ НАСТУПАЕТ

Вот полночь наступает,
Луна горит светло,
Отряд наш выступает
За брата своего.

И шли мы той деревней,
Где был кровавый бой.
Там чехов было много,
И кровь лилась рекой.

Но речка неглубока,
Ее мы перейдем.
Японцев там немного,
И всех их перебьем.

Японцы часто ездят,
Хотят они узнать,
Где партизаны жили.
На путь мы их отправим,
Пускай в тайгу идут,
А наши партизаны
В деревне заживут.

Собьем из досок ящик,
Положим динамит,
Под шпалы закопаем.
Пускай он там лежит.

Он тащит три теплушки
И тяжело пыхтит.
Он тащит три теплушки,
Четвертый броневик.

Вот шпагат натянули,
Огонь воспламенел,
И броневик с откоса
Направо полетел.

73. ПО УЩЕЛЬЯМ АМУРСКОГО КРАЯ

По ущельям Амурского края
Партизан молодой умирал.
Он ехал по узкой тропинке,
Где булыжник, осинник кругом.
Его встретила пуля-злодейка,
Пуля мысли его порвала.
Он сказал:—Партизан, погибаю.—
Сам тихонько свалился с коня.
— Ты беги, мой верный конечек,
Где живет дорогая моя.
Ты скажи-ка, мой верный конечек,
Что во поле покончился я.

74. ПО ТУ СТОРОНУ БАЙКАЛА

По ту сторону Байкала
Куст малиновый стоял,
А под этим под кусточком
Солдат раненый лежал.
Он от раны умирает—
Японец в грудь пронзил кинжал,
А над ним кружится ворон,
Он добычу добывал.
Ты не вейся, черный ворон,
Над добычею своей.
Ты добычи не добудешь—
Я солдат еще живой.

Ты лети-ка, черный ворон,
На родиму сторону,
На родимой на сторонке
Там родители живут.
Ты скажи-ка, черный ворон,
Отцу с матерью поклон,
А жене молодой,
На особицу одной,
На особицу одной,
Что я женился на другой,
Что женила меня пуля меткая!..

75

Все тучки, тучки принависли,
Над морем пал туман.
Скажи, о чем задумался,
Наш красный комиссар?
Во тех лесах дремучих
Партизаны идут,
В своих руках могучих
Товарища несут.
Все пушки, пушки грохотали,
Трещал наш пулемет,
А белы отступали.
Товарищи, вперед!

76. ПАРТИЗАНСКАЯ ПЕСНЯ

Пришла зима. Замерзли реки,
Под снегом сопки улеглись,
А партизанские набеги
В борьбе за волю начались.
Нас знает красная Россия,
Нас знают красные стрелки.
Мечты свободы не забыты,
Вошли в советские полки.
Нас знает красная Россия,
Что мы из сопок не уйдем!
Мечты свободы не забыты—
Октябрь горит в сердцах огнем!

ЧИТИНСКИЕ

77. ПАРТИЗАНЫ

Было время—флаг лучистый,
Флаг японский на горах
Дерзко вился ненавистный,
Наступал свирепый враг.
Только нет, не покорился
Партизан тогда врагу.
И с винтовкой меткой скрылся
Он в дремучую тайгу.
Время шло. Прошла невзгода,
Отпылал в тайге пожар.
Он нанес врагам народа
Сокрушительный удар.
И до граней дальних моря
Вырвал все он из оков.
Бурный ветер на просторе—
Мститель страшный для врагов.
Знамя красное высоко
Водрузил он на гранит,
И оно с твердынь Востока
Морю бурному грозит.

78. СОН СЕМЕНОВА

Лег читинский управитель, спит и видит дивный сон:
Будто он уж словно умер и на небо вознесен.
Кровь рукою вытирает, угрюмо к богу он спешит,
В двери райские стучится, сам в притвор кричит:
— Доложи сейчас же богу, да смотри, болван,
Мол, явился от Байкалу сам Семенов атаман.
Отворил архангел двери, поклонился и сказал:
— В двери райские стучится забайкальский генерал.
Как прикажете, владыка, принимать иль не впущать?
Бог нахмурился и молвил:—С этим нужно обождать.
Ужо вся мне эта свита, патриархи и цари,
Просто время нехватает их писать в календари.
Вот за эти за два года—что ни день, то генерал,
Каждый вексель предъявляет, что не грабил и не крал.
А послушать всю народную молву—
Не мешает генералов отсылать на суд в Москву.
Весь в поту вскочил с постели и стучал Семенов в дверь.
Страшно, страшно! Жить на свете как я буду-ка теперь?

НЕРЧИНСКИЕ

79. ВО СЕЛЕНЬИ, В КРЕСТЬЯНСКОЙ ИЗБУШКЕ

Во селеньи, в крестьянской избушке
Жили мирно два брата с отцом.
Уважали их все в деревушке,
И хозяйством был полон их двор.

Революция огненным пламенем
Пронеслась над миром волной.
За свободу и волю рабочих
Ала кровь проливалась рекой.

Привезли пулеметы и пушки,
Начались грабежи и расстрел,
И сожгли всю дотла деревушку,
И заплакал несчастный старик.

Отобрали коня и корову.
Старший сын в ряды красных ушел.
В руки младшему дали винтовку—
Добровольцем он к белым ушел.

Все шумит и гремит от расстрела.
Вой идет от пожара огня.
И сошлися два брата врагами,
И узнали друг друга они.
Старший молвит:—Ты белым
солдатом.
Ваш девиз грабежи и расстрел!
Не зову тебя больше я братом,—
И винтовку он взял на прицел.
На курок нажимая несмело,
Младший тоже винтовку схватил,
И свершилось кровавое дело—
Младший старшего брата убил!
На рыдания склонилися лозы,
Солнце вышло сраженье смотреть.
Но не лей же горячие слезы—
Труп холодный тебе не согреть!

80

Рыскал Семенов, как зверь кровожадный,
Повсюду расправу чинил.
Порол он рукою своей беспощадной,
Борцов за свободу губил.
И жен их, сестер, матерей он поганил,
Со сворой своей разъезжал,
Тащил, что попало, повсюду он грабил,
Что лучшее в селах —с собой забирал.
В Чите, через Нерчинск, к Аргуни
глубокой

Прошел он с отрядом своих подлецов,
Народ усмирял он расстрелом и пыткой...
Чай, пиво, вино распивал у купцов.
Недолго пришлось побродить по Сибири,
Довольно пограбил, подрал.

Забыл про вино, что недавно так пили,
От красных он с пьяною рожей удрал.
Удрал он к японцу, что на-руку были,
Хотели забрать по Байкалу Сибирь.
Набитые в морду про все позабыли...
Ну, пусть еще сунутся гады теперь!

81. ЗНАЮ, ВОРОН, ТВОЙ ОБЫЧАЙ

Знаю, ворон, твой обычай.
Ты сейчас от мертвых тел
И с кровавою добычей
К нам в деревню прилетел.
Где же ты летал по свету
И, кружась над мертвецом,
Где спохитил руку эту,
Ручку белую с кольцом?

Расскажу тебе, невеста,
Не таясь перед тобой:
За Богдатью есть там место,
Где кипел кровавый бой.
Бой кровавый, пир богатый
Не забуду целый век,
И пришел туда с лопатой
Ненавистный человек.

82. ЧТО НЕ СОКОЛЫ КРЫЛАТЫ

Что не соколы крылаты
Чуют солнечный восход,
Как сибирски партизаны
Собирался в поход.
Мы, не тратив много время,
Приготовились к пути,
Через пять минут готовы
В Красну армию пойти.
Закипела кровь героев,
И полна восторга грудь.

Мы с приказом ленинизма
Отправлялись в добрый путь.
Мы, преследуя буржуя,
Попирали его в тыл,
Он так быстро убирался
И мундиры позабыл.
Победили мы буржуев
И побили кулаков,
А теперя власть Советов—
Дело важное идет.

83. СМЕРТЬ ТОВАРИЩА

Скажу я вам, мои родные,
Как мне пришлось в Сибири быть,
В горах крутых, скалистых
Не мало мне пришлось ходить.
Горы круты, горы скалисты,
Вершины в облака взвились,
А там японцы-офицеры
Сидят с винтовками в руках.
Стреляют часто, беспощадно,
Трещит зловетный пулемет,
Сюда летит снаряд из пушки,
Как точно дикий зверь ревет.
Деревья, камни, все ломает,
Солдаты падают в крови.
Все это есть, все это было
Не вру вам, милые мои!

И не забыть же мне при жизни,
Как мой товарищ умирал.
Шрапнелью в грудь он был ударен
И без сознания лежал.
Лежал минуту без сознания,
Потом открыл свои глаза,
Рукой-то правою он машет,
А по лицу течет слеза.
И предо мною не товарищ,
А только труп его лежал!
Могилу вырыли глубоку
Среди тенистых старых лип,
Среди тенистых
Старых лип,
И на знаме написали,
Что за свободу он погиб.

СРЕТЕНСКИЕ

84. ИЗ-ПОД РАССТРЕЛА НА ВОЛЮ

Капитан стоял Арсентьев
В Онон-Борзинском селе
Со своим отрядом белых,
И дружина в том числе.

Словно звери оголтелы,
На семейства партизан—
Обыск, аресты, расстрелы
Проявляли они там.

Всех в училище собрали
Больше сотни партизан,
И водили на кладбище—
Всех расстреливали там.

Утром рано, на рассвете
На расстрел семь повели,
В том числе попал Вавулин—
Партизанский командир.

Командир неплох собою,
Тяжело на смерть итти.
Он идет и размышляет,
Как ему ребят спасти.

Близко горка показалась,
Все сжимается в груди,
Шубу сбросил он и крикнул:
— Убегай во все концы!

Оружейный залп раздался.
Под ногой пыль взорвало,
Трех на месте перебили,
Но, а четверо ушло.

Тут дружина озверела
И веревок набрала,
Человек по семь вязала
И убивала, как скота.

Настала очередь Козлова
Их семь на связке повели.
«Стой!»—команда подалася,
Конвойны были позади.

«Пли!»—команда подалася,
Плечо Козлову обожгло,
Вниз веревкой потянуло—
Упал на землю тяжело.

Шестерых из них убили,
Козлову рану нанесло.
Всех убитых осмотрели
И ушли опять в село.

Не заметили Козлова,
Что остался он живой,
Потому что стало темно
Вечерней позднею порой.

Ему очень стало страшно,
Развязать бы кто помог.
От пятерых он отвязался,
А от шестого он не мог.

Напрягал последни силы,
Труп тащил он за собой.
Тут он быстро развязался,
Труп оставив, сам ушел.

Теперь он шел, но очень трудно—
Руки связаны назад.
Путь семнадцать километров,
Стал его он затруднять.

Но только солнце показалось,
К своей заимке он дошел,
Родные все прочь убегали,
Так что страшен был он всем.

Просил он помощи скорее,
Ему руки развязать.
Сбежались все к нему на помощь,
Веревку стали разрезать.

Освободивши руки быстро,
Что так сильно растекли,
Перевязали ему раны,
В Курунзулай его свезли.

Он, оправившись здоровьем,
К партизанам в лес ушел,
А потом он на защиту
С пролетарией пошел.

Не забуду этой школы,
Где сидело больше ста.
Всех на кладбище расстреляли,
Кровь лилася, как река.

85

Вспомним, братцы, как стояли
Мы в Грязновском по домам.
Большевиками нас пугали,
Надоело это нам.
Журавлев с отрядом красных
Наступал со всех сторон.
И во всех боях опасных
Мы несли большой урон.
Жалко было, что тут гибнут
Все лихие молодцы.
Но вели нас против красных
Офицеры-подлецы.
Мы решили всем собраться,
Обсудить беду, решить,
Чтобы с красными не драться,
Офицеров всех побить.
Чтобы светлые погоны
Не командовали нами,
Чтобы жить начать по-нову
И стать с красными друзьями.
Решено, как было нужно,
Офицеров всех побить,
А команду, если можно,
То живыми захватить.
Ночка темная настала,
Стали птички воспевать.
Мы, как дело все решили,
Лошадей стали седлать.
Запасли мы ружья, шашки,
Запас был и в топорах.
Чтобы не было промашки,
Стали действовать впотьмах.
И из белой той команды
Восемнадцать мы убили.
Остальных из ихней банды
Мы живыми захватили.
Мы узнали, что в Кунгуровой
Журавлев с отрядом ждет.
Мы построилися дружно,
С песней двинулись вперед.
Громко нам «ура» кричали
Журавлевские орлы,
И спасибо нам сказали.
Тем довольны были мы!

86. ОН ЖИЗНЬ ЗА РОДИНУ ОТДАЛ

Пал партизан в бою кровавом,
Он жизнь за родину отдал,
Лежал, сраженный интервентами,
В тайге дремучей за горам.
Орел кружился над горами,
Он труп героя увидал,
Взмахнул своими он крылами,
На землю мигом он упал.
И своим голосом суровым
На во́рон громко закричал:
— Прочь, воронье, лети отсюда
В село далекое одно.
Скажите людям, пусть приедут
На погребение его.
А сам остался в поле брани,
Он труп героя охранял,
Склонившись над его главою,
В тайге дремучей клокотал.

87

Споем песенку мы эту,
Как мы шли, братцы, в Скубету,
На матушку Аргунь.
Полк пошел, пошло и знамя,
Гусевский ехал с нами
На своем коне.
После дождика, в грязи
Штаб полка, команда связи
Сзади подошли.
Собрались мы все гужом,
Через речку—плавежом
Мы через Аргунь.
Речка быстра, плыть не браво,
Началася переправа.
Гусевский погиб.
Но на падь-то мы спустились
И потом, братцы, лишились
Там мы четырех.
Все измучены, в печали.
Там опять нас белые встречали
Из утесов нас.
Мы голодные ребята,
У нас были жеребята,
Резали мы их.

От тяжелого похода
Только пили одну воду
Холодную.

Дело шло без перемежки,
Каждый пек себе лепешки,
Кто-какие мог...

Песня эта в разъясненье,
Чтобы знали все селенья,
Как страдали мы.

БЫРКИНСКИЕ

88

Отец мой был природный пахарь,
А я работал вместе с ним.
На нас напали злые чехи,
Село родное подожгли.
Отца родного в плен забрали,
А мать родну в костре сожгли,
Сестру родную в плен забрали.
Она недолго там была.
И дни и ноченьки старался
Сестру из плена выручал.
С сестрой мы в лодочку садились
И тихо плыли по реке.
И вдруг кусты зашевелились,
Раздался выстрел роковой.
Убил злодей, злодейской пулей
Убил красавицу сестру.
Кругом, кругом осиротел я,
Кругом остался сиротой!..
Зайду я на гору крутую,
Село родное посмотрю,
Горит село, горит родное,
Горит родная сторона!

ШАХТАМИНСКИЕ

89. БОГДАТЬСКИЙ БОЙ

В Богдатьском хребте Забайкалья
Жестокая битва была.
Мы там защищали свободу,
И кровь там рекою текла.
На нас наступали японцы,
И грозно стучал пулемет.
Не раз мы ходили в атаку,
У них отбирали хребет.
А красное знамя носилось
Не раз на окопы врагов.
На шашках мы с ними рубились
И их занимали окоп.
Своих потеряли немало,
Стойких, отважных бойцов,
Что отдали жизнь, не жалея,
Исполнить заветы борцов...
Жалко нам было товарищей,
Что гибнут в таежном краю,
За братьев и волюшку вольную
Кровь проливая свою...
Убитых героев-товарищей
Земле не могли мы предать.
Коварным врагам на посмешище
Их трупы пришлось нам отдать.
Судьба послала испытанья,
Нам снова пришлось отступить,
И «прелесть» лесного скитания
Нам снова пришлось пережить.
Долго тайгой пробирались
И шли чуть заметной тропой.
Мы трупом конины питались,
Древесные листья мы ели порой.
Трудно нам было, товарищи,
Но был с нами вождь—Журавлев.
Он один поднимал настроения
Духом упавших бойцов...
Вмиг оживали борцы истомленные,
Голос услыша вождя.
Силы свои напрягали последние,
К быстрой Аргуни спеша.
Там отдохнули, немного исправились,
К лету с врагами жестокими справились
И партизанить пошли.

Настало тяжелое время
В стране Забайкальской у нас.
Народ изнывает от бремя,
Позорная царствует власть...

Там плачут голодные дети,
Несется там ярости крик.
Там свищут кадетские плети,
Сверкает отточенный штык.

Везде и повсюду несется
Насильство и стон матерей,
И лучшие люди народа
Гибнут от рук палачей.

Враг рассвире́пел, не зная пределов,
Свирепство свое продолжает вести,
Этим самым он хочет добиться
Порядки свои навести...

Заглушить революционное движение,
Вождей пролетариата в тюрьму посадить,
А угнетенную массу народа
Законам своим подчинить.

Но вот не сбылися мечты у буржуев,
Пришел их разгулам конец.
Рабочий народ Забайкалья
Поднялся, восстал наконец...

Уничтожил всю свору наймитов,
Свободу себе получил,
Для руководства страною
Советскую власть водрузил.

И так мы добились свободы
Своею рабочей рукой.
И место каторги, ссылки
Стало свободной страной!

ОНОНСКИЕ

91

О, страна моя родная,
Обвилася ты в горах.
Сколько люду проживает
На больших твоих полях!
Горы, скалы и овраги,
Лес, болото, берега.
Партизаны в ней бывали.
Ну, и скажешь: Дулдурга,
Опеплена ты горами,
Алханай вблизи от нас.
В нем таятся партизаны,
Их не видит вражий глаз.
Сам Табхай стремился местью
Опепить их, задушить,

Поплатился своей честью,
Отказался их ловить:
Разом пули засвистали,
По бандитам из тайги,
И позорно убежали
Вплоть до самой до Аги.
Тут Семенов рассердился,
Выслал сотню удальцов,
Тоже само поплатился,
Увез убитых офицеров.
Алханайцы торжествуют:
Победили мы врага,
Победоносно мы ликуем,
Ты, родная Дулдурга!

92. ИЗ ПАДИ АЛТАГАЧАНА

Из пади из Алтагачана,
Из коммуны лесовой
Выступала сотня красных
Удальцов-большевиков.
Они задумали избавить
Забитой трудовой народ
От семеновского ига,
От расстрелов и штыков,
Окончательно разведать
Курунзулаевский отряд.

Наступили быстро, смело
И ударили все вряд.
Завыли пули из винтовок,
Раздался треск от взрывов бомб,
Все попрятались казаки
Под углы и под полы.
Охватив стеной высокой
Всю семеновскую рать
И проклятых офицеров,
Удальцы давай стрелять.

И расправились с той сворой,
С кровопийцем навсегда,
Захватили пулеметы,
И отряд весь навсегда!
Алтагачанских сотня смелых
Сотворила чудеса.

93. ЮНЫЙ ПАРТИЗАН

Дрожащий с голода юнец,
Застенчивый и робкий,
Просил: «Возьми меня, отец,
Возьми с собою в сопки!
У нас с тобой одни пути.
Пусть мне всего двенадцать лет,
Я буду так же, как и ты,
За наше право драться!»
Пошли вдвоем, тайга молчит,
Молчат и эти двое.
«Отец, а долго ли итти?
Нога в коленке ноет».
Пришли, а люди у костров
Сидели, скрывшись дымом.
Один с щетиною усов
Глаза устало вскинул.
Лицо в улыбке:
«Ишь, плашкет,
Тебе, брат, в сопки рано»
Другой сказал: «Двенадцать лет,
А тоже—в партизаны!»
«Со мной пришел, не звал»,—
Сказал отец негромко.
Всю ночь костер сучки лизал,
И плавал месяц тонкий.
И каждый день длинен,
Как вечность,
И каждый день, как яркий миг.
Запела смерть сухой картечью,
Перекликались смерть и крик.
Визжали пули, ночь визжала,
Свинцом плевался пулемет.
«Отец, отец! мы все устали,
Когда же помощь подойдет?»
«Не будет помощи, ребятки,
Нас окружили, не уйти!»
Упал один, другой, десятый,
Цеплялись руки за кусты.
«Отец,—позвал тихонько кто-то,—
Бери отряд и отступай,
А я останусь с пулеметом,
Чтоб защитить вот эту падь.
Скорей бегите по ложбине
И скройтесь вон за той горой».
Последний раз простился с сыном:
«Прощай, сынок, прощай, герой!»

СУЧАНСКИЕ

94

Тут сучанцы долго ждали,
Меж собою рассуждали:
«Вот приедут наши—
Заведется жаркий бой,
И буржуазия долой.
И Семенов пострадает головой».

95

В церковь мы ходили,
Пятаки туда носили.
А за эти пятаки
Чехи показали кулаки.
В церковь не пойдем,
Пятаки туда не покладем,
С отбоем чехов повернем.

ПАРТИЗАНСКИЕ ЧАСТУШКИ

КУЙТУНСКИЕ

96

Изорвало бурей снасти—
Нет верховной больше власти.
Адмирал Колчак скулит,
Чемодан сбирать велит.

97

Ты не плачь, моя сестренка,
Не грусти, родная мать.
Разобью белогвардейцев
И приду домой опять.

98

Вышла бабка провожать
Р армию с иконами.

— Иди, бабка, лучше спать!
Мы—с красными знаменами!

КАЧУГСКИЕ

99

Пусть попробует Семенов
Только сдвинуться с крыльца,
Пожалеем ли патронов
Для такого подлеца?

100

Картошка цветет
Колокольчиками,
Партизаны недалеко—
За бугорчиками.

СРЕТЕНСКИЕ

101

Пришли в гости к нам японцы,
Чехи «распрекрасные»,
Угостили их, что надо,
Партизаны красные.

102

Мы буржуев смело били
Всему миру напоказ.
Помогал имя японец—
Убежал от наших глаз.

ОНОНСКИЕ

103

Я на горочке стояла,
Партизанов видела.
К нам бела банда заезжала,
Я их ненавидела.

104

Красны Борзю занимали,
Пулеметы чакали.
Офицеры удирали,
Только шпоры брякали.

105

Большевичка была,
Большевика любила,
А потом большевика
В сопки проводила.

106

Я на горку зашла,
Горочка рассыпалась.
А когда в тайгу пошла,
С партизаном виделась.

107

Темна тучка взошла,
Снежок моросила.
К партизанам одна шла,
Хлеба им носила.

108

Партизан в тайге гуляет,
Храбрая головушка.
Его дома ожидает
Ночью поздно женушка.

109

По лужку в зеленой травке
По росе видать следок,
Это с пади Шебортайки
Приходил домой дружок.

110

На крылечке я стояла,
Вижу, из лесочка
Близ до сотни выезжала
Партизан цепочка.

111

Ты, Семенов, не гордись,
В тебе крàсу мало,
Хоть с японцами явись,
Ваше все пропало.

112

На краю стоит избушка,
Внучка с бабушкой живет.
Скоро-скоро атаману
По заслугам попадет.

УСТНЫЕ РАССКАЗЫ

113. РАССКАЗ О ЖУРАВЛЕВЕ

Журавлев всегда в каждом бою сам лично участвовал. Никогда в тылу не бывает—всегда впереди. В Богдати было: проскакивал в тыл японцам и командовал им отступать. Одежда его позволяла ему это.

Герой-то это—настоящий герой.

Даже вот один случай помню.

Он со взводом держал много белых, пока не подошло подкрепление, из ординарцев было с ним человек 10 да связистов пятнадцать.

Это он уж никогда не прятался. На горе всегда стоит, на видном месте. Единственный он герой был. И командир хороший он был. План у него всегда верный, точный. Никогда в боях не проигрывал.

114. КАРАТЕЛИ

У нас в деревню приходили каратели-колчаковцы. Как узнают, что человек на стороне красных—сразу расстреливают. Много тогда расстреляли, человек двенадцать. Мне рассказывали, как расстреливали наших крестьян.

Поставили у ямы людей, расстреливают которых. Стреляют по ним. Всех убили, а один стоит, все еще живой—попасть в него никак не могут. Он стоял, потом бросился бежать. А сзади его река (дело-то было весной,—лед идет по реке). Он в речку. Речка мелкая—самое большее, что по пояс. По нем стреляют и все никак попасть не могут. Видно, заговор или что знал человек, не знаю уж. Только пули его не брали.

Когда добежал до средины, со льдом ему трудно бороться было, все же—выбился из сил. Он крикнул тогда:

— Нате, пейте мою кровь...

И как крикнул он это—пуля в него попала. Так там и упал.

115

Было это в 1919 году. Отворил дверь японец-рядовой. Бабушка и говорит ему:

— Товарищ, закрой дверь.

А японец-то не понимает по-русски. Я ей подтвердил, что нельзя так говорить. Заходят четырнадцать человек отделения в дом. Первым делом требуют сразу оружия. Спрашивают:

— Ты это большевик или кто?

Я показал:

— Не большевик.

Скрывался, как маленький. Отговорился от них. Однако взяли у меня унты. А по деревне прочих очень обижали. Курей всех посекли. Со многих обувь снимали. Расстреливали которых. Булычевых расстреляли. Абрамея Иванова расстреляли. За большевиков они шли. Оружия не было. С вилами, косами против японцев выступали.

ПОСЛОВИЦЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

116. КАЖДЫЙ КУСТ И ПЕНЬ СТРЕЛЯЕТ

Когда белые проходили чехословаки, партизаны засели в леске, в таком леске, где ни бога, ни чорта не видать, и давай с обеих сторон нажимать.

И вот когда часть белых прошла, потом ими и было сложено, что каждый куст стреляет. Это уж промеж себя поддерживали, что каждый куст стреляет. Уже сложилось, что каждый куст может стрелять.

Это сложилось и среди населения и среди бежавших колчаковских дезертиров. Они просто рассказывали среди солдат это. Панику на них наводили партизаны хуже всех. Здесь и сложилось, что каждый куст и пень стреляет.

А партизаны говорили, что, конечно, каждый куст стреляет: под каждым кустом сидит свой человек, который будет стрелять, который будет бить. И это очень чехословаков пугало, белогвардейцев, карательные отряды.

117. ВОТ ТЕБЕ ОНА—НАМ ВСЕМ ХАНА

Начали мы отступать. Пошли на реку Ону. Когда приехали на Ону, там получилось брожение в отрядах и во всей публике, которая отступала, и здесь, когда пришли к реке Оне, стали говорить:

Вот тебе Она—нам всем хана.

Такая поговорка стала.

Тут мы переночевали ночь. От нас ушло два отряда. Совсем ушло два отряда от нас. Самые сильные отряды. Здесь после этого было впечатление безусловно нехорошее.

Главный тогда встает на пень, делает речь. Вот речь была! Действительно закатил. Закатил речь: примерно, час говорил.

Все с такой жадностью слушали, и у всех, видно было, загорелось нетерпение, чтобы опять все остались. Здесь вынесли решение: во что бы то ни стало отряды воротить, и пойти дальше на врага.

118

Из Тасеева не-партизаны не ездят. В Тасеево все партизаны!

119

Господ теперь нет: господа в Байкале плавают.

V. СИБИРЬ СОВЕТСКАЯ

БУРЯТСКИЕ ПЕСНИ

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ОКТЯБРЬ

120

Великий Сталин, будем строить
ударно новое,
Как завещано Ильичом.
Твое ученье с честью выполним
Колхозным дружным трудом.

121

Наш праздник торжественно мы
проведем,
Праздник, указывающий путь.
Этот праздник велик.
Да здравствует революция, товарищи!

122

Колхозники и колхозницы—
не счесть их рядов,
Все выйдут праздновать Октябрь.
Только кулаки и ламы льют волчьи
слезы,
Сердца врагов сжимаются от страха.
Трактора украшены лепестками
цветов и листьями.
Да здравствует Октябрь, товарищи!

123

Колхозница всю артель ведет вперед,
К социализму выходит,
Сбросив старой жизни гнет.
Да здравствует Октябрь, товарищи!

124

Эй, ты, Гитлер,
Не мешай трудовому народу.
Для мирной работы мы собрались,
Но и винтовкой владеть мы умеем.

ПЕСНИ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КАЗАЧЕСТВА

125. ПОВЕДЕТ НАС В БОЙ БУДЕННЫЙ!..

Гей, казачество, на коней,
Блещут острые клинки.
Дружной лавиной-погоней
Гонят белых казаки.
На простор лугов зеленых,
В тишине текущих вод
Поведет нас в бой Буденный—
Брат, товарищ, полковод.
Конь ретивый горячится,
Удила во рту жует.
То казак Сибири мчится,
Песни родины поет.

Казаки всегда готовы
Красной армии помочь.
Лязг оружия, подковы.
Расступайся, банда, прочь.
Любим Сталина и знаем,
Он нас любит горячо.
Битва!—Коней заседлаем,
Вскинем саблю на плечо.
Раздвигайся, расступайся,
Не мешай, бандиты, нам,
Громко песня раздавайся
И звучи по сторонам.

На простор лугов зеленых,
В тишине текущих вод
Поведет нас в бой Буденный—
Брат, товарищ, полковод.
И казак Сибири мчится
С другом верности, с клинком.
Конь ретивый горячится
Под сибирским казаком.
На простор полей родимых
Ветер рвется и шумит,
Казаков непобедимых
Песня родины гремит.

126. ГЕРОЙ НАШ БЛЮХЕР С НАМИ

Эй, казаки, соберемся,
Песнь лихую запоем.
В тесный круг вы становитесь,
Про войну сейчас споем.
Взвейтесь, соколы, орлами,
Советские казаки,
Ведь герой наш Блюхер с нами,
Он ведет свои полки.
Стал микадо собираться
С нами крепко воевать.

И войска свои к границе
Стал японец посылать.
Он забыл, что здесь казаки
Забайкальские живут,
Он забыл, что не сробеют
И отпор ему дадут.
Мы, казаки, все сумеем
Свою родину спасать,
За Советы, за свободу
Свои головы отдать.

127. ЗАСТАВА

Роса на травах горит свежа,
Стоит застава у рубежа.
Слева и справа штыков броня,
Стоит застава, страну храня.
Прицел хорошо налажен
И шашки заострены,
Стоим повсюду на страже
Своей молодой страны.
Тиха равнина, белы снега,
Следит ревниво зрачок врага.
Но как ни целься нам на беду,
Как в стеклах Цейса—ты на виду.

Малейший шорох, тишайший шаг—
В соседних селах, как гром в ушах!
Нам на подмогу и стар и млад,
Поднять тревогу спешат в отряд
Петлиц зеленых отборный ряд.
Назад, шпионы, враги, назад!
Зрачков мильонных упорен взгляд,
Назад, шпионы, враги, назад!
Прицел хорошо налажен
И сабли заострены.
Стоим повсюду на страже
Своей молодой страны.

128

Красноармеец был герой.
Ой, на разведку боевой.
Припев.
Эх, герой!
На разведку боевой!
На разведку он ходил,
Ой, все начальству доносил.
Припев.
Ночка темна, нету звезд,
Едет вражеский разъезд.

Припев.
Тот разъезд его схватил
И к допросу приступил.
Припев.
Да ты скажи, скажи нам, враг,
Сколько есть у вас солдат?
Припев.
Сколько конных впереди?
Сколько пеших позади?
Припев.

Если скажешь, то простим,
А не скажешь—исказним!
Припев.
Если скажешь, то простим,
Офицерский чин дадим!
Припев.
Ничего я не скажу,
Ой про советску власть свою!
Припев.

129. ПЕСНЯ О ЧЕКИСТЕ

Споемте, братцы, боевую
В воспоминание нам,
На страх врагам,
Как пограничники-чекисты
Хранят границу СССР.
Седьмое августа настало,
Тот вечер памятен всем был.
Погиб на мартовской заставе
Чекист Павленко Михаил.
Павленко весел, торопился,
Навстречу ветер ветки гнул.
Сквозь тростник он пробирался,
Амур прохладою вздохнул.
Настала ноченька-злодейка,
Закрыла пост сторожевой,
Подходит лодка с контрабандой,
Павленко крикнул громко: «Стой!»
Чтоб задержать контрабандистов,
Он выстрел только дал,
Но врага пуля автомата
Сумела жизнь его отнять.
Пока чекисты прибежали
Помочь товарищу в бою,
Бандиты-трусы разбежались,
Чекист оставил жизнь свою.
«Не плачьте, все мои родные,
Что в край родной я не вернусь.
На Благовещенском кладбище
Лежать навек я остаюсь».
Когда Павленко хоронили,
Тотчас над гробом поклялись,
Что мы вторую пятилетку
Сорвать бандитам не дадим.

ТРИ ПЕСНИ О ЧАПАЕВЕ

130

В Уральских степях погода и мрак,
Лисицей во тьме пробирается враг.
Чапаев не слышит, чапаевцы спят,
Дозор за рекой направляются снять.
Урал, Урал-река, ни звука, ни огонька!
Чапаев винтовку сорвал со стены:
«Ребята, не время досматривать сны,
Кровавый рассвет над станицей встает,
Казацкие кони храпят у ворот!»
Урал, Урал-река, вода холоднее штыка.
«Последние пули пошлите врагу,
Живые скрывайтесь на том берегу».
Вдогонку палят: недолет, перелет,
И раненый в руку Чапаев плывет.
Урал, Урал-река, могила его глубока.
Проклятая пуля догнала в воде.
Товарищ Чапаев! Не видно нигде.
Урал, Урал-река, могила его глубока.
До красных отрядов, река, добеги,
Скажи, что товарищ Чапаев погиб!
Пусть конница мчится,
Пусть пули свистят,
Пусть красные белым за все отомстят.
Урал, Урал-река, бурлива и широка.

131

На седых уральских кручах
Вороны кричат,
По Завал да по Заволжью
Черной тучей стелется Колчак.
Шаг за шагом наступает
До Белой реки.
На Уфу да на Уфу
Ведет Чапаев красные полки.
Белый волк по степи рыщет,
В балке хоронясь,
Воровской да воровской толпой на Лбищенск
Лезет казачье.
Налетели волчьи стаи,
Злая ночь темна
Скрыла это, скрыла мертвого Чапаева
Мутная волна.

Ты не вейся, черный ворон,
Не маши бойцу крылом.
Не накличешь сердцу горя,
Все равно свое возьмем.
Ночка темная, глухая,
Часто снятся Жигули.
Вы не спите, часовые,
Как бы нас не обошли.
Громкий выстрел, скачут кони,
За околицей свет.
Кто уходит от погони?
Почему Чапая нет?
Закипит и станет сердце,
Бьет тревогу барабан.
Бродят по небу зарницы,
По реке ползет туман.
Знать, обдуманное дело,
Обошел казачий сброд.
Кто же там в рубашке белой
По реке Урал плывет?
Будь же проклят, черный ворон!
К полю, к белому ступай!
У меня на сердце горе:
Тонет, тонет наш Чапай.

133. НА СМЕРТЬ РЫБАКАМ

Байкал, ты грозен, ты жестокий,
Ты в бурю страшен рыбакам.
И если б был ты неглубокий,
Не так бы страшен был ты нам.
Поверь, Байкал, каким ударом
Ты был колхозу в этот раз:
Ты лучших пять ловцов задаром
Взял из семьи колхоза враз.
Они ведь честно исполняли
Долг пред колхозом и страной,
Они лишь лодку с рыбой гнали,
Не думав гибнуть под волной.
Но ты, седой старик, над ними
Шутил, конечно, в этот раз.
И вмиг погибли под волнами
Пять ворошиловцев у нас.
Смерть подошла к ним ужасна,
Но ты шутил, шутил, шутил...
Они кричали понапрасно:
Ты их волною проглотил.
Не слышишь ты, ревет мамаша.
Не знает, мужа ждет жена,
Что у детей взяла папашу
Твоя бурливая волна.
Они погибли под волнами,
Колхозный выполняли план.
Сейчас задача перед нами—
Итти на помощь их семьям.
Пусть смерть взяла их без могилы,
Но крепись, не нужно слез.
Поставь умело свои силы,
Чтоб план наш выполнил колхоз.

134. ГРАМОТА

Дед Федот сидел на лавке,
Грамоту читал;
Получил письмо с печатью,
Долго его мял.
Разорвал его тихонько,
Что ж он увидал?
Большой лист пред ним звездою
Радостно сиял.
На бумаге нарисован
Был большой завод,
Рядом поле колосится,
Трактор и овес.
Весь в цветах стоял осыпан,
Горсть овса держал,
Дед Федот стоял с улыбкой:
Он себя узнал.
Серп и молот над Федотом
Весело сиял,
В синей куртке пролетарий
Крепко руку жал.
— Вот так чудо,—дед промолвил,—
Как я здесь попал?
Стал читать листок с вниманием.
Что же он узнал:
«За ударную работу
И примерный труд,
За любовь твою к народу,
Твой долголетний путь,—
Награждаем за старанье
Грамотой тебя.
Будь ударником примерным
На полях всегда.

Следи зорко за порядком,
За врагом в ночи,
Веди свой колхоз к победе,
Нигде не проспи.
Это шлет тебе посланье
Весь рабочий класс.
Прими нашу благодарность
И привет от нас.
Будет наша благодарность
Для тебя всегда.

Не имей преграды в жизни
Своей никогда».
Федот кончил, улыбнулся,
Весь огнем пылал.
Слезы с радостью бежали,
Он, склонясь, привстал.
Дал себе, читая, клятву
Выполнять устав,
За великую награду
Будет урожай!

МЫ ПО-НОВОМУ ЖИВЕМ—ПЕСНИ НОВЫЕ ПОЕМ

ЧАСТУШКИ

Нас ведет товарищ Сталин
К жизни замечательной

135

Нам в колхозе жить не плохо
И работать весело.
Спасибо Сталину за это,
За учение его.

136

Шире, улица, раздайся,
Трактором дорогу дай.
Приказал бороться Сталин
За высокий урожай.

137

Жизнь зажиточна в колхозе,
Это дело наших рук.
Так велел товарищ Сталин—
Наш любимый вождь и друг.

138

По завету Ленина,
По совету Сталина
Мы построили колхоз—
Верный путь крестьянина.

139

Растяну гармошку шире,
Слушайте внимательно.
Нас ведет товарищ Сталин
К жизни замечательной.

140

Выполним, товарищ Сталин,
Твои указания.
Мы зажиточными стали,
Пополняем знания.

141

Мы стахановцами стали
И ведем колхозный строй.
Нас ведет товарищ Сталин—
Большевистский рулевой.

При советской власти нашей
В ногу с партией идем

142

Ты сыграй повеселее,
Сила молодецкая.
В моей родине хорошей
Крепнет власть советская.

143

Ветер гонит не нагонит
На дороженьку песку.
При советской власти нынче
Не нагоните тоску.

144

Мы теперь живем спокойно,
Жизнь мы мирную ведем.
С нами партия стальная,—
Все мы трудности возьмем.

145

Мы по-новому живем,
Песни новые поем,
При советской власти нашей
В ногу с партией идем.

146

В Совнаркоме мы решили,
И настал великий день:
Потекли автомобили
Для советских деревень.

Без буржуев и царя
Мы живем отлично

147

У рабочих и крестьян
Все крепчает смычка.
Без буржуев и царя
Мы живем отлично.

148

Строим новые колхозы,
Строим новые пути.
Жизнь хорошая настала,
Лучшей в мире не найти.

149

Вон комбайн идет,
Скоро поворотится.
Жизнь хорошая настала,
Помирать не хочется.

150

Посмотрю я, погляжу
И дивлюся дивом:
Уничтожили межу
Полным коллективом.

151

Я черемушку ломала,
Ветку не одунула.
Из колхоза выходила,
Дура, не обдумала.

152

В тридцатом году
Была единоличница,
А теперь уже я
Лучшая отличница.

153

Картошка растет,
Наливается.
Колхозная жизнь
Очень нравится.

154

Раньше землю все пахали
Сохами старинными.
При советской власти славной
Пашем мы машинами.

155

Загудели трактора
По колхозным пашням.
Нынче будет урожай,
Мы засыплем башни.

156

Сев колхозный проведем
Нынче без урона,
Пятьдесят коней впряжем
В конную колонну.

157

Запевайте все частушки
Про колхозные дела,
Как в колхозе богатеет
Вся колхозная семья.

158

Комбайн хорошая машина,
Зорко смотрит в ней глазок.
Она жнет, сама молотит,
Отдувает—и в мешок.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА

159

На горе стоит береза,
Ой, какая высота.
Гляну, гляну на комбайн,
Ой, какая красота.

160

В наш колхоз комбайн пришел,
Дедка удивился.
А как поп увидал—
Чуть не задушился.

161

Хлеб колхозный золотится,
Всюду море спелой ржи.
Рожь на солнце золотится,
Не видать нигде межи.

162

Наши девушки запели,
Взбудоражили село,
Нам в совхозе и в колхозе
Всем работать весело.

163

Брызни, брызни, хлебный ливень,
Дождь пшеницы, ливень ржи.
Знаем мы, что коллективно
Лучше строить, лучше жить.

164

Мы с товарищем вдвоем
И сыграем и споем.
Он играет, я пою:
Хорошо в нашем краю.

165

Пароход идет,
Вода пенится.
Нам не нужно тех в колхоз,
Кто работать ленится.

166

Я иду, а мне навстречу
Грузовой автомобиль,
Вез в колхоз он к нам машину,
В МТС локомобиль.

167

Трудодней я накопила,
Даже некуда девать,
Много платьев накупила,
Стол, машину и кровать.

168

Ты, подруженька моя,
Подруженька активная,
Никогда не надоест
Работа коллективная.

169

Хорошо теперь живет
Наше поколение,
Потому что выполняем
Мы заветы Ленина.

170

Эй, ребята, эй, девчата!
Вы послушайте меня:
Милый в месяц заработал
Сто четыре трудодня.

171

У колхоза, у колхоза
Все как есть сбывается,
У колхоза счастье в гору
Возом подымается.

172

Вечерком девчонки пели
У большого шалаша:
Ведь недаром в самом деле
Жизнь в колхозе хороша.

173

Эх, не зря наша бригада
Перевыполнила план,
Укрепим колхоз, как надо,
Заведем аэроплан.

174

Будут новым урожаем
Закрома завалены.
Мы живем теперь в колхозе
По уставу Сталина.

175

На горе стоит береза,
Под горой течет река.
В нашем сталинском колхозе
В поле ходят трактора.

176

Даст заем нам уголь, медь,
Новостроек мощных сеть,
И гигантов корпуса
Возведет под небеса.

177

За сохой я раньше шел,
Проклиная долю,
На стальном теперь коне
Я хозяин в поле.

178

Эх, конец страданьям нашим,
Без межей мы землю пашем,
В одиночку не страдаем,—
От артели пользу знаем.

179

Ты, Байкал, гуляй в просторе,
Брось тоскливо в скалах выть:
Нынче весело живется,
Нынче нет причин грустить.

Мы врагов советской власти Били, бьем и будем бить!

180

Мы буржуев всех сломили,
Мы разбили весь их трон.
Мы построили колхозы—
Теперь весело живем.

181

Мы изжить хотим напасти,
Чтоб покой себе добыть.
Мы врагов советской власти
Били, бьем и будем бить.

182

Стал кулак хитер и ловок,
Заплетает тонко нить.
Выше темпы заготовок,
Чтоб скорей его добить.

183

Наш кулак Фома Гордеев
Лапти старые одел,
Все излишки хлеба спрятал
И в колхоз вступить хотел.

184

Будет, спинушки погнули,
Покормили паука.
Мы теперь в колхоз вступаем,
К чорту гоним кулака.

185

Много сил мы положили,
Многое мы вынесли.
Кулачье, как ни рычало,
А колхозы выросли.

186

Гляди, братцы, не зевай,
За зерном поглядывай:
Кулачье ползет в сарай,—
Не зевай, доглядывай.

187

На буржуйские монетки
Портят дело пятилетки
Стройки разорители.
Кто они?—Вредители.

188

Ты, кулак, не угрожай,
Что не будет урожай,
А пшеница, погляди:
Кому хочешь до груди.

189

30 лет я была
Кулацкая кухарка,
А теперича я
Лучшая доярка.

190

Колхозница я,
Колхозница,
Мироеду-кулаку
Не работница.

191

Коло нас стоит лесина,
Под лесиною река.
С большевистского колхоза
Прочь, кулацкая рука.

Нам не нужно тех в колхоз, Кто работать ленится

192

Вышивала я платок
Тонкою иголкой.
Мы погоним из колхоза
Лодырей метелкой.

193

Не тянись ко хлебу, лодырь,
Нас напрасно не морочь,
Если в поле не работал,
Значит, дальше, руки прочь.

194

Все на поле выезжают,
Лишь у лодыря прогул.
А смотри-ка, к урожаю
Лодырь руки протянул.

195

Пташки с веточки на ветку
Все летают целый день.
Саша пташечек считает,
Но работать ему лень.

196

Вот огрехи, глянуть страшно—
Видно их издалека,
За себя лентяй-папаша
Посылал пахать сынка.

197

Много дров у нас в лесу,
Много и шишкарника.
Не бери пример с лентяя,
А бери с ударника.

198

Стоит лодырь у ворот,
Широко разиня рот.
И никто не разберет,
Где ворота, а где рот.

199

Если был весной лентяем,
То к зиме мешки не шей,—
Не увидишь урожая,
Как без зеркала ушей.

200

За высокими кустами
Лодырь скрылся и затих,
Пашет нашими боками,
Отдыхает на своих.

С каждым днем культурнее

201

Мы теперь не ходим в церковь
И поклоны не кладем.
В звуковой театр на кино
Дружно, весело идем.

202

Если грамоте не знаешь,
Нечего куражиться:
Ныне девка никакая
С неучем не свяжется.

203

Эх, берет меня тоска,
По ночам не спится,
Заразили меня книги,
Я хочу учиться.

204

Ты не жаль, не жаль, крапива,
Разболится ноженька.
Мне теперь всего милее
В комсомол дороженька.

205

Меня маменька ругает,
Что без дела в клуб хожу.
Я не время провожаю,
За политикой слежу.

206

Ненавижу я Егорку,
Парень просто бестия:
Перевел он на махорку
«Правду» и «Известия».

207

Наклонились низко лозы
Над рекою бурною.
Мы становимся в колхозе
С каждым днем культурнее.

208

Приключилось что такое?
Оживились жители:
Привезли в село глухое
Громкоговорители.

209

Раньше в хате у меня
Пел сверчок унылый,
Теперь радио поет,
Слушать—сердцу мило.

210

Лучше всех я уважаю
Петеньку Уринского,
Потому что он читает
«Правду Баргузинскую».

211

Парни дрались и ругались
С осени до осени,
В комсомольцы записались,
Хулиганить бросили.

212

Эх, рассыпь-ка с перебором
Трель, гармонь заветная,
Ведь не зря я стал селькором,
Подружил с газетою.

213

Заросла дорога к богу,
Новая проторена.
В школу нашу широко
Дверь для всех отворена.

214

Нарублю березы много,
Накидаю переход.
Я за речку выйду замуж:
Там культурнее народ.

215

Посмотрите-ка, ребята,
Что у нас творится:
Наша бабушка пошла
Грамоте учиться.

216

На столе стоит виктрола,
Песню звонкую поет:
«Кто работает ударно,
Тот зажиточно живет».

217

Как начал Сеня учиться
По заветам Ленина,
Посветлело от ученья
В головушке сениной.

218

Проведем в свои колхозы
Электрическую нить
И начнем своих буренок
Электричеством доить.

219

Избы новы, избы чисты,
Электричество горит.
Молодчаги коммунисты,
Вся деревня говорит.

220

Когда Лена шевелится,
Тогда лед ломается.
У нас Вася курсовик
На курсы собирается.

Прежде в воздухе полеты
Были сказка или сон

221

Много радости рождает
У старого и малого
Замечательный полет
Летчика Чкалова.

222

Прежде в воздухе полеты
Были сказка или сон,
А теперь на самолете
Дальний север покорен.

223

По дубравам ветер бродит,
До земли березу гнет.
Стратосферу покоряет
Наш советский самолет.

224

Мой миленочек пилот,
Как герой известный он,
Совершит большой полет,
Вся страна приветствует.

225

Мой миленочек пилот,
В небе водит самолет.
Он с луной и со звездами
Нынче встретит новый год.

226

Обниму я Байдукова,
Расцелую Чкалова,
Обовью я Белякова
Ленточкою алою.

227

Дорогой Байдуков Гоша,
На тебя я не похож—
Но не сегодня-завтра я—
Буду тоже у руля.

По-стахановски работать—
Не у печки руки греть

228

Мы стахановцы с тобой
Одного забоя.
Триста гонишь ты рудой,
Я креплю, как трое.

229

Если хочешь жить богато
И культурно отдыхать,
Помоги на производстве
Всем стахановцами стать.

230

Во стахановски денечки
Не придется нам сидеть:
По-стахановски работать—
Не у печки руки греть.

231

Про Стаханова читала;
Вот действительно герой,
И теперь-то я желаю
Стать стахановкой такой.

232

Проявляй в делах сноровку,
За работою следи.
К урожаю подготовку
По-стахановски веди.

233

Ты играй, играй, гармошка,
Чтобы слышно пение,
Вступим все в соревнованье,
В стахановско движение.

234

Старый месяц на исходе,
Новый нарождается,
Кто стахановец в колхозе—
Ни в чем не нуждается.

235

За здорового коня
Иванов старается.
Он стахановцем не зря
Нынче называется...

236

Эй, товарищ, посмотри
На свою машину,
А нельзя ль в нее внедрить
Стахановскую силу.

237

Ворошиловский стрелок
Уж не промахнется,
А стахановцу всегда
Дело удается.

238

Говорят, что люблю Колю,
Это просто ерунда.
Мне понравился Евгений—
Он стахановец труда.

239

Мой Ванюша всех милей—
Выполнил задание.
Он в бригаде вызвал всех
На соревнование.

240

На деревне девки пели
Про зажиточную жизнь.
Как в стахановску неделю
Нормы сразу поднялись.

241

Я не думала, не чаяла
И в разум не брала,
Чтоб читканская колхозница
Стахановкой была.

242

Крой, гармошка, с переливом
У ребят читкановских.
Нынче справились мы с севом
Прямо по-стахановски.

243

Наш Стаханов молодец,
Показал нам образец.
Мы все нормы перекрыли
И награду получили.

244

Растяну свою гармошку,
Звонкую трехрядную.
Мы сегодня целым цехом
Перешли в ударную.

245

Старики всем говорят:
— Жить мы стали заново.
Перегоним мы в работе
Самого Стаханова.

246

Байкал озеро большое,
Много рыбы в нем живет.
Бригадир рыбак Малыгин
Дал стахановский рекорд.

Стала женщина в почете
Бесконечно высока

247

Наша Груша, как цветочек,
С каждым днем все веселей.
Заработала в колхозе
Пятьсот сорок трудодней.

248

Раньше звали судомойкой,
Стряпкой звали у попа,
А теперь на трактористку
Свой экзамен я сдала.

249

Раньше молвили: «Куда ты—
Баба ты, не человек».
А теперь я бригадиром—
Сорок дали человек.

250

Сталин, Сталин—слава Сталин!
Конституции хвала,
Стала женщина в почете
Бесконечно высока.

251

Я, бывало, на собранье
Сквозь окошко погляжу.
А теперь в своем колхозе
Председателем хожу.

252

«Ты не очень расходись,—
Жена мужу говорит.—
Трудодень в конце покажет,
Кто кого будет кормить».

253

Купи, маменька, на кофту,
Постарайся кумачу.
Я на курсы поступаю,
Трактористкой быть хочу.

254

Будет, будет походила
По отцовской полосе,
Нынче Сталин дал нам волю,
Что не снилося во сне.

255

Раньше только мы рожали.
Мужики бивали нас,
За людей нас не считали,
А теперь нас Сталин спас!

Хорошо с милым на поле
О любви поговорить

256

Трактор пашет, трактор пашет,
Тракторист платочком машет.
Ты платочком не маши,
Сперва пашню допаши.

257

Я у тополя потопаю,
У ели запляшу.
У милого комсомольца
Я фамилию спрошу.

258

Чо-то тучится, туманится
И солнца не видать.
Из какого переулка
Буду милого я ждать?

259

Хорошо с милым на поле
О любви поговорить,
Где густая, золотая
Рожь колхозная шумит.

260

Высоко на эроплане
Много маленьких колес.
Мой миленочек уехал
И любовь с собой увез.

261

Я своему бригадиру
Говорила сколько раз:
«Почему в одну бригаду
Не поставил с милым нас?

262

На горе стоит береза
Долгая и гнучая.
У миленочка глаза,
Как крапива жгучие.

263

Не ходи, Ванек, к воротам:
Лодырь ты и пьяница,
Я навеки полюбила
Коленьку-стахановца.

264

Мой миленок всех красивей,
Всем девчатам нравится,
И к тому же он добился
Звания стахановца.

265

Речку мутну и глубоку
Через мостик перейду,
Лодырь мужем мне не будет,
За стахановца пойду.

266

Ты звени, звени, гитара,
Струны, громче пойте.
Мой Ванюшка комсомолец—
Всем пример в работе.

267

Мой миленок комсомолец
И стахановец к тому ж.
Я люблю его за это:
Он мой друг, а будет муж.

268

Я сегодня танцовала
Вот и этак, вот и так,
Потому что едет милый
Подготовиться в Рабфак.

269

Черный бор, зеленый лес,
Скоро кончу я ликбез.
Вот тогда-то, милый мой,
Поухаживай за мной.

270

Под горой, возле сосенок,
Быстра реченька течет.
Эх, и рад же мой миленок,
Что попал в воздушный флот.

271

Далеко, далеко,
Далеко в полете
Улетел мой дорогой
В Читу на самолете.

272

Я не буду больше плакать,
Свои глазыньки мочить.
Сине море не наполнишь
И любви не воротить.

273

Мне не жалко полушалка,
Цвет бордовый полинял.
Жалко миленький уехал,
Со мной мало погулял!

274

Трудно, трудно в синем море
Мелкий камушек достать,
А еще труднéй у милой
Думу на сердце узнать.

275

Высоко ворон летает,
Крылом небо достает.
По глазам миленка вижу,
Что любить перестает.

276

Я люблю гулять с тобой,
Нет тебя милее в свете.
Ты ударница—герой,
На счету в совете.

277

Милый в город уезжает,
Плакать нет расчета:
Он сказал мне, что учиться
Будет на пилота.

278

Был мой милый трактористом,
Был он и учетчиком.
Кончил школу планеристов,
Стал героем-летчиком.

279

Я любила сокола,
Парнишку невысокого.
Невысок, подбористый,
Веселый, разговористый.

280

Если б кофточка не шелкова,
Не стала бы носить.
Если б милый не ударничек,
Не стала бы любить.

281

Рыба сера чо-то съела,
Вдоль по морю поплыла.
Девка смела, с парнем села,
Разговоры повела.

282

Гляжу вправо, гляжу влево
Со своей горы видней.
Мне не нужен кучерявый,
Если он без трудодней.

283

Я о милом не скучаю,
Спешно трактор изучаю.
Буду, сидя у руля,
Обрабатывать поля.

284

Во саду ли в огороде
Вырос аленький цветок.
Мой миленок в первом взводе
Ворошиловский стрелок.

285

Я миленка провожала,
Я миленку заказала:
«Будь всегда передовой,
Верный зоркий часовой».

286

Мой миленок машинист,
А я машинистка.
Скоро будет летчик он,
А я парашютистка.

Знаем, кто враги народа,
Их в Совет не проведем

287

Знаем Ленина заветы:
Кулаки, попы—наш враг.
Не попасть попу в советы,
Пусть не ладится кулак.

288

Мы живем в счастливы годы,
Мы по-новому живем.
Знаем, кто враги народа,
Их в Совет не проведем.

289

Тот лишь будет депутатом,
Кто рабочих и крестьян
Вел на битву с супостатом
Против гадов разных стран.

290

Тракторист заводит песню,
Трактор по полю гудит.
Поп—ори, кулак—хоть тресни,
Но в Совет не угодит.

С Конституцией Советов
Нас никто не победит

291

Жизнь тяжелая от нас
Улетела с тучею.
Одобряет весь народ
Нашу Конституцию.

292

Мы от нашего колхоза,
Как родимому отцу,
Шлем горячие приветы
Конституции творцу.

293

Дали нам теперь права
Добры, не убыточны.
Кто работает—тот ест
И живет зажиточно.

294

Когда будешь стариком
Или покалеченный,
Коль работал—не тужи:
Будешь обеспеченный.

295

Мы теперь имеем право
Смело, гордо заявить:
«С Конституцией Советов
Нас никто не победит».

Воевать мы не хотим,
Но готовы к бою

296

Октября завоеванья
Мы навеки сохраним,
Нам чужой земли не надо,
Но своей не отдадим.

297

Я сломала, я сломала
Веточку малинову,
Шлю горячий я привет
Климу Ворошилову.

298

Клим Ефремыч Ворошилов,
Обещаю я тебе
Быть готовым к обороне,
Быть стахановцем в стрельбе.

299

Подойди да погляди,
Что у Вани на груди.
Получил он из полка
Знак «Отличного стрелка».

300

В поле мак и васильки
Шевелят головками.
В Красной Армии стрелки
Стали очень ловкими.

301

На параде выступали
Ворошиловски стрелки,
Они нам все доказали
Верность глаза и руки.

302

Пишет внук письмишко деду—
В отпуск скоро, мол, приеду,
Научу я деда враз,
Как носить противогаз.

303

Улыбается старуха
И отрадно стало ей:
Школу летчиков кончают
Ее двое сыновей.

304

Если раньше были стойки,
Будем стойки в этот год—
Мы дадим стране на стройку
Трехнедельный свой доход.

305

Наш заем врагам угроза.
Их тревога без границ:
Будет больше паровозов,
Больше фабрик и больниц.

306

Ты, Араки, не скули,
Не грози войною.
Воевать мы не хотим,
Но готовы к бою.

307

Ты, японец, не грозись,
В тебе толку мало.
На Советы ты не лезь,
Как бы ни попало.

308

Ах, японец, ты японец,
Твои жадные глаза.
Ты пойдешь на нас войной,
Мы покажем чудеса.

309

Только сунулись японцы
На границы ДВК,
Наши славные герои
Наломали им бока.

310

Нам не страшны самураи
И их волчий аппетит,
Да они и сами знают—
Им влетало и влетит.

311

Разобьем врага мы силой
Хлеще, чем в двадцатый год,
Если сунет свое рыло
В наш советский огород!

312

Забайкальски мы казаки,
Своей грудью постоим
За советские границы,
Свою жизнь не пощадим.

313

Мы в колхозах робить можем,
Украшать веселу жизнь.
Кто напасть на нас посмеет,
Так ударим, что держись.

314

Наша пика отточена,
Отточенный у нас меч.
Кто напасть на нас посмеет,
Тому голову отсечь.

315

Самолет блестит на солнце,
Преломляя солнца луч,
Часовые смотрят зорко,
Штык стальной в руках могуч.

316

Золотится в поле рожь,
Ветром колыхается.
Мы границу стережем,
Пусть кто попытается.

317

Мы границу укрепляем,
Охраняем бдительно.
Кто попробует нарушить,
Стукнем сокрушительно.

ПОСЛОВИЦЫ

318

По-стахановски работать—не у печки руки греть.

319

Без бога—широка дорога.

320

Хлеб дает нам не Христос, а машина и колхоз.

321

Не верь шептунам—спроси коммуниста.

322

Не спустим растрату ни свату, ни брату.

323

Что лентяй, что вор,—один коленкор.

324

Раньше жили—слезы лили. Теперь живем—счастье куем.

VI. ПРО ПОПОВСКОЕ МРАКОБЕСИЕ

325. ПОПОВСКИЕ „ЧУДЕСА“

Раньше обычно на крестинах гуляют. А если темные рабочие гуляли, так, значит, драка. К вечеру она и началась. Вечером все, кто остались трезвы, бросились на растаскивание этой драки. А утром, поскольку я была соседкой по квартире урядника, я зашла туда с разговором об этих драках. Разговор зашел со священником, который остановился в доме урядника. Я высказала свое мнение, что, вот, нет церкви здесь, люди к обедне не ходят, у всенощной не бывают, и народ, безусловно, поэтому пьет и ругается, драки устраивает. После этого меня пригласили чай пить. Ну, а потом зашел разговор на тему, что здесь часовню можно построить в том месте, где река протекает.

— Вижу,—говорит поп,—умную женщину. Как она хорошо рассуждает: вот часовенка будет, и будет хорошо!

Пошел разговор до вечера. А на вечер и назавтра жена урядника меня опять пригласила, и все они говорили:

— Как будет хорошо, когда будет часовенка, как будет спокойно жить.

Священник остался на третий день, и все такие разговоры вел.

Я просто не могла понять, в чем тут дело. Почему ко мне так хорошо относятся. Позже уж я поняла. И предлагает мне на третий день священник следующее:

«Поведи среди жен рабочих такой разговор: что надо часовенку. Это дело полезное. Скажи, что она тебе приснилась. В таких случаях можно и соврать. Это полезное дело, господнее. Скажи, что ходила по берегу и слышала в этих кустах, что божья мать плачет.

Говори: «Вот стон, прислушайтесь... Вот просится здесь, чтобы церковь или часовенка была!..» Прислушивайся. Почаще ходи, говори, что много раз уж слышала этот плач. Ты женщина скромная, умная. Большую пользу принесешь. На этом прииске, где будет стоять часовня, твое имя до самого гроба будут помнить. И тебе будет хорошо, когда будет здесь часовня. Урядник даст тебе денег взаймы, и здесь ты поставишь зимовеечку маленькую, будешь обогревать приходящих, пирожки продавать им.

Муж у тебя все время в сырой шахте работает. А когда зимовейка будет, он уж будет с тобой. Достаток будет у вас хороший. Честные люди будут у вас бывать».

Я посидела. Подумала и говорю:

— С мужем посоветуюсь.

— Хорошо, скромница, умница!..

Когда муж пришел из шахты, я ему все рассказала. Он мне объяснил, к чему все это ведет, к чему поповские и урядниковские речи клонятся. И строго-настрого запретил мне.

Начал за мной урядник примечать. Видит, что я по берегу реки не хожу, никаких разговоров о часовне не веду. Он меня пригласил потом к себе, не в столовую, где чай пили, а в другую комнату, и так меня прохватил! Столько мне страстей наговорил!

Наказал, чтобы я не смела говорить о том, что слышала тогда от попа.

— Если где-нибудь в народе будешь рассказывать об этом, так ты у меня сразу же в партии по этапу пойдешь в Иркутск! Я думал, что ты умная женщина, а ты дура!

Потом начались придирки к мужу. И уже на 20-й день после этого мужа уволили. Он пришел из шахты. Была подана казенная лошадь и нас вывезли поблизости к железной дороге, которая вела на Бодайбо.

А там ссадили, и иди, куда хочешь!

326. КАК АРХИРЕЙ ВИДЕЛ ДУШУ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ

В одном городе жил архирей, а у него был келейник. Был он безграмотный, но очень послушный, архирей очень его уважал и любил; хотя он был безграмотный, но много вопросов задавал архирею.

Когда архирей уставал, он подготовлял для него спальню. В одно прекрасное время приходит келейник к архирею. Дверца спальни была на заложке, он стал слушать. Когда стал слушать, услышал разговор.

Он стал еще тоньше прислушиваться и услыхал,—говорил только архирей, а другого говора не было.

Он говорил:

— Бери, душа, юбку, башмаки и отправляйся.

Келейник скорей поспешил уйти и не знал, что означают эти слова. А эти слова означали, что у него была любовница.

В одно прекрасное время ухаживать за архиреем келейник, пошел с ним в баню.

Келейник к архирею с вопросом, задает все разновидные вопросы:

— Что же, владыко, может ли человек видеть душу человеческую?

И вот архирей ему дает ответ:

— Если человек не удостоился свыше, то не может видеть душу человеческую.

— Я думаю,—говорит келейник,—что вы, владыко, достойны видеть душу человеческую!

Архирей стал отклонять, что я недостойный, а келейник стал уличать:

— Так вы, владыко, не отпирайтесь!

Архирей говорит:

— А чем вы докажите, что я могу видеть души человеческие?

— Вот, владыко,—говорит ему келейник,—в одно прекрасное время я слушал у дверей вашей спальни и слышал, когда вы говорили: «Ну, душа, бери юбку, башмаки и отправляйся». Дак вот вы тогда все-таки видели душу человеческую.

Архирей сильно растерялся, когда услышал эти речи, и стал умолять келейника, чтобы он не распространялся никому.

— Што только будет стоить, проси, денег тебе али кого другого надо, проси. Все это будет дано.

— Так, владыко, мне ничего не надо: сколько бы вы ни дали, все же я их когда-либо издаржу; а вы бы лучше дали бы мне какой-либо приход, поставили сансвященником.

Архирей говорит ему:

— Да ведь вы безграмотны. Ведь вы не можете быть священником.

А келейник стоит на своем: ничего не нужно, а вот только это, што будет ему на всю жизнь.

Делать нечего архирею, приходится дать какой-то приход и послать в то место, где люди ничего не знают.

Вот он его послал в Туруханск на приход. Люди, конечно, там ничего не знали, что есть служба и как.

А когда он приехал в Туруханск, прихожане очень были довольны, что архирей позаботился и послал им священника.

Теперь, значит, прихожане ждут, когда будет обедня. В один праздник священник заставил звонить в колокол, набралась полная церковь прихожан.

Приходит новый священник в церковь, проходит в алтарь, начинает надевать на себя облачение священническое и думает:

«Што я буду делать таперь?! Ну, что будет, то и будет»,—думает новый священник, отворяет царские двери, берет книгу и выходит к прихожанам, ограждает их всех книгой, те молятся. Священник задает им вопрос:

— Дорогие мои прихожане, вы знаете это какая книга?

— Нет, не знаем,—говорят.

— Ну, не знаете, так нечего вам и читать.

Уходит в алтарь, снимает с себя облачение и уходит в свою квартиру. А те стоят в недоумении, что бы это значило?

На следующий раз ждут священника к службе и думают таперь все прихожане:

«Если опеть такая же повторится, то давайте все в голос говорить, что мы ее знаем, эту книгу».

На следующий праздник опеть звон, приходит опеть священник, а публики еще того больше. Он заходит в алтарь, одеет на себя облачения, отворят царские двери и выходит опеть с книгой, ограждат всех их, спрашивает:

— Дорогие прихожане, вы знаете какая это книга?

Все заревели в голос:

— Знаем, знаем, батюшка!

А он им отвечает:

— А раз знаете, то вам нечего и читать.

327. КАК ЖЕНЩИНА ПРОУЧИЛА ПОПА, ДЬЯКОНА И ПСАЛОМЩИКА

В одной деревне одна женщина была молодая, очень такая красивая. Немало она завлекла народу к себе, ну, а никто не мог добиться до ее руки. Даже и псаломщик хотел добиться, и дьякон, и священник, ну, никак это им не удавалось. В конце женщина придумала, што я всех их отважу.

Однажды говорит она псаломщику:

— Если ты желаешь воспользоваться в моей любови, вот есть на кладбище новые могилы выкопанные, я вас одену, как мертвого, и положу в нее, а вы лежите с вечера до утра. Если вы протерпите, так можно, значит, приходить ко мне.

Следующий дьякон. Стала она ему говорить:

— Если вы желаете моей любви, то я вас одену чортом, приделаю вам рожки и вымараю всего в сажи и уведу, поставлю вас у могилы, и вы простоите всю ночь, с вечера до утра. Если вы протерпите ночь, то ждите, значит, дома, отдам вам руку.

Дьякону хотя и жестоко приходилось, но все же он хотел воспользоваться любовью.

Таперь со священником разговор произошел у ней.

— Вот, батюшка, если хотите воспользоваться любовью, то я вас одену, как ангела, и поведу, поставлю вас у могилы и всю ночь простойте до утра, а утречком заявитесь ко мне.

Сказано—сделано. Известные часы были назначены. Конечно, они друг друга никак не знали.

Потом она взялась за псаломщика, надела на него саван, завернула его и повела на кладбище. Приводит. Были могилы свежие выкопаны. Кладет она его в могилу. Оставила и уходит.

В назначенное ей время приходит дьякон. Начинает она и его обмазывать сажей, приделыват ему рога и повела ево на кладбище, когда уже темно стало. Привела и поставила ево, где лежал мертвец.

Мертвец-то, конечно, внизу, а дьякон наверху, где это положено. Тут поставила она его.

— Ты смотри, стой прямо, а то дело твое пропадет.

Остался дьякон, зорко вглядывается во мглу и заметил, как будто бы кто лежит в могиле. Лежать-то еще ничего, а ведь главное—пошевеливается. Дьякона обуял страх, конечно, стал думать: «На самом деле, не соскочил бы».

И все его мечты и все его молитвы были собраны, чтобы не получилось худшего.

Как раз вот в этот-то момент она приводит священника в облачении ангела с крылами, и так тихо она подвела к изголовью, где лежал покойник, даже дьякон и не заметил.

Когда было ему замечать, он в страхе смотрел на покойника.

Конечно, она оставила священника и ушла домой.

Сперва священник думал: мотильный памятник дьякон. Наконец, он стал его разглядывать, разглядел, что это какое-то чудовище.

Внизу покойник с первого раза тоже заметил, што стоит чудовище—чорт.

«Наверно, когда приходит самая полночь, чорт меня задавит!» Стал его пробирать мороз и страх, в этом страхе, как он ни вертелся, а все же в изголовьи заметил как будто бы ангела. Он, думая, что ангел прилетел сохранить его, соскакивает, пока ангел не улетел, и просит его. Как он соскочит и заревет, загаркает ангела. Ангел сразу тягу; ангел испугался чорта, а чорт испугался покойника, и все полетели они домой.

Чорт старается как-то самому опростаться от покойника, все меры напрягат, как бы догнать ангела, а у священника совсем силы перестают служить.

Вот, думат, и чорт поймат ево сечас, а покойник старается как бы обегать чорта, еще сильнее страх нагоняет на чорта, и все трое прилетели на крыльцо к этой женщине, а она держала дубинку в руках и давай наварачивать всех их троих.

— Какой чорт всех принесло в такую пору!

И выгнала всех троих за ворота.

328. ПОП-КАРТЕЖНИК

В одной деревне был поп, был дьякон и был псаломщик. Поп любил в карты играть, а дьякон нет. Часто приходилось попу увлекаться картежной игрой.

Однажды он в расчетах ошибся—ушел играть в карты, а завтра был праздник. Играл он азартно и не видал, как рассветало. Надо обедню звонить, благовест сделать, а священника нет. Дьякон с псаломщиком только сильно беспокоятся: «Что ты, куда девался у нас батя?»

Посылает трапезника искать. Трапезник находит его за картежной игрой и говорит:

— Что же, батюшка, надо обедню служить, а ты сидишь, в карты играешь.

— Ладно, иди ты, я счас только доиграю карты, которые пришли.

А когда он доиграл карты, то забыл опять домой итти, продолжает играть дальше.

Таперь посылает дьякон псаломщика, тот прибегает бегом:

— Так что же, батюшка, народ собрался, все прихожане видят, ведь скандал будет!

— Ладно, ладно, идите, я счас, партию доиграю и приду.

И опять замечтался, и опять забыл. А там уже дьякон из пару выходит, прибегает сам, дьякон разревелся, разругался:

— Что же прихожане скажут, надо ведь служить, поздно уже!!.

И как раз партию разделали, карты подали, опять и карты пришли очень хорошие—ценные для священника.

Делать нечего, священник и говорит своим товарищам, с которыми играл:

— Ну, ладно, давайте карты удержим по рукам, а вечером разыграем.

Соскочил и побежал. Карты в карман положил. Приходит он в церковь в запанном виде, заходит оболокаться в алтарь и вышел служить. И только кадит, ходит у иконостасов. В это время подались у него из носа сопли; делать было нечего, давай вытаскивать из кармана платок и, не разобравшись, выдернул его с картами, рассыпал на полу, а когда обратно повернулся и увидел эти карты, подумал он: «Что таперь мне делать, ведь за то меня сразу таперь снимут, прихожане видели, что карты лежат».

Он придумал в этот момент: отдал кадило трапезнику, выходит на видное место и зазывает мальчиков трех, а ребята глупые.

Спрашивает у первого, показывает на икону:

— Ты знаешь, какая это икона?

А мальчик растерялся:

— Батюшка, я не знаю.

Так и у второго, показывает на другую икону, тот тоже отказался:

— Я не знаю.

Спрашивает третьего, третий удивился, что бы это значило.

— Нет, батюшка, я не знаю, что это за икона.

— Ну, ладно, отходите,—он им сказал.

Подзывает других трех опытных ребят, поднимает первую карту и спрашивает:

— Какая это карта?

Он ему отвечает:

— Это, батюшка, король бубновый.

Подымает вторую карту, спрашивает у второго мальчика:

— Какая это карта?

Он ему отвечает:

— Туз червей.

Подымает третью карту, спрашивает у третьего мальчика:

— Какая это карта?

— Краля виновая.

Таперь отпускает мальчиков, отходите, мол, и начинает грозить прихожанам пальцем, что вот вы как-чему учите своих детей: про икону спрашивал—ни один не мог ответить, а как про карты начал спрашивать, дак каждый из них знает.

— Я это с умыслом сделал—как вы воспитываете своих детей.

А прихожане до того были пристыжены, что хотя сквозь землю провалиться.

Таким путем поп оправдал сам себя.

329. ПОП И РАБОТНИК

Однажды поп нанял работника, да плохо его кормил. Ну, работник догадался и стал мстить. Пойдет скоту сена давать, а под крышу подвязывает.

Овцы видят, что сено под крышу подвязано—блеют; корова видит, что сено под крышу подвязано—ревет; лошади видят, что сено под крышу подвязано—рогочут.

Поп спрашивает:

— Иван, что у тебя скот все кричит?

Он отвечает:

— Батюшка, севодни такой праздник, а каждый своему празднику рад и кажной по-своему песни поет.

Поп не поверил ему, пошел сам смотреть. Видит: сено всюду под крышу подвязано.

Пришел—давай работника ругать и грозить ему, что я тебе денег не заплачу. Иван взял да и у попа лучшую кобылу украл. Поп думат, что не иначе, что Иван украл кобылу. Выпытать у Ивана нашел исход. Дождался поста. И поп Ивана говеть гонит на первой неделе великого поста.

Когда Иван пришел к попу исповедоваться, то поп ему говорит:

— Иван, я тебе грехи прошаю и бог тебе грехи прошает, только ты скажи, хто у меня кобылу украл?

Иван, долго не думавши, сознался. Поп с умыслом говорит Ивану:

— Я тебе и этот грех прошшаю и бог тебе этот грех простит, но только в воскресенье приди в церковь в промеж утреней и обедней. Я прочитаю проповедь, а ты в то время подойди ко мне, стань сбоку меня и покайся в сем грехе перед всем народом.

А у попа были свидетели из суда подозваны, чтоб лучше было судиться с ним.

В воскресенье приходит Иван в церковь. Поп отслужил утренню, задерживает прихожан, не выходит из церкви. Читает проповедь. В ето время приходит Иван, становится с попом рядом.

Как поп кончил проповедь, Иван и говорит:

— Слушайте, господа прихожане, батюшка отчитал проповедь вам, а я буду каяться в грехах перед вами.

Вот раз мне батюшка говорит, что сколько есть рыжих детей в селе, то все мои (а поп был рыжий, а никого в селе рыжих больше не было).

Тут в церкви вышел скандал. Прихожане стали жаловаться, что я черный, другой говорит, что я русой, а у всех дети рыжие, значит, все поповы.

330. ЧОРТ И ПОМЕЩИК

В некотором царстве, в некотором государстве на земле жил-был помещик. Вот стал тот помещик беднеть. Что год пройдет, то у него все меньше и меньше капиталу остается. Вот однажды лежит он и думает—откуда бы денег взять, чтобы легко доставались, трудов поменьше да и денег побольше.

Услышал эти мысли чорт, молнией прилетел через трубу и залетел прямо на кровать помещику. Уселся у него на лбу, чтобы лучше было мысли читать.

Вот чорт и говорит помещику:

— Ты хочешь много денег?

Помещик испугался, да вспомнил, что с ним наверное сам господь разговаривает, и говорит:

— Да, хочу денег.

— Много тебе надо их?

— Чтобы такая куча была, чтоб я в нее залез и меня не видно было.

— Ладно, пусть так будет.

И как загогочет чорт, что у помещика мороз по коже пошел. А чорт все тише, тише смеется. А у помещика в ногах все больше и больше денег становилось. Чорта чуть-чуть слышно. А у помещика денег уже до самой шеи становилось. Вот возрадывался помещик, куда ни сунет руку, все здесь деньги. Вот чорт совсем замолк. А помещика совсем завалило деньгами.

Денег прибывает, а помещик все радывается. Да недолго так было. Чувствовал помещик, что деньги все сильнее и сильнее давят.

«Так он меня и совсем задавит!»—только подумал, а деньги так надавили, что помещик холодным потом облился.

Вот он тогда и давай раскидывать деньги. Кидает, кидает и никак не может раскидать; куда ни сунется, всюду деньги.

А чорт обратно как захохочет да и говорит:

— Что, потешился деньгами? захотел много, столько и получай!

— Ой, возьми ты их от меня!—заплакал помещик,—нисколько мне не надо больше!

— Нет уж, так и подыхай в деньгах,—сказал чорт и после того удалился.

А помещик кидался, кидался. Куда ни кинется, всюду деньги, да так и подох в деньгах.

331. ИСПОВЕДЬ

Поп

Скажи мне, свет,
Чем грешен ты?
Живем мы в мире суеты,
Отчет мне обо всем отдай,
Грехи пред богом не скрывай.

Грешник

Каюсь, батюшка, я грешник,
Молись ты богу за меня,
Кучу, за бабами гоняюсь,
Потом пью водки много я.

Поп

Грешен, мой свет,
Ведь ты женатый,
К тому ж имеешь и детей.
И чтоб не попасть в ад проклятый,
Молись ты сряду сорок дней.

Грешник

Молиться буду я усердно,
Молись и ты, поп, за меня.
Ты знаешь, я живу не бедно—
Муки, овса я дам тебе.

Услышав магические слова «муки, овса я дам тебе», поп встрепенулся.

Поп

Спасибо, что не забываешь,
Господь тебя благословит,
А что меня не оставляешь—
Господь тебя вознаградит.

Грешник

Спасибо, батюшка, прибавлю
Еще картошек мерок пять,
Да и жену свою заставлю
Тебе, что надо, работать.

Почуя возможность поживиться, поп поет:

Поп

А не уважишь ли, сыночек,
Ты мне коровушку свою?
А если есть теленок лишний,
То я грехи все замолю.

Перспектива потерять корову и теленка не улыбается грешнику.

Грешник

Но, видит бог, не пожалел бы
Я и корову для тебя,
Да... без родителей не смею,
Не отдубасили б меня.

«Проклятый грешник»,—думает поп. Корова, которая была почти в руках попа, недостижима. И он ревет:

Поп

Встань на колени, кайся снова,
Прощенья нет твоим грехам.
А коль корову не уважишь,
То я причастия не дам.

«Вот жадюга,—думает грешник,—придется отдать корову».

Грешник

Прости мои все прегрешенья,
Бери корову, бог с тобой,
Не откажи в благословеньи,
Меня причастья удостой.

Пауза.
Грешник вспоминает еще один свой грех.

Грешник

...Батюшка, еще моленье.
Один грех тяжкий совершил.

«Уж не в политике ли замешан,—думает поп.—Хорошо бы узнать и донести в жандармское управление».

Поп

А что, измена иль убийство?
Сознаться должен ты во всем!

Но грешник вспомнил совсем о другом. Он вспомнил, как поп когда-то украл у него козла.

Грешник

А помнишь, батюшка, как летом
Козла ты с хутора стащил.
Я проклинал тебя за это
И тем грех тяжкий совершил.

Но обвинения в воровстве поп стерпеть не может, и он кричит:

Поп

Встань на колени,
Кайся снова,
А нет—забью в колокола!
Не говори мне ни полслова,
Не смей мне пикать про козла!

Не пыль-то в поле поднимается,
То в Илимск священник отправляется.
Он поехал совсем пьяный,
В Шестакове с коня свалился.
Прибежали его слуги
Да и стали его стаскивати.
А в карманах-то поповских
Серебряные граненые стаканчики.
Он стаканчиками водку пил,
А во церкви он из них народ кропил.

333

Говорили крестьяне попам:
Вы духовны отцы, а мы слепцы и глупцы,
— Вы отдайте церковную землю всю нам.
Мы тогда не пойдем уж с поклонами к вам,
А посеем горошку, стручечки облупим,
А царство небесное мы воробьям да ангелам божьим уступим.

БУДЕМ НЫНЧЕ ВМЕСТО ХРАМА СТРОИТЬ ШКОЛЫ ДЛЯ РЕБЯТ

334

Весь свой век старик Осотин
Церковь крепко почитал,
Сделал рейс на самолете—
Верить в бога перестал.

335

Раньше в церковь все ходили —
Боженьки боялись.
А теперь пора другая:
С богом распрощались.

336

— Нам довольно, батя, хлама,—
Говорит попу Игнат,—
Будем нынче вместо храма
Строить школы для ребят.

337

Бога нет теперь у нас:
Мы в нем не нуждаемся.
Вместо бога на полях
Трактора катаются.

338

Ты не ври, не ври, попище,
Больше брюха не нажить:
Канул в вечность кулачище,
С богом также нам не быть.

339

Поп по улице идет
Без подачи, с фигою:
У попа отбили хлеб
Комсомольцы книгою.

340

Поп пришел домой не в духе,
Попадья ругается:
У попа в большом кармане
Гривенник валяется.

341

Не ругай меня, мамаша,
Больше в церковь не пойду.
Лучше времячко свободно
На ликбезе проведу.

342

Я от бога отреклась
И ничуть не сетую.
Точно так же и другим
Поступать советую.

343

На горе стоит береза,
На березе завитки.
Поп не жалует колхоза,
Только руки коротки.

344

Не пойду на богомол,
Я не богомолочка.
Запишусь я в комсомол,
Стану комсомолочка.

345

Запишуся я в колхоз,—
Нет другого мнения.
Сброшу с полки всех богов—
Это без сомнения.

346

Мы с миленочком вязали
Золотистые снопы.
Нам кадилом не махали
Долгогривые попы.

347

Говорит мне мамка строго:
— Почему не веришь в бога?
А я прямо ей в ответ:
— Потому что его нет.

348

Как в апреле снег затаял,
По утрам стоит туман.
Нам давно уж объявляли,
Что в религии дурман.

349

Сколько богу ни молился,
Во святые не попал,
По-стахановски работал,
Жить зажиточно я стал.

VII. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР

БУРЯТСКИЕ ЛЕГЕНДЫ, СКАЗКИ И ЗАГАДКИ

350. ЛЕГЕНДА О ЗАСЕЛЕНИИ ТУНКИНСКОЙ ДОЛИНЫ

Еще в далекое прошлое время нас, бурят, называли бурят-монголами. Мы являемся представителями монгольского племени.

Наши предки жили в Монголии, а там, в те времена, жил и княжествовал Галдан-Бушагто-хан.

Галдан-Бушагто-хан затеял войну с Сайн-ханом. Война была потрясающая и создала ужасный переполох в народе.

У некоторой части народа галданова княжества создалось мнение, что жизнь становится невозможной, а потому остается единственный выход—это перейти в другое ханство. Договорились немедленно уезжать с родной земли. Собрались откочевывать в западную сторону—через горы и по ущельям в страну запада, в страну спокойной и привольной жизни. Прилаживались в путь. А остающаяся часть населения—сородичи кочующих—возражают против откочевывания. Умоляют, убеждают, просят оставаться на родине и предвещают трудный, мучительный путь кочующим.

Обозленный народ не слушается и не разубеждается. Решение было окончательное и неизменное, и народ направляется в путь.

Перед отправкой в путь, огорченные, остающиеся на родине, завещают, что:

«Надумав противное, вы уезжаете;
Называйтесь же вы там бурятами.
Обдумав нехорошее, вы уезжаете;
Называйтесь же вы там харятами».

Выслушав завещание и распростившись с остающимися на своей земле, кочующие направились в далекий путь искать счастливой и спокойной жизни.

Медленно и уныло двигается караван верховых людей на низкорослых монгольских лошадях, оседланных засеребренными седлами и навьюченных тяжелыми грузами.

Путь был трудный и незнакомый. Непролазные горы, скалы и камни до крови сбивают копыта лошадей. Непроходимые леса, тальники и кустарники до лоскутков рвут одежду людей.

Едут денно и нощно, едут многие дни и ночи. Позади осталось несколько сотен верст монгольских степей и саянских гор. Искатели счастья и спокойствия перенесли на себе неимоверные тяжести и изнурения далекого пути. Они отчаянно преодолевали трудности передвижения, они вынуждены были преодолеть и голод.

Запас продуктов был использован. Занимались охотой, и этим с трудом добывали себе пищу. Недоедание стало постоянным спутником. Мучительные минуты жестоко их преследуют на всем пути следования.

Однажды путь перерезается текущей меж скалами рекой. Препятствие трудно преодолимое—река быстрая, бурная и беспощадная. Пройти обходом не было возможности—скалы и скалистые берега.

Надумали строить плоты. Сделали их и на них спустили в реку часть путников.

Суровая и быстрая река молча уносит плоты с людьми вниз по течению. Уносит далеко. Причалиться людям на другой берег не удается.

Какова судьба этих людей; живы они или мертвы—неизвестно. Следовать за ними по берегу реки крутые и скалистые берега не позволяют.

Оставшиеся люди устраивают собрание для обсуждения вопроса, как быть? Пришли к решению: необходимо обратно вернуться и пройти по другим, обходным путям. Так и сделали.

Едут, едут по новому пути. Едут, терпя беспредельные невзгоды и горести, которые чем дальше, тем сильнее и больше становятся.

В одно прекрасное время путники наткнулись на какой-то столб со знаками. Присмотрелись—пограничные знаки. Убедившись, что преступают на землю чужеземного хана, они продолжают свой путь по тропинкам, идущим от столба. Наконец прибыли в местность Мон, расположенную недалеко от столба. И здесь переплыли эту самую реку—Зандиса.

На той стороне реки они пошли вверх по течению с надеждою разыскать своих сородичей, поплывших на плотах. Через некоторое время увидали на пологих берегах реки разрушенные плоты, выброшенные волной на сухой берег. Людей не было, не было и следов их. Всякие надежды исчезли. Решили наверстать расстояние и скорее достичь заветной мечты.

После нескольких десятков дней езды, остановились на поселение в одном прекрасном месте. Это была просторная и многообещающая по своим богатствам (имелось в виду пастбище, водоем и место охоты) долина, округленная со всех сторон неприступными горами с белоснежными вершинами. Назвали эту местность Табилта (ныне село Тибельти, Тункинского аймака). Решили жить здесь и устраивать свою долгожданную, спокойную, привольную и счастливую жизнь.

На первых порах строили балаганы, накрывая их корой деревьев и травой. Занимались охотой, добывая этим пищу и теплую одежду.

Через несколько дней столкнулись с русскими, жившими здесь и являющимися хозяевами этой страны. Отсюда поняли, что живут на русской земле и должны, следовательно, стать подданными русского царя.

Услышали, что в Иркутске имеется русская канцелярия, а в Чите—русский генерал. Сговорились дать сообщение русскому генералу, что, дескать, прибыли из чужой земли на поселение и хотели бы принять ваше подданство.

Из Читы приехал русский чиновник принять их. Он поговорил с бурятами, как бы оформил подданство и учредил бурятскую инородческую управу.

На несколько лет, на время благоустройства, буряты были освобождены от ясачного сбора.

Через семь лет приезжает из Иркутска русский чиновник для взимания ясаков. Приезжает чиновник на трех карих лошадях, запряженных в четырехколесную тележку с желтомедной сбруей.

Боясь русского начальства, народ, оставляя все, что было заведено им, бросается в бегство и убегает в лес.

Не застав никого на местожительстве бурят, чиновник вынужден был вернуться обратно и передал местным русским, что приезжал собрать подать с бурятских людей, но почему-то к приезду они все убежали в лес.

Через некоторое время чиновник повторил свою поездку, и на этот раз буряты пустились в бегство. Так же было и на третий раз.

Буряты были обеспокоены своим положением. Тяжесть и бремя ясаков, налагаемых русскими чиновниками, были сильно чувствительны. Бедные наши буряты, бежавшие, не вынося тяжести гнета и частых войн, из одной страны, попали в другую—с еще более сильным гнетом и ясачным сбором.

В это тревожное и изнурительное время, один из бурят, хороший сказитель, пользовавшийся большим авторитетом в народе, предлагал сородичам свои услуги, якобы спасающие и предотвращающие их от налетов русских чиновников. Для этого он предлагал найти черного барана. Баран был найден. И он начал устраивать что-то вроде шаманского обряда, чего раньше у бурят не было—они до этого времени не знали шаманского верования, а были буддистами.

Заколов барана, сняли шкуру, оставляя при ней голову и ноги до коленного сустава. Надев снятую шкуру на конец только что срубленной березовой жерди, подняли над землею с некоторым уклоном к востоку. Баранья шкура с ногами и головой с рогами принимала вид как бы цельного барана, всаженного на конец жерди. Очищенные от мяса кости сложили на костер, а мясо сварили и перед тем, как начали есть мясо, бурят, занявший положение шамана, взял в правую руку лучший кусочек мяса и чашку арыка (бурятская национальная молочная пища) и стал шаманить.

После этого на долгое время русское начальство не появилось в улус и не беспокоило их.

Разумеется, народ приписывал это камланию шамана и был очень доволен этим «всесильным человеком», спасающим сородичей от горькой участи, которая могла быть от посещения русского начальства.

Спустя некоторое время, буряты сами решили представиться русскому начальству. Со специальным проводником послали в Иркутск—в Иркутскую канцелярию—своего представителя для переговоров.

Был переговор об оставлении этих бурят на жительство и об аккуратной уплате обязательных ясаков. Таким образом уладились отношения с русскими.

После этого буряты, подражая русским, занялись понемногу земледелием—обрабатывали земли и засевали разные зерновые злаки, устраивали восьмиугольные срубы—юрты из лучших лиственниц.

Этим укрепилось их постоянное местожительство в данной местности.

Ныне имеем их потомков—бурят Хингодоровского рода Тункинского и Аларского аймаков.

351. БЕЗНОСОВКА (ПРЕДАНИЕ БАЛАГАНСКИХ БУРЯТ)

В далеком прошлом экинатцы обитали в районе Жигаловского тракта. Их тогда было больше, чем сейчас. Среди них было много силачей, хороших стрелков из лука. А также были прекрасные проводники по дремучей тайге. Жили они богато, ни в чем не нуждались. Зверей было вдоволь. Не знали ни горя, ни печали. И вот, в это время случилось большое несчастье. Один из экинатцев во время охоты был пойман русскими казаками, которые увели экинатца в свой стан.

Обеспокоенные странным исчезновением своего соплеменника, экинатцы устроили в тайге облаву—поиски потерявшегося человека. После довольно продолжительных поисков экинатцы обнаружили стан казаков, где нашли своего соплеменника и еще одного казака—русского. Остальные казаки, очевидно, успели удрать. С пленным казаком экинатцы расправились по-своему. Казаку отрезали нос. Тем временем остальные казаки приблизились к месторасположению экинатцев. Экинатцы покидают свои жилья и заселяются в гущу бурятского населения в Нельхай.

На Жигаловском тракте есть деревня Безносовка. Основал ее тот самый казак, которому отрезали нос, и потому деревня называется Безносовкой.

352. СУХОР-НОЕН

Это было давным-давно.

В просторной и привольной Тункинской долине, в местности Тори, жил бурятский потомок Бальма. Он не имел той силы, которой наделяет природа богатырей, он не был так богат, чтобы жить в довольствии.

Да, он был беден и слаб. Но зато он был счастлив одним: имел красивую, горячо любимую жену и семилетнего сына от нее.

Однако не суждено было Бальме наслаждаться своим счастьем, не суждено было ему обогревать себя лучами красоты своей жены.

Однажды в их улус приезжает из далекой Монголии всюду известный и всемогущий Сухор-ноен.

Блеск красивой жены Бальмы обращает на себя его внимание. Сильно тронуто было горячее сердце Сухора ее красотою. Он влюбился, а любовь—вещь серьезная. Сухор никак не мог мириться с тем, что Бальма—этот слабый и бедный бурят имеет такую, на редкость, красивую жену, а он богатый, сильный, да к тому еще ноен не имеет красивой и любимой жены.

Она непременно должна быть моей—таково было решение Сухора. А как это сделать—об этом он не беспокоился. Если его богатства и положение не приманят ее, то ему ничего не стоило бы силой увезти чужую жену. Так он и сделал. Не задумываясь много, насильно похищает и увозит он ее в далекую Монголию.

Бедному Бальме и делать было нечего—не было сил сопротивляться могущественному Сухору. С горестью сжимая свое сердце, остался он жить и растить малого сына.

Сын! Было хоть на кого смотреть и успокоить обиженную душу.

Год за годами проходит. Время быстро течет, как ангарская вода.

Подрос, лишенный матери, сын Бальмы. Ведь не суждено же малому быть всегда малым—растет, как весенние деревья. Глубоко в сердце его таилась родная мать. Всегда перед его глазами мерещилась она; ее милый и прекрасный образ жаждал он видеть. После долгого раздумья он решил просить у отца позволения съездить к матери, понавещать ее.

Отец наотрез отказал в просьбе и предупредил его, что если поедешь, то Сухор убьет тебя, как собаку. Он беспощаден и грозен, убить тебя—ему ничего не стоит.

Сын все-таки не послушал отца; на худенькой, седой кляче помчался он в Монголию. Много дней ехал до сухорова владения. Ведь на такой кляче быстро и далеко не уедешь.

В одной, обильной травой, долине паслись богатые стада овец и виднелась согнувшаяся фигура пастуха. К нему и поскакал, чтобы точнее разузнать местопребывание Сухора. Приблизившись, он видит: пастух—женщина и к тому же старая, бледная и неприглядная. В ней он никак не мог бы признать свою мать, если не выпал бы такой случай.

— Откуда ты, молодой человек, и по какой надобности скачешь,—первым подала голос старушка-пастух.

— Я сын бедного Бальмы из местности Тори!

Пошатнулась старушка, взор ее пронзительно устремился на сына.

— Еду к Сухор-ноену повидаться со своей родной матерью.

— Ах, боже мой!—воскликнула старушка, глаза ее засверкали огнем.

— Ее при моем малолетстве отбил у моего отца и увез Сухор-ноен к себе,—четким голосом пояснил ездок.

— Да ведь ты мой сын! Мой родной сын! Я твоя родная мать. Я была женой Бальмы и была увезена Сухором,—со слезами восклицала старушка-пастух и бросилась к сидящему на коне сыну, чуть не столкнув дряхлую клячу.

Горячо обнялись мать и сын. Расспрашивают друг друга о жизни. Какая была радость, какие были слезы радостные—неописуемые. Ведь, только стоит подумать, сколько лет они не видались, какая подлая судьба их разлучила, чтобы судить и оценить ту радость и те слезы, какие охватили их.

— Почему же, мамаша, Сухор сделал из тебя пастуха,—спросил сын, пораженный судьбой матери.

— О, дорогой мой! Я была красива, я была хороша, и тогда ему нужна была. Времена прошли, и я отцвела, как весенний ранний цветок. У Сухора сейчас молодые и красивые жены,—с чувством глубокой досады ответила мать.

Она поймала из стада овец самого жирного барана и заколола на мясо. Разложив на землю бараньи шашлыки, зажаренные на костре, дыша свежим воздухом привольной степи и лаская друг друга, пируют мать и сын.

— Где же находится табун лошадей Сухора?—спрашивает сын, оглядывая окрестности.

— В подножии Арсы-горы, что находится южнее Мунко,—ответила мать, протягивая руку на юго-западную сторону.

— Далеко ли это?—спросил сын.

— При хорошей езде за день можно доехать,—ответила мать.

— Ну, вот, мать родная,—хватая ее за талию, сказал ездок.—Завтра к утру пригоню я стадо лошадей, ты должна быть на этом самом месте. Затем мы на хороших лошадях поедем домой, на родину, к отцу,—сказал сын.

Мать одобрительно кивнула головой. Только бы скорее, только бы скорее!

На той же самой кляче помчался обрадованный сын Бальмы. Наскочил на табун. Оставил своего коня, оседлал хорошего и погнал часть табуна в установленное место.

Мать наготове встретила его. Сели на коней и помчались, как вихрь в степи, гоня перед собой несколько десятков лошадей. Домой! Домой! О, какое счастье!

Увы, им грозила опасность.

Сухор-ноен, узнав о происшествии, пустился в погоню. Погоня была сильная и грозная. Она приближалась, и было ясно, что она настигает их. Гулевые лошади—сырые, не устоят они против заправленных, наезженных лошадей.

В этот трудный и безвыходный момент сын Бальмы пошел на хитрость: заколов одного коня, печенкой его облепил он глаза матери, притворил ее хромой и безрукой и строго наказал ей:

— Вот-вот наскочит погоня Сухора, и ты, умеючи притворяясь безглазой, безрукой и хромой, скажи Сухору:

«Какой-то неблагодарный напал на меня и насильно увез, но, опасаясь твоей погони, избил и искалечил меня. Поехал вот в ту сторону»,—он показал рукой на ущелья гор.

— Смотри, только виду не подавай.

Сказав это, он укрылся в горах.

Как буран, принеслась сухорова погоня. Грозна и беспощадна была она. Испуганная мать, силою овладев собой, рассказала Сухору так, как об этом наказывал сын.

Рассвирепевший Сухор решил продолжать погоню и покончить с озорником. Поверив в слова уже изменившей ему жены, поехал он по указанному направлению, а оно-то было измышленное, чтобы сбить его с правильного пути.

Как только погоня скрылась за горами, смекалистый молодой человек, без трудов обернувший Сухора вокруг пальца, посадил на коня мамашу и поехал дальше по свободной от опасности дороге домой...

Обманутый Сухор сбился с пути, и начал блуждать по горным цепям, окутанным тайгою. Вышли припасы продуктов и наступил мучительный голод. Он перерезал много торных хребтов и долин, перебродил много болот и горных речек. И наконец вышел к Ангаре. Отдыхая на берегу Ангары, он заметил плывущие вниз по Ангаре свежие щепки и заключил, что где-то в верховьях Ангары должны быть жители. Туда и направился.

Вскоре он увидел маленький домик с дымящейся трубой, расположенный на правом берегу. Сухор остановился напротив этого домика и стал просить старика, сидевшего на берегу около домика.

— Старик, старик! Будь настолько добрым, подай мне лодку. Я мученик-блуждающий. Я голодный. Прошу у тебя спасения,—сказал Сухор.

Старик, сидевший на берегу, был Нашкаван (старик Хамхалан). Он был старый и бедный и не имел потомков. Он заботился лишь о том, как прокормить себя ловлей рыбы, и ловил петлей диких коз.

— Нет мне силы-времени подать тебе лодку,—сказал Хамхалан-старик. Он занялся своим делом и не обращал больше внимания на Сухора.

Сухор рассвирепел и угрожал ему расправой, но старик, огражденный могучей Ангарой, спокойно посиживал, занимаясь своим делом и не подавая лодку.

Время было летнее. Ангара текла бурным потоком.

Изнемогший Сухор начал проявлять свою могущественно-сверхъестественную силу. Он создал настолько сильный холод, что не только стала Ангара, но треснули даже рога быков. Тогда он свободно прошел по свежему белому льду. Беспощадно стал расправляться он с бедным стариком. Подойдя к нему, стреляет из лука,—стрела не берет, гнется и ломается. Берет топор и рубит, но и топор не берет. Никакими путями Сухор не мог убить старика, только измучил его.

— Почему ты меня безвинного мучишь, к чему это?—сказал измученный старик.—Видимо ты окончательно решил покончить меня? Так вот, сходи к моему

соседу, у него недавно жена родила. Принеси подстилку, на которой родила она, и затем ею прикрой мою голову. Только тогда ты убьешь меня, вернее—я сам умру.

Сухор сходил и принес подстилку роженицы. Он накрыл ею голову старика. Только тогда старик тихо и спокойно умер.

Вдруг, в один миг, умерший старик превратился в рыбу и проскочил в Ангару.

Сухор поразился таинственным свойством старика, но делать было ему нечего, он не в состоянии был что-либо сделать и предпочел лучше направиться домой. Пошел вверх по Ангаре, а старик-рыба также плыл по Ангаре за ним. Сухор завернул по Иркуту—по притоку Ангары, старик продолжал следовать за ним.

Старик-рыба пожаловался ноену, что погиб мучительною смертью от злодейской руки Сухора, также об этом сообщил в местности Херен (Кырен) старику Хермегшену, в Тори—Шарагай-ноену. Сделав эти сообщения своим сородичам, старик-рыба повернул и поплыл обратно.

Старик Хермегшен, заранее предупрежденный пострадавшим стариком Хамхаланом, решил вступиться за своего сородича.

Когда Сухор приблизился к нему, старик Хермегшен из засады стрелил из лука, а тот в ответ в Хермегшена. Раненый старик увидел, что ему не устоять против Сухора и обратился в бегство. Шарагай донес ноену, что Сухор-ноен чужеземец убил старика Хамхалана и тяжело ранил его—Шарагая. Он просил расправиться с Сухором.

Шарагай-ноен преспокойно сказал:

— Ничего, справимся с ним! Хотя Сухор был добрым мужем, но рассчитаться с ним нужно. И сделаем это так: пусть он доедет близко к дому и там его убьем, дав ему последний раз взглянуть на свой родной дом и на свою родную землю.

Сухор, не чувствуя никакой опасности, продолжал свой путь. Подъехал близко к дому, остался только один последний перевал, на котором он и сделал остановку. Сварил чай. Сидя за чаем, не заметил приближающихся по его следам двух наездников. Они остановились на некотором расстоянии от Сухора. Сухор видит, как один из них, отрубив голову другому и привязав ее к седлу, поскакал обратно.

Сухор, увидев это, с отчаянием соскочил с места и, схватив себя за голову, закричал:

— Вот он отрубил мою голову и увез!—Я уже убит! Я уже побежден! Давайте же скорее домой, как бы не умереть мне в дороге.

Ужас охватил его, он кричал во все горло.

Быстро собрались люди и поехали к стойбищу Сухора.

Вот он подъезжает к дому. Навстречу вышла вся его свита, встречать его после длительного похода. Но не успел он промолвить хоть одно слово, покачнулся и упал с коня уже мертвым. Конь шагнул два шага и его постигла та же судьба, как и его хозяина.

353. УРАЛ-ТАНГАРОК — ОСТРОУМНЫЙ

В теплом крае царствовал хан Тангут, была у него дочка-красавица. Сватали ее со всего царства ханы, а среди них—Урал-остроумец. Они собрались в один день сватать дочку, соперничали друг с другом.

Тангутский хан, отец красавицы, говорит:

— У меня нет многих дочерей, а вас много. Обижать вас я не собираюсь. Если хотите взять мою дочь, то кто из вас сильнее, тот возьмет.

Приготовил особое помещение, дал им палку—крашеную, с четырьмя зубами, и сказал:

— Кто угадает, где острие этой палки, тот возьмет мою дочь.

Все смотрели, да не могли угадать. Когда дошла очередь до Урал-Тангарока, он взял палку, спустил ее в воду. Он знал, как должна лежать палка в воде, потому что острым концом она всегда кверху плавала. Он и отгадал.

Привели двух змей. Надо отгадать, которая из них мужская, которая женская. Все смотрели, но не отгадали. Последняя очередь Урал-Тангарока. Взял он вату, из нее приготовил гнездо. Если женская змея, непременно должна лечь, потому что она любит теплое мягкое гнездо.

Приносят 100 куриц с цыплятами. Необходимо узнать каждую наседку. Вот все смотрят, очередь подходит к последнему Урал-Тангароку. Он взял зерна, да посыпал. Каждая наседка своих цыплят накудахтала.

Таким образом три задачки, данные царем, отгадал один Урал-Тангарок (остроумец).

Тангутский хан собрал всех гостей—поклонников своей дочери, устроил пир на весь мир.

Урал-Тангарок явился последним, отметив свой путь, наставив кольев. Ночь была темная, шел сильный дождь. Царь напоил всех допьяна и задал задачу:

— Кто из вас найдет свой дом, тот получит вознаграждение—мою дочь.

Все ханы, за исключением Урал-Тангарока, заблудились, ночевали в поле. Урал-Тангарок со своим товарищем пришел домой по приметам, по кольям.

— Через три дня приходите сюда, будет стоять большое помещение, в этом помещении будет находиться много девушек-красавиц, среди них вы должны узнать красавицу-царевну,—сказал хан Тангут.

Урал-Тангарок обращается к домохозяйке:

— Помогите мне узнать красавицу-царевну.

Но хозяйка дома отказывается:

— У нас есть женщина-ворожейка, а законы нашего царства очень строгие, коли узнают, что я сказала, то я отвечаю головой.

Урал-Тангарок, тогда говорит ей:

— Ты, красавица-хозяйка, должна мне помочь, а мы найдем такой способ, что ворожейка не узнает, кто говорил.

Урал-Тангарок дал приказ своим рабочим—выкопать глубокую яму, закрыть ее сверху, подставить подставку, а на нее котел с водой и закрыть крышкой.

Поставил железную подставку, на ней котел, в котел налили молока. Урал-Тангарок хозяйку дома спустил в яму, провел туда медную трубу.

Она через трубу сказала ему:

— Царевна-красавица имеет пятно на лбу, имеет приятный запах, пчела летает вокруг нее.

Через три дня пришли все ханы-женихи в дом, где находились триста девиц. Последним прибыл Урал-Тангарок. Все ханы выбрали по одной девице, каждый считал, что избранная им девица—царевна. Урал-Тангарок заходит и ищет среди них царевну. Она стояла последняя. Урал-Тангарок вытягивает ее не рукой, а стрелой своего лука.

Тангутский хан, наконец, говорит:

— Вы все выбрали по одной, но никто из вас не узнал царевну. Давайте, друзья, отправляйтесь домой, а царевну возьмет Урал-Тангарок.

Все разъехались по домам с избранными девицами.

Урал-Тангарок свою царевну отправил с товарищами, так как Тангутский хан задержал Урал-Тангарока, узнать, каким образом он отгадал.

Урал-Тангарок сказался больным, взял конское мясо, сгноил его и положил под пазухой; мясо кошки сгноил, положил под левой пазухой. К нему невозможно было подступиться: вонь шла очень сильная.

Тангутский хан забеспокоился.

«Что же будет, если не вылечить его?»

Призывает лекаря. Лекарь не может заходить в спальню больного: такой шел от него запах. Он стал проверять с улицы. Требует пульс. Тангарок подает лапу, привязанную за нитку для проверки пульса.

Лекарь говорит:

— Пульс нащупывается звериный.

Рассердился хан, посылает другого, хорошего лекаря, но и он не мог приступить к больному, потому что был запах. Он провел в окно красную нитку, а Урал-Тангарок вместо своей руки подает ему куриную лапу.

Тогда лекарь сказал:

— Пульс нащупывается птичий.

— Что ты говоришь, дурак!—ответил хан.

Приводят самого главного лекаря. Он заходит туда, где лежал Урал-Тангарок. Осмотрел его и сказал, что он совсем здоровый, но у него есть только одна большая печаль.

Хан ответил:

— Человек болен столько время, а вы говорите, что он здоровый.—И, обращаясь к Тангароку, спросил:

— Как быть с тобой, что тебе нужно?

Урал-Тангарок ответил:

— Если я пойду, освежусь на высокой скале, то буду совсем здоров.

Хан согласился с ним. Тангарок взял с собою много вина. В течение трех дней гулял он на вершине скалы с караульными. Они все опьянели, а Урал-Тангарок устроил бегство. Охранники вернулись к хану одни. Хан Тангутский рассердился на своих охранников и пересадил их в тюрьму. Он решил узнать через своих ворожеек, каким образом узнал Тангарок его дочь.

Ворожейка стала отгадывать и сказала:

— Где-то далеко есть молочное море, там находятся три железные скалы, а под ними водяное море, за морем находятся три каменные скалы, а под ними степь, на степи чертовка с медными зубами.

Еще сильнее рассердился хан:

— Что вы, ведьмы-ворожейки, говорите чепуху.

Приказал хан выбросить ворожеек в воду.

Все бумаги ворожеек были выброшены в траву, а там паслись овцы и съели бумаги ворожеек. Одна ворожейка осталась в живых, взяла она лопатку овцы и стала ворожить—узнавать, где находится Урал-Тангарок.

Оказалось, что догнал он своих товарищей, а царевну предоставил царевичу Гул Аранца хану и получил за это большую награду.

354. ДВА БРАТА

В одном царстве была большая река. Она вытекала из моря. В ней была большая рыба—хозяин реки. Каждый год ей приносили жертву.

Как-то раз население этого царства не принесло жертвы. Рыба осердилась и решила напомнить о себе.

Поднялась в исток реки, стала поперек течения и загородила всю реку.

Наступила засуха, везде пересохло: трава пожелтела, животные начали дохнуть, люди стали от жажды умирать. Наступило тяжелое время.

Сокто-хан собрал весь свой народ. Тут им старуха напомнила о том, что нужно принести жертву хозяину реки.

Решил народ держать жребий: кого принести в жертву. Жребий выпал на царского сына.

Хану, конечно, жалко было сына, и решил он заменить своего сына сыном бедной вдовушки, у которой было два сына. Он издал указ взять старшего сына и отправить на берег моря.

Вот сын бедняка собирается в путь-дороженьку.

Младший брат говорит ему:

— Мне тебя жаль, брат, я пойду с тобой.

Пошли они вместе. Идут по дороге, идут долго, видят избушку. Наконец-то доходят до этой избушки. Выходит к ним старушка и говорит:

— Откуда, добрые молодцы?—куда направились?

Старший брат все рассказал и просит старуху накормить, напоить, уложить их на сон грядущий.

Старушка накормила, напоила, уложила спать, а к утру наложила полную котомку провизии, да еще волшебную чашку.

Они направились на путь-дороженьку. Шли целых четыре дня, на пятый встречают четырех дерущихся молодцов.

Двое братьев подходят к ним и спрашивают, почему они дерутся, из-за чего ссорятся?

Те отвечают:

— Умер у нас отец, после себя оставил состояние, во-первых, шапку-невидимку, во-вторых, лисью шубу и унты, но нас четверо, не можем разделить, вот и деремся.

— Помогите нам, добрые молодцы,—промолвил один из них.

Тогда старший брат, долго не думая, говорит им:

— Если кто из вас опередит в бегах, тот завладеет отцовским добром.

Они пустились в бега, а в это время старший и младший брат оделись да пошли дальше по своей дороге.

Доходят до берега моря, остановились, сели поговорить.

Старший брат говорит младшему:

— Возьми веревку, привяжи меня за крепкий дуб, а сам одень шапку-невидимку и следи, как рыба будет глотать меня; когда меня вглотнет живьем, я изнутри начну топором рубить и изрублю рыбу, тогда меня за веревку оттянешь, на берег и вытянешь.

Через некоторое время показывается рыба. Младший брат оделся в свой костюм так, что никто его не видит, а старшего привязал за крепкий дуб да следил, как рыба брата его с топором проглатывала.

Брат внутри стал рубить топором, рыба кидалась туда и сюда, но ничего не могла сделать, потому что он был привязан за дуб.

Так он справился с рыбой, а потом брат вытащил его на берег.

Поцеловались, полюбовались, рады, что они оба остались живы, да убили рыбу, да напоили водой всю природу и животных и людей своего царства.

Теперь стали советоваться, куда им пойти. Решили, наконец, не возвращаться на родину. Пошли они в чужое царство.

Шли целую неделю, наконец, доходят до другого царства. Видят там все мрачны и темны. Стали спрашивать, в чем тут дело? Им ответили, что подряд несколько лет выбирают царя, но все цари умирают.

Два брата подумали, посоветовались, да решили оказать им помощь.

В это время у них был большой хуралдан, выбирали царя. Добрые молодцы держали речь, сказали, что все равно умрет новый царь, а нужно выбирать такого царя, который не умрет. Узнать такого человека можно вот как:

Когда придет такой человек к дацану, то позвонят колокола сами, свечи зажгутся сами; вот его и нужно выбрать, он будет жить.

Так и сделали. Все пошли к дацану, но колокола не звенели, свечи не зажигались, а когда пошел старший брат, то младший брат в невидимке позвонил колоколом и зажег свечи.

Все в удивлении и радости стали просить его царствовать, принять трон.

Он согласился. Осмотрел, ознакомился и решил жениться на вдовушке-царице. Живет уже около года.

В один прекрасный день жена просится ехать верхом, кататься на свежем воздухе да по чистому полю.

Оседлали ей коня, а с ней незаметно братец-невидимка. Вот она скачет по чистому полю, наконец, заезжает в густой лес, а там пещера. Навстречу ей выходит черный высокий лесной человек, приглашает ее к себе; она заходит к нему, он ее угощает.

Отдохнувши до вечера, она собирается домой, а невидимка с ней. Она назначает высокому лесному человеку свидание с ним на третий день. Доезжают они до полдороги. Братец слезает с лошади, вперед приходит к брату, да все и рассказал.

Наступает третий день. Она отпрашивается гулять.

Вот она скачет до места, где ее встречает тот же черный человек, и опять он приглашает ее к себе.

Отдохнула. Он ее угостил. Собирается она к вечеру домой, а невидимка все за ней следит.

Уславливается этот лесной черный человек приехать к ней перед закатом солнца.

— Превращусь в орла и сяду на столбе, где привязывают коней, а в это время ты крикни мужу, чтобы он взглянул на меня, открой дверь. Я в это время вырву у него из-под левой пазухи сердце и улечу. Тогда он умрет через три дня.

Так она и уехала домой. С полдороги брат-невидимка прибегает вперед к брату, говорит ему то, что слышал. Все сказал подробно. Условились они с братом, что он, одевшись невидимкой, ляжет около столба со стрелой, а когда прилетит орел и сядет, застрелит его из лука прямо в сердце. А старший брат скажет: «Не пойду, я много видал орлов».

Вот наступил третий день. Перед закатом солнца прилетел и садится орел на столб, кричит. Прибегает жена и говорит мужу:

— Посмотри, какой хороший орел, посмотри, милый!

Послал он ее к чорту.

Младший брат в это время из лука выстрелил прямо в сердце орлу. Полетел орел, покружился на воздухе, да и упал прямо в юрту через отверстие, а брат в это время взял топор, изрубил его и выбросил на улицу.

БУРЯТСКИЕ ЗАГАДКИ

355

Большой бык имеет девяносто ребер. (Короб).

356

В хлеве два копыта. (Скотская почка).

357

Встав, сел верхом на серого коня. (Порог).

358

На тоненькой ниточке подряд стоят 80 птиц. (Корольки).

359

На кошме пуговица. (Пуп).

360

На горе кривые унты. (Уши).

361

Северные девчата имеют косу белую. (Козули).

362

Чудесная тайга с множеством леса, множество птиц на каждой вершине. (Пшено).

363

Старая корова лежа жирела. (Зола).

364

Десятью пальцами плеснул, в широкую яму свалил. (Хлеб стряпать).

365

Заболела голова маленького сына, послали за врачом, прибыл врач—вылечил. (Крючок для чистки трубки).

366

Без швов сшитая одежда. (Катанки).

367

У окна ночевал заяц. (Иней).

368

Красный бурунчик с водяным животом. (Земляника).

369

Черный бурунчик с костяным животом. (Черемуха).

370

У двух солдат на спине лицо. (Ноги).

371

Не имеет рта, но любит вкусную пищу. (Бумага).

372

Ниже собаки, выше коня. (Седло).

373

Красный бурунчик с белым ошейником. (Сердце).

374

Большой вол с большим ртом. (Дом).

375

Не мог перешагнуть золотой порог. (Змея).

376

Ниже тебя, но больше тебя имею голос. (Ружье).

377

В конце бича—мясо. (Червяк для удочки).

378

За березовой оградой крючковатый, рыжий. (Язык).

379

С тремя ногами, с тридцатью глазами, имеет доверие среди массы. (Весы).

380

Пропащий козел проходил вдоль улицы. (Доха).

381

Летом с овсом, зимой без овса. (Черемуха).

382

Каряя лошадь скачет, скачет, но мало прошла. (Письмо чернилами).

383

Под берегом серый жук. (Налим).

384

Рыжая, но не лошадь, с рогами, но не корова, с крыльями, но не птица. (Таракан).

385

Не дерево, но с листьями, не человек, но со словами, не шуба, но со швом. (Книга).

386

В большой избе маленькая изба, в ней девка. (Ботинки, чулки, ноги).

387

Родилась от маменьки, к маменьке вернулась и умерла. (Соль).

ЭВЕНКИЙСКИЕ СКАЗКИ И ЛЕГЕНДЫ

388. ЛЯВДЖЯК

«Лявджяк»—это маленькая речка, по-русски это будет «добыли» (убили). В давние годы здесь случилось одно дело, сейчас я про это тебе расскажу.

Прежде здесь стояло богатое эвенкийское стойбище. Люди жили хорошо. Сохатого было много, белки—еще того больше. Ели досыта, одевались тепло. Жили спокойно. Но где-то в далях жили еще другие эвенки—разбойники. Они только и знали одно дело—грабить смирных людей. Вот один раз, когда на этом стойбище все люди были дома, и только два охотника—молодых парня—ушли на озера ловить рыбу, в одну темную ночь, перед самым рассветом подошли к стойбищу разбойники, подкрались так тихо, что даже и собаки их не слыхали. Вот подкрались они к самым юртам, да как бросятся сразу и давай крошить кого попало. Соскочили сонные люди, бросаются в разные стороны, кричат, шумят; да куда тут денешься?

Всех мужиков перебили разбойники, а баб и ребятишек и все добро с собой взяли. А подальше, под горкой, жил один старичок, у него отдельно юрта стояла. Как услышал он шум, проснулся и выскочил из юрты; а он, надо быть, маленько глухой был. Показалось ему, что на стойбище гуляют, песни поют, он и стал туда кричать:

— Эй, чего вы там орете, неужели еще не нагулялись? Только спать людям мешаете.

Услыхали его разбойники, прибежали и прикончили старичка.

Вот забрали все разбойники и пошли обратно.

А те двое, которые уходили на озера, ничего не знают. На другой день утром идут спокойно домой. Подходят к юртам. Что же это такое? Ни дыму нет, ни собаки не лают, ни люди не бормочут. Вышли из лесу к юртам, смотрят: все разграблено, кругом лежат мертвые товарищи, все в крови, ни один не шевелится.

Перепугались охотники. Что же это случилось? Кто же их перебил? Слышат, а под горкой человек стонет; пошли туда, там старичок лежит; его разбойники не вовсе убили, а только изранили. Старик и успел рассказать охотникам, как было дело, а потом и сам умер.

А парни эти были бойкие, охотники хорошие и люди смелые, молодые.

«Ну, так что же»,—говорят между собой,—«неужели так это дело оставим?»

И вот пошли следить. Живо догнали разбойников. Приблизились, крадучись, видят: разбойников много и идут они осторожно. Когда на ночь останавливаются, всегда караул сзади ставят.

Подумали, подумали охотники:

«Надо как-нибудь перехитрить разбойников». Вот и пошли сзади потихоньку и все выбирают подходящий случай, и так несколько дней прошли. И вот раз случился ясный, хороший день, подошел вечер. Разбойники стали вставать на ночлег. Остановились подле речки на яру, в сосновом лесу. Поставили, как всегда, сзади караульных, перевязали пленных женщин и улеглись спать. Охотники видят, место удобное, можно ловко обойти—и ночью потихоньку обошли кругом табора и зашли спереди, где караула не было. И вот теперь давай, крадучись, подползать к самым разбойникам, так тихо ползут в темноте, что сами себя не слышат.

Вот подползли ближе да как сразу соскочат, да как заорут сколько силы было и давай рубить, давай резать.

Разбойники соскочили, ничего понять не могут, думают, что на них много людей напало, и стали бегать в разные стороны; а охотники их догоняют и убивают, да так одного за другим всех и прикончили. Караульные услыхали крик, прибежали сюда, но их тоже закололи. Ни одного живого человека не осталось. И когда всех покончили, развязали своих женщин и ребят, собрали все добро, навьючили на оленей и вернулись назад.

А речку эту с того времени и назвали «Лявджяк».

389. ЖЕНА-ЛЯГУШКА

Один человек женился на лягушке и стал с ней жить. Сперва-то ладно жили, а потом надоела человеку лягушка, и захотел он жениться на бабе. Вот и стал он думать, как лягушку извести. Пришел раз домой с охоты и говорит ей:

— Я добыл сохатого, он там в лесу лежит. Ты возьми оленей, поезжай, сними шкуру, разруби мясо и привези домой. Да за день-то ты не управишься, там же ночевать придется. Ты разведи огонь из корья, от него шибко жарко будет, а вот тебе чикалка (огниво) и трут огонь зажигать. С вечера-то ты зажгешь огонь, а на ночь чикалку и трут в сохатиную кровь положи, они лучше будут.

Поехала лягушка, нашла сохатого, освежевала, изготовила, а тут и ночь подошла. Вот набрала она корья и разожгла огонь, как муж учил, а чикалку и трут в кровь положила.

Корье ярко загорелось. Греется лягушка, радуется и хвалит мужа: «Ай, добрый муж, хорошо мне посоветовал, вишь, как жарко горит». Легла спать. А корье хоть и жарко горело, да скоро все сгорело, ничего не осталось. Проснулась от холода лягушка.

Погас огонь. Надо новый разводить. Стала брать чикалку, а она замерзла в крови, кое-как ножом выколупала. Стала огонь добывать. Бьет кремень о железо, нет огня. Сидит лягушка. Замерзла, вся трясется, колотит чикалкой и еще поет:

«Чикалка, чикалка, дай огня». Не дает чикалка огня. Так бедная и околела здесь.

390. ДЖАПКУН ДЖАВДАКА

Был раньше один парень по имени Тунгуча. Он, когда шел на лыжах, то мог одной ногой восемь (джапкун) джавдака делать. Шибко скоро он бегал. Так и звали его «Джапкун Джавдака». И в ближних стойбищах никто с ним на лыжах равняться не мог. Но в далях были таки удалые парни.

Услыхали они, что Тунгучу народ сильно хвалит и стали говорить: «И мы не хуже его бегать можем». Вот и собрались с разных стойбищ к Тунгуче четыре человека и стали его звать, чтобы силы попробовать на лыжах.

Тунгуча согласился, и сговорились они, чтобы итти и гнать по насту сохатого. Утром рано встали все пять человек и пошли в лес с собаками. Скоро нашли след. Большой бык прошел. Пустили собак по следу и бросились сами бежать на лыжах друг за другом.

Вперед пустили одного парня по имени Нерогджа. Тот всего с версту пробежал и сразу же пристал, отошел в сторону. Товарищи смеются над ним: «Ну, куда он лезет, сидел бы лучше дома».

Бросили его и бегут дальше. Другой парень вперед выскочил. Этот подальше бежал, но потом и он силу потерял и отошел в сторону. Тогда побежал вперед Джапкун Джавдака и так хлестко он побежал, что только снег за ним закрутился.

Четвертый парень сразу отстал, но пятый, самый молодой из них, был он смирный, совсем не хвастался, его и незаметно было, а тут как взялся бежать. Смотрит Джапкун Джавдака, а парень бежит сзади и нисколько не отстал. Дальше, больше и давай этот парень переду забирать. Вот и обогнал он Джапкун Джавдака и пошел вперед, а потом и из вида пропал.

Но только, когда спускался с горы парень, сломалась у него лыжа. Бросил он ее и пошел на одной лыже и все-таки такие скачки делал, что смотреть страшно. Так он пробежал еще сколько-то верст.

Смотрит: дерево грозой разбитое. Схватил пальму и давай лыжу ладить. Пока ладил, товарищи его догнали и вперед ушли. Но вот наладил лыжу, надел ее и побежал дальше. Видит, товарищи по следу круг делают, тогда он взял напрямик и пошел бежать, пошел бежать.

Слышит: далеко собаки лают, остановили сохатого. Он прямо на лай бросился. Подбежал. Стоит сохатый, от собак отбивается, а те его окружили, ходу не дают. Схватил парень лук, выстрелил и убил сохатого. Ладно. Снял шкуру, разделил мясо и стал отдыхать, чай варить. Сварил чаю, напился, как следует.

Смотрит: вон и товарищи бегут. Впереди всех Джапкун Джавдака, а за ним вдали и другие тащатся. Собрались все вместе и признали этого парня самым удалым на лыжах бегать.

391. ДВА БРАТА И РАЗБОЙНИКИ

Жили в давние времена на Непе два брата—эвенка. Они были хорошие и удалые охотники. Женились они, но жить стали вместе в одной юрте, вдали от других людей. Ходили братья промышлять, а бабы оставались дома, наблюдали хозяйство, пасли оленей. Так и жили. Никто им не мешал, и они никому не мешали. Но раз как-то утром проснулись они, вылез один из юрты и видит: подходят к ним разбойники.

Он скорее заскочил в юрту и сказал брату:

— Ну, брат, беда. Разбойники к нам идут. Что же делать будем?

А луки и стрелы у них на дворе остались, в юрте ничего не было.

Разбойники в это время уж подошли, забрали все оружие, но в юрту лезть боятся. Уселись перед дверями и дожидаются, когда братья из юрты вылезут.

«Тогда,—говорят,—и добудем обоих».

А братья в юрте сидят и советуются, что же им теперь делать. Вот один нашел какую-то палку, согнул ее, связал жилами и сделал лук, хоть и плохой он вышел, а все-таки стрелять можно. Другой разыскал стрелу бросовую, обделал ее мало-мало, и стали теперь они с оружием. Но все-таки с таким луком воевать боятся.

Вот давай опять думать, как бы им спастись.

— Видно, убегать как-нибудь надо,—говорит один.

— А как убежишь, когда они против самых дверей сидят?

— Давай разломаем юрту сзади и потихоньку вылезем.

Вот и стали помаленьку, чтобы не шуметь, разламывать у юрты стенку, сделали дыру и в нее оба ползком и вылезли. И так все ловко сделали, что разбойники и не заметили. А баб они в юрте оставили: им разбойники ничего не сделают, они баб не убивают.

Старший брат и говорит:

— Все равно разбойники за нами погонятся. Давай, разойдемся в разные стороны. Может быть, хоть один да живой останется.

Тогда они разошлись. Младший брат свернул на реку и пошел по льду, чтобы итти было легче, а старший взял лук и стрелу, пошел по лесу вперед, сделал круг и спрятался в кустах около своего следа.

А разбойники сидели, сидели у юрты сколько-то времени, потом им надоело, стали расхаживать, да и увидали, что братья убежали. А было у них два бойких молодых парня, они и говорят:

— Мы пойдем их следить, где-нибудь да догоним и добудем.

— Не справитесь вы с ними,—говорят другие.

— Как же не справимся? ведь, у них ничего нет, все луки и стрелы мы забрали.

— Ну, нето идите.

Те и пошли. Дошли до того места, где след разошелся, тогда один и говорит:

— Ты следи одного, а я пойду за другим. Живо добудем.

И тоже разошлись в разные стороны по следам. Тот, который пошел за старшим братом, думает—«наверно, он далеко пошел» и идет без всякой опаски. А охотник-то вот тут и сидит.

Как приблизился к нему разбойник, он нацелился из своего худого лука, да и пустил стрелу прямо в грудь разбойнику. Так ловко попал, что разбойник сразу в снег свалился, даже крикнуть не успел. Тогда охотник выскочил из куста, схватил его лук и стрелы и скорее побежал выручать младшего брата.

А того другой разбойник уже догоняет, целится в него из лука и хочет убить, а младший брат бежит вперед и прыгает в разные стороны, как заяц, не дает разбойнику нацелиться.

В это время старший брат и подбежал сзади и закричал разбойнику:

— Стой! Смерть тебе!

Оглянулся разбойник, перепугался, видит: пропал теперь, упал на колени и давай просить, чтобы его помиловали.

Да старший брат шибко рассердился, не стал и слушать его, и убил тут же на месте. Тогда и у этого тоже они взяли лук и стрелы, и стали оба с оружием.

— Ну,—говорит старший,—теперь пойдем назад к юрте, своих баб выручать. Вот и пошли они назад.

А разбойники уж забрались в юрту и там хозяйничают. Убили оленя. Заставили баб мясо варить. Сами сидят, чай пьют, амчуры (обувь) сушить развесили. Велят бабам за ними ухаживать. Сидят, хохочут, песни поют. Но вот слышат люди идут.

«Ага, это наши товарищи возвращаются, видно, добыли эвенков». А те как сразу заскочут в юрту и давай крошить. Всех перебили, только один парнишка остался. Он тоже с разбойниками ходил.

Кричит парнишка:

— Не убивайте меня, я не сам пошел с разбойниками. Они меня насильно взяли.

Тогда младший брат и говорит:

— Давай, оставим парнишку. Пусть будет у нас жить. Станет воду носить, оленей пасти.

Вот и оставили его жить. Жил он у них долго, работал ладно. А как подрос, стали братья примечать, начал он все как будто скрадывать их:

Идут они с охоты, а он около дороги в кустах прячется.

«Чего ты тут делаешь?» «Так, играю». «Однако, неладно дело,—думают братья,—давай-ка, последим за ним».

Стали следить и нашли: в лесу в дупле были у него спрятаны лук и стрелы.

Стали братья его допрашивать. Он и сознался, что хотел их перебить поодиночке. На двоих-то сразу нападать боялся. Тогда старший брат и говорит:

— Видно, разбойничью кровь никак не переделаешь. Держать нам его у себя, худо будет. Придется и его убить.

Взяли они тогда этого парня, увели в лес и убили. А потом опять стали жить попрежнему.

392. ЭВЕНКИЙСКИЙ И ЯКУТСКИЙ ШАМАНЫ

Жили одно время, где-то, надо быть, около якутов, два шамана—Эвенк и Якут. Эвенк жил в тайге, промышлял, держал оленей, а у Якута была изба; оленей у него не было, а были вместо них коровы. Вот как-то сошлись Якут и Эвенк вместе и стали «гулять».

Выпили, как следует, а потом и давай хвастаться друг перед другом, кто кого сильнее, и дошли «до греха», значит, подрались.

Ну, Эвенк был посильнее, а может быть, выпил поменьше, только он побил Якута.

Якут рассердился, ушел домой, а зло все помнит.

Вот и давай шаманить, чтобы Эвенку вред сделать. И нашаманил—умерла у Эвенка жена. Эвенк узнал, что Якут стубил его жену, пришел к нему и стал его ругать.

А Якут отпирается: «Знать ничего не знаю».

Тогда жена Якута тоже рассердилась на мужа:

— Ты только пакости людям делаешь,—говорит,—хотя бы сдох, проклятый, скорее.

Видит Эвенк, что делу не поможешь и говорит:

— Ну, ладно. Это уж дело прошло, все равно бабу не оживишь. Ты только вперед брось делать пакости, а то я тебе и сам наврежу.

Но Якут стал ругаться и прогнал Эвенка. Ушел Эвенк домой и думает: «Надо наказать Якута». Стал шаманить и «во сне» послал во двор к Якуту худую корову. Она пришла во хлев и от этого стали дохнуть у Якута коровы. В месяц весь скот передох. А потом напустил болезнь и на ребятишек, и те все перемерли.

Видит жена Якута, что дело плохо и говорит мужу:

— Давай убежим отсюда куда-нибудь дальше.

Послушался ее Якут. Бросили они все свое хозяйство и избу со всем добром и дворы; все, как было, осталось, а сами вдвоем сели в лодку и отправились по реке. Плыли, плыли и доплыли до дальних эвенков. Стали проситься, чтобы приняли они их, эвенки согласились, и стал тут жить Якут с женой.

Сколько-то времени прошло, и вот раз поехал Якут с молодым парнем—эвенком на лодке рыбу ловить. Целый день поднимались вверх, устали здорово. Остановились ночевать. Поужинали и улеглись спать.

Вот парень и видит сон: пришел к нему какой-то старик и говорит:

«Слушай, парень, как поедете назад, будет вам худо. Только тебя я не хочу губить. А ты вот что сделай: будете в лодку садиться, обязательно садись на заднее весло, а как заметишь какое диво, сейчас же выскакивай из лодки».

Проснулись они утром и стали собираться домой.

Пошли к лодке, а Якут норовит сзади сесть.

— Я,—говорит,—лучше тебя править умею.

А парень спорит с ним:

— Садись вперед, отдыхай, ты постарше меня.

Не хотят уступить один другому. Чуть дело до драки не дошло, да парень-то был посильнее, оттолкнул Якута и уселся сзади. Поплыли они. Плывут себе помаленьку, да вдруг как поднимется вихрь, как зашумит, загремит кругом, как пошел валиться лес, небо стало черное, все равно, как ночью, вода закрутилась, закипела. Прямо беда.

Но парень не сробел, как поднялась непогода, он сразу же лодку к берегу и выскочил, а Якут не успел. Только выскочил парень, подхватило ветром лодку с Якутом и собакой, оторвало от воды, закрутило и потащило куда-то на хребет. Парень на берегу чуть живой сидит.

Вот кончился ветер. Встал парень. Что же делать? Надо искать товарища,— и полез на хребет. Залез и смотрит—на вершине, между лиственниц лежит только задняя половина лодки, а в ней дохлая собака, а куда девался нос лодки вместе с Якутом, так и не нашел парень. И никто не узнал, куда пропал Якут.

А та изба, из которой убежал Якут с женой, с того времени стояла пустой. Никто из людей не осмеливался даже подходить к избе шамана. Но раз зимой, ночью, один молодой якут запоздал домой. Замерз шибко. Видит избушка шамана стоит. «Дай,—говорит,—ночую. Зря люди боятся. Ничего не случится».

Вошел в двери, добыл огня. Смотрит—все в избе стоит, как было: постели посланы, и вся посуда расставлена, на полках разное добро лежит и дрова заготовлены. Затопил парень печку, поел, что с собой принес, и улегся спать на готовую постель.

Только заснул, слышит, дверь открылась, и кто-то лезет в нее. Испугался парень, притаился и ждет, что дальше будет. Вот кто-то завозился в углу, а потом слышит: «жвяк, жвяк», кто-то чавкает.

Набрался парень духу, добыл огня, глянул: батюшки, в углу стоит корова, шкуры у ней нет, одно свежее мясо на костях, а по нему кровь течет, а корова языком-то кровь подлизывает и чавкает. Как соскочит парень с постели, как бросится в двери, да и давай бог ноги. Так ночью и удрал из избы без оглядки, и уж больше туда никто не заглядывал.

393. МАНЧУЕР

Теперь у нас, эвенков, пошли разные фамилии: Немтушкины, Силкины, Горбуновы, а прежде мы по родам назывались. Наши верховские эвенки были рода Манчуер, а по-русски сказать «человек, который назад ушел».

А так было дело, старики сказывают:

Временами приходили сюда издали чужие эвенки-разбойники и грабили мирных охотников. Вот раз шло человек сорок таких разбойников, все с оружием, как следует быть, только стрел у них не оказалось, видно, дорогой все поистреляли. Идут они раз подле реки и видят, большой кырен (орел) летит. Они и убили его, тогда взяли у него перья, разделили между собой и понаделали новых стрел; а одному парню нехватило как-то перьев, обробел он, что ли.

Тогда стали говорить другие разбойники:

«Как же пойдет с нами этот товарищ? Как воевать станет? Чем стрелять будет? Убьют его так и так. Лучше уж, парень, ты не ходи с нами, вернись назад».

Тому делать нечего, повернулся обратно и пошел. А только как ему одному жить?—Все равно пропадать придется. Вот и давай он искать каких-нибудь людей, чтобы пристать к ним.

Вот и выследил он мирных охотников и пошел к ним. Пришел на стойбище, поздоровался, как надо, потом рассказал всю правду, как было дело, и стал к ним проситься жить.

Старики собрались вместе, посоветовались и сказали:

«Ну, что же, пусть с нами живет. Он, видать, человек смелый и не худой, если про себя всю правду рассказал».

И приняли его к себе, дали ему оленей. Он завел юрту, взял себе бабу и пошли у него дети, а потом размножились и стали называться по отцу Манчуер.

Оттуда и наш род пришел.

394. ЭВЕНКИЙСКАЯ ЛЕГЕНДА

Пошел один эвенк на охоту в глухое, полное дичи, место. Охотник он был хороший, стрелял метко, но на этот раз как ни старался он, ничего не убил.

Приходит охотник на стойбище и начинает варить себе чай. Только что закипел чайник, как вдруг кто-то невидимый перевернул его кверху дном. Удивился эвенк, поставил второй раз, и опять, как только чайник закипел, кто-то его перевернул.

Так продолжалось трое суток.

На четвертые сутки эвенк решил так: «Как только чайник перевернется, буду стрелять». Так и сделал. Закипел чайник и стал валиться—эвенк выстрелил в то место, где стоял невидимый, и услышал как кто-то невидимый страшно закричал:

— Ой, ой.

Поел эвенк сухарей и лег спать, но его скоро разбудил десятский:

— Иди, тебя староста зовет:

Удивился эвенк, зачем это он понадобился старосте, но пошел. Приходит и видит: сидит народ как будто бы знакомый, но хорошо признать не может, а на полу лежит и стонет раненый, как будто бы и человек, но эвенк враз догадался, что это чорт.

— Скажи-ка, эвенк, зачем ты стрелял в чорта,—спросил староста.

— А пусть чорт скажет, пошто он не давал мне удачи на промысле и опрокидывал чайник.

Чорт поднялся на локте и со стонами проговорил:

— Эвенк зашел в мое место без спросу, вот мы и не давали ему удачи.

— А пусть скажет чорт, пошто он добром мне не объяснил, что это место им занято, я бы не пошел,—сказал эвенк.

Чорту нечего было отвечать на это, и он замолчал.

Тогда староста присудил: «За то, что чорт не предупредил добром, а стал пакостить на промысле и целых трое суток не дал эвенку удачи, пусть он три дня и три ночи обдирает белок и спускает их в дымоход эвенку».

Опечалился чорт. В трое суток ободрал он бесчисленное множество белок и спустил их в трубу эвенку, который с того разбогател.

С тех пор стал бояться чорт эвенка и больше не мешал ему на промысле.

Вот почему у эвенков удача в промысле, особенно на белок.

Чорт помня, как его судили за помеху эвенку на охоте, стал бояться эвенков и прятаться от них.

395. НОКУЕ

(Сказка)

Девочка Нокуе у богатого хозяина жила. Хозяин ее обманывал, заставлял воду таскать. Девочка ему воду таскала. Хозяин говорит:

— Гнилую воду принесла,—и воду обратно выливает.

Зиму всю девочка воду таскала. Хозяин ту воду выливал. Весна настала. Журавли прилетели.

Девочка запела:

— Журавли, журавли,
Меня унесите,
Хозяин меня обижает.
Журавли сказали:
— Не станем уносить,
Лебеди пусть унесут.
Лебеди прилетели.
— Лебеди, лебеди,
Меня унесите,
Хозяин меня обижает.
Лебеди сказали:
— Не станем уносить,
Гуси пусть унесут.
Гуси прилетели.
— Гуси, гуси,
Меня унесите,
Хозяин меня обижает.
Гуси сказали:
— Не станем уносить,
Черные лебеди
Пусть унесут.
Черные лебеди прилетели.
— Черные лебеди,
Черные лебеди
Меня унесите,
Хозяин меня обижает.
Черные лебеди
Маховые крылья дали, девочка полетела.
Тогда хозяин запел:
— Нокуе, Нокуе,
Упади, упади,
Если упадешь,
Сделаю шапочку тебе.
— Не стану падать,
Опять воду таскать заставишь,
Воду мою опять выливать станешь.
— Нокуе, Нокуе,
Упади, упади,
Сделаю нагрудчик тебе, сделаю,
— Не стану падать,

Опять воду таскать заставишь,
Воду мою опять выливать станешь.
Хозяин один остался.

396. УНЯНГАН

Унянган идет, зверей ищет. Нашел лося, спросил:
— Что ешь?
— Тальник ем,—сказал лось.
Унянган сказал:
— Расти.
Волка пошел искать. Волка нашел и спросил:
— Что ешь, волк?
— Оленчиков, человеков, собак ем.
— Будь здоров,—сказал Унянган.
Идет дальше. Глухаря пошел искать. Глухаря нашел спросил:
— Что ешь?
— Ягоды, ягоды ем.
— Будь здоров,—сказал Унянган,—и пошел лису искать.
Лису нашел спросил:
— Что ешь?
— Мышей, птичек, зайцев, рыбу, яйца ем.
— Будь здорова,—сказал Унянган, а сам пошел дальше искать куропатку.
Ту нашел, спросил:
— Что ешь?
— Тальник, ягоды ем.
— Будь здорова,—сказал Унянган.
Пошел искать рябчика.
Нашел спросил:
— Что ешь?
— Тальники, бруснику, толокнянку ем.
— Будь здоров,—сказал и пошел искать человека.
Человека нашел, спросил:
— Что ешь, человек?
— Хлеб, рыбу, мясо ем.
— Будь здоров,—сказал.
Дальше пошел, корову нашел. Спросил:
— Что ешь?
— Траву, сено ем.
— Будь здорова,—сказал Унянган и пошел.
Потом оленя нашел, спросил:
— Что ешь?
— Мох, грибы, траву, листочки ем.
Будь здоров,—сказал Унянган.
— Дальше идя, собаку нашел, спросил:
— Что ешь?
— Мясо, хлеб, пташек, ровдугу ем.
— Будь здорова,—сказал Унянган.
Дальше рысь нашел, спросил:
— Что ешь?
— Оленя ем, тебя ем,—сказала рысь и Унянгана съела.

397. МЕДВЕДЬ И ЛИСИЦА

Медведь встретился с лисицей и говорит:

— Я боюсь птиц больше всего. Когда в лесу подойдешь близко и не видишь их, они вдруг вылетят и пур-пур-пур, в это время я не чувствую себя от страха.

— А я птиц не боюсь,—отвечала лисица.—Я боюсь человека.

— Нет, я не боюсь человека,—говорит медведь.

Тогда лисица говорит:

— Ты не боишься человека, тогда задави его и принеси сюда, а я пойду, надавлю птиц и тоже принесу сюда.

Медведь ушел за человеком, а лисица за птицами. Лисица надавила птиц и прибежала обратно.

Медведь побежал и нашел след человека, догнал его и хотел задавить, но человек убил медведя и убежал.

Лисица не могла дождаться медведя и пошла искать его. Нашла, а он уже мертвый.

— Как же ты хотел задавить человека, а тут сам на лабаз нос задрал,—говорит лисица.

Медведь жалобно отвечает:

— Ну, да уйди ты, мне и так досадно.

398. МЕДВЕДЬ И КАРАСЬ

Один раз медведь охотился на озере за утками и увидел карасей и хотел их съесть. Один карась говорит:

— Ты лучше не ешь меня так, а вот давай поспорим, кто дольше просидит из нас, ты в воде, а я на твоем месте в лесу.

Медведь согласился. Решили сидеть по два часа.

Медведь залез в озеро, а карась вылез на берег в лес. Не прошло и полчаса, как медведь вылез из воды и сердито говорит:

— Ты меня обманул,—я, рассвирепев, ударил карася лапой. Карась отлетел в воду. С тех пор все караси стали плоскими, а ранее они были круглые, как шар.

ИЗ ПРЕДАНИЙ ЯКУТОВ АМГИНО-ЛЕНСКОГО ПЛОСКОГОРЬЯ

399. ПРЕДКИ ЯКУТОВ ОМОГОЙ-БААЙ И ЭЛЛЭЙ

В Якутский край сначала переселился Омогой-Баай. Он раньше проживал в стране киргизов (кыргыс). Жену его звали Сабыйа-Эмээхсин (Сабыйа—старуха), одну дочь, которая была дурна и неряшлива, Арбадай с дополнительным прозвищем Лэкэ-Чангый, а вторая дочь, красивая и нарядная, называлася Ньыкы-Хараксын.

На родине Омогой отличался неуживчивым нравом и драчливостью. Киргизы стали притеснять и гнать его. Ввиду того, что враги начали одолевать и уже притиснули к окраинам, Омогой решил переселиться в безопасное и укромное место. У него был друг шаман, по имени Аан-Кюёрээйи. Омогой обратился к нему с такой просьбой:

— Ты ведь шаман-провидец, сослужи-ка мне службу и своим провидящим взором найди такое хорошее место, где можно было бы нам поселиться.

Тот, немедля, приступив к камланию, совершил далекое путешествие вниз по р. Лене[1]. Он добрался, обозревая страну, вплоть до того места, где поселились восемь сестер Аграфен[2], злые духи, дочери предков царей русского народа (нууча). Место их жительства называется Столб-Гора (скалистый остров «Аграфена» ниже г. Жиганска. Г. К.). Когда он летел обратно, дух местности Сайсары (где теперь стоит г. Якутск) обратился к шаману с мольбою:

— Я оскудела (духи местности у якутов обычно представляются женщинами. Г. К.) людьми и скотом, направь ко мне людей, которые могли бы стать предками большого народа и многочисленных стад.

Так говоря, она с радостными кликами простирала к шаману свои длани.

Услышав провидение шамана, Омогой-Баай, имея под своим началом еще 20 семей, стал собираться в путь вниз по р. Лене. Добравшись до верховьев этой реки, они сколотили плоты. В это время подоспели киргизы, которые шли следом за ними. Омогой со своими людьми понаделали чучела людей, будто бы вооруженных луками, колчанами, и расставили их на плотах, а сами спрятались под ними.

Киргизы открыли стрельбу по чучелам, и Омогой с людьми благополучно уплыли. Конный и рогатый скот, какой имелся у них, также поместили на плотах.

Беглецы приплыли и поселились на Сайсарской равнине. Из еловых корьев понаделали шалаши для жилья. Посуда, бывшая у них в употреблении, ограничивалась горшком, сбитым из огнеупорной глины, с узким горлышком и широким дном, он назывался у них «бугаргана аньах» (бугаргана—чаша).

С Омогоем приплыл один кузнец по имени Чабык. Он плавил из камня железо.

Новая родина оказалась обильной разной дичью и зверем. Поэтому поселенцы чрезвычайно разбогатели.

Когда Омогой-Баай был уже преклонных лет, с верховьев Лены, из страны татар, убежал человек по имени Эллэй. Он был побежден на войне. У него был слепой отец, очень мудрый старец. Он-то и посоветовал сыну:

— Ты беги, здесь тебе не дадут житья, рано или поздно убьют. Ниже по этой большой реке живет очень богатый человек, некто Омогой-Баай. Если ты найдешь его, то выйдешь в люди.

Итак, Эллэй с отцом бежали. Добрались до обширной равнины, где не оказалось воды. Они имели с собой материю, сотканную из какой-то травы, длиной в 10 ручных махов. По ночам старик привязывал один конец материи к поясу и во-

[1] Все примечания собирателя к текстам якутских преданий см. в общих примечаниях в конце книги.

лочил ее по траве. Когда она намокала от росы, выжимали и добывали воду для питья. Когда им приходилось итти по речкам, старик, подняв кверху палец, определял направление ветра, дующего с верховья, и шел вниз по речкам. Наконец, они добрались до верховья нашей реки. Здесь старик изнемог и умер. Эллэй сколотил себе плотик и поплыл дальше.

Вот он добрался до Кангаласской горы (мыса[3]). С ее вершины он увидел на равнине множество урас, стоящих рядами, а над ними клубы дыма. Эллэй хотел было пойти туда, но удержался, вспомнив свою наготу. Стал здесь промышлять уток. Затем, стесывая щепы, он бросал их в воду, кидал туда же пух и перья убитых уток, думая, что люди, живущие ниже по реке, заметив приплывающие щепы и перья, узнают о его существовании.

Люди Омогоя, побывав на берегу реки, действительно заметили плывущие откуда-то сверху щепы и перья. Удивленные этим обстоятельством, они рассказали Омогою. Старец сказал:

— Недалеко от нас, наверное, блуждает человек, лишенный крова и пищи. С запасом пищи и одежды идите и разузнайте.

Отправились четыре молодца. Вот они, осторожно поднявшись на вершину Кангаласской горы, заглянули вниз: виден был плотик, и тут же на берегу, прикрывшись тальниками, спал голый человек, молодцеватый на вид. Окружив спящего, разбудили и вступили с ним в беседу. Тот рассказал:

— Я татарин, бежал от войн. В этот край когда-то переселился Омогой-Баай, я хотел бы итти к нему, но сижу, стыдясь своей наготы.

Одели, накормили его и увели с собой. Омогой принял пришельца и держал его за родного сына. Не могли им нахвалиться. Рассказывают, что хозяйственное обзаведение якутов ведет начало от этого Эллэя. Впервые он настроил изгороди, завел разного рода кумысную посуду—чороны, матарчаха, а также и прочую посуду. По его же указке завели берестяную урасу.[4] Он делал все, до чего люди Омогоя еще не додумались или не в силах были сделать. Полюбился он старику и старухе. Так работая, он прожил у них три года.

Однажды Омогой с женой меж собою рассуждают:

«Этот Эллэй, наверное, будет предком народа, пусть он выберет жену из наших двух дочерей».

Оба они были уверены, что он остановит свой выбор на их любимой дочери. Призвал его старик и говорит:

— Ты даром проработал у нас три года. За работу выбери-ка себе жену из наших дочерей и обзаведись собственным хозяйством.

Эллэй на размышление попросил три дня и обещал выбрать одну из сестер. Стал следить как обе девицы мочатся. Когда мочилась старшая, на месте вскипала белая пена, а если она садилась около тальниковых кустарников, то струей своей мочи смывала их с корнями. Он думает про себя: «Эта дева, наверное, будет иметь большое потомство».

Поэтому он женился на старшей дурнушке. Старик и старуха были очень огорчены таким выбором. Дали Эллэю одну безрогую рыжую корову и кобылицу, тоже рыжей масти с пятнистыми губами и белесоватыми глазами. И тотчас же прогнали обоих.

Эллэй с женой, взяв на плечи одежонку, погоняя свой скот, отошли от жительства Омогоя верст на двадцать и поселились в Кильдемской равнине, в урочище под названием «Баай-Бэс» (в переводе—богатая сосновая роща). (Местность Киллэм в 20—30 км от г. Якутска, образует северную оконечность Сайсарской равнины).

Здесь Эллэй понастроил множество изгородей на столбах для скота. Затем поставил огромную берестяную «могол-урасу» о трех поясах с наружными узорами в девять рядов[5].

Жена Эллэя внутри изгородей развела дымокуры. К дымокурам стал собираться конный и рогатый скот Омогоя. Жена Эллэя, выдаивая коров и кобыл отца, накопила много молока и кумыса.

Затем Эллэй приступил к устройству праздника «ысыах»[6]. Он свил из белых и черных конских волос тонкую веревку «иирчигэн» длиной в 70 ручных махов. Воткнув в трех местах молодые березки, он протянул между ними свой иирчигэн так, что образовалось огороженное место. Навесил на веревку «дэльбиргэ», т. е. кисточки из кусочков разной пушнины, расположенные рядами на одинаковом расстоянии друг от друга. Внутри этой (треугольной) волосяной изгороди он скучил весь молочный запас. Окончив приготовления, он пригласил тестя и тещу. Те, услышав о празднестве, со смехом сказали:

— Как, неужели он зовет нас, чтобы угостить молоком одной коровы и единственной кобылы?

Но тем не менее они, взяв с собой дочь-любимицу, пошли на праздник ради любопытства. Увидев праздничное обзаведение Эллэя, однако, они выразили большое удивление, ибо ничего подобного ранее не знали. И по сию пору якуты говорят, что обряд устройства ысыаха впервые был установлен Эллэем.

Во время первого ысыаха у Эллэя уже был один сын. Поэтому-то он в своей молитве-алгыс говорил про свою семью: «Мы—три якута просим». (Это толкование неверно, ибо выражение «юс-саха»—три якуты обычно употребляют в смысле «множество» или даже все якуты. Г. К.).

Эллэй восхвалял божество Юрюнг-Айыы[7] в таких словах:

«Ты, живущий
Над этим видимым
Громоносным небом
С кучевыми облаками,
С зигзагами ниспадающих молний!
Над этой синей твердью,
На тыльной стороне
Многослойного,
Нависшего светлого неба,
Шестиярусного
Прозрачно-светлого неба.
Поселившийся
На самой верхушке
Девятислойного,
Бурного светлого неба,
Носящий шапку из камня,
Обточенного в виде
Трехголового орла.
Всегда сопровождаемый
Бесчисленными волнующимися облаками
И многочисленными озерами,
Полными беспенного молока.

Сияние ласкового
Светлого солнышка,
Это—твои очи.
А округлый месяц—
Слуховое отверстие твоих ушей.
Раскатистый гром
Вещает о твоих
Грозных приговорах.
Хлещущие (землю) молнии,
Это—твои бичи.
Живительные
Всеобъемлющие дожди
Брызжут, когда ты
Празднуешь свой торжественный ысыах.
Ты, отче мой,
С молочно-белым существом
Юрюнг-Айыы-Тойон
(Святой добра повелитель)!
Мы, бесчисленные саха (якуты),
Собравшись в одно место,
Взирая наверх,
Возносим (поем) хвалу
Недосягаемо высокому,
Грозно-важному твоему имени,
С восторженными кликами
Поминаем тебя.
Да устроишь ты будущность
Моей зеленеющей жизни!
Возрастишь ты всех
Моих недозревших!
Да будет урууй, айхал!
(Благоволение и ликующая радость!)

Как только Эллэй заключил хвалу-моление, спустились три белые птицы и облетели по кругу скопы молочной пищи. От птиц упал юрюнг-исэгэй (дословно—священная спутавшаяся шерсть, по древнему религиозному воззрению якутов—символ богатства и божьего благоволения) величиной с игрушечный мячик из шерсти. Эллэй успел поймать его в свои длани.

Затем приступили к ысыаховой трапезе. В пиршестве принял участие и Омогой, который был чрезвычайно рад и восторгался Эллэем, говоря, что он учреждает прекрасный обычай. Тут же он выделил Эллэю половину своего богатства. С тех пор Эллэй стал богатеть.

Красивая же дочь Омогоя еще более огорчилась и, печалуясь за свое одиночество, решила покончить с жизнью. Она взяла веревку, свитую из черного волоса, длиной в три ручных маха. Этой веревкой она удавилась на шее кобылицы белой масти с пятнистыми розово-белыми губами и белесоватыми глазами. Вот ее и именуют «девой Ньыка-Харахсын, обладательницей конного скота молочно-белой масти», которая считается изначальной, нето богиней-покровительницей, нето бесом, злым духом якутского народа. («Саха мангнайгы айыыта ду абаасыта дуу?»). Про нее говорят шаманы (черные), что она насылает на людей множество раз-

ных бед. Кто тонет в воде, получает случайную рану рубящих и колющих орудий, давится, сходит с ума, ломает руки и ноги,—все это исходит от Ньыка-Харахсын, прелестной дочери праотца Омогоя.

Все якуты, как рассказывают, произошли от шести сыновей Эллэя.

400. ПОТОМКИ ЭЛЛЭЯ

1. Старшего сына Эллэя звали Ураан-Усу, который был знаменитым кузнецом по железу. Отец поселил его на землях Намского улуса, в долине речки Кэнгэмэ. Он стал предком Намского улуса. Эллэй всех своих сыновей вообще расселял по разным улусам.

2. Кэлтэгэй-Тобук Боотулу (Боотулу в переводе—«кривое колено»)—предок кангаласцев. Он поселился на землях Кильдемского наслега. Говорят, он был младший сын. (По старинным якутским обычаям, младший сын наследует отцовское хозяйство и положение. Г. К.).

Про кангаласцев[8] у нас, в Борогонцах, существует следующий рассказ.

Жил будто бы один человек по имени Хаан-Айах Хаҥалас (Хангалас—с кровавым ртом). Он наливал в большую деревянную чашу конскую кровь, затем клал туда брюшной жир (конский) и разминал его в крови ладонями. Эту кровь, смешанную с жиром, пил. Потому-то и пошла поговорка—«кангаласцы с кровавыми ртами».

У нас известна еще поговорка «хангаластардыы туттар»—он (в своем домашнем быту) ведет себя по-кангаласски. Это значит—живет опрятно, заботясь о внешнем блеске.

3. Буор-Сырай-Боргон (Боргон в переводе—темнолицый)—предок Борогонского улуса. Он был строптивого нрава. Поэтому отец сказал:

— Ты поселись на вершинах речек среди таежных озер и болот.

4. Мэнгнээх-Мэнгэ (Мэнгнээх—с родимым пятном) поселился на землях теперешнего Мегинского улуса.

5. Таттык Куралай отличался резвостью в беге. Отец поселил его на речке Таатте. Он стал предком трех нынешних Таттинских улусов (т. е. Ботурусского, Таттинского и Амгинского).

6. Шестого сына поселил в Баягантайском улусе. Звали его Хата-Малай, или как-то иначе.

Таким образом Эллэй поселил своих сыновей порознь в известных и плодородных местах.

Про самого Эллэя рассказывают, что он будто бы умер от особой болезни непринятия пищи (сужение пищевода). Поэтому он не ел мясо конного и рогатого скота, не принимал и молочной пищи. Ел суп лишь из мяса лесной дичи (птиц).

Дюпсюнский улус отделился от Борогонского улуса после прибытия русских.

Наиболее существенные части этого рассказа я слышал от Николая Савича Окоемова, якута 2-го Бэрт-Усовского наслега Борогонского улуса.

401. ПРЕДКИ БОРОГОНСКОГО УЛУСА

Из потомства Буор-Сырай Боргона известен Лёгёй-Тойон (Лёгёй—повелитель). Как рассказывают, он был большой богач. От законной жены он имел шесть сыновей по именам: Хоро-Соготох, Сынгаах-Аамыкаан, Джабаган-Джуотту, Курбусах-Бээдэй, Ертён-Быраайы и самый старший Хахыча-Ойун (Хахыча—шаман).

Хахыча-Ойун был знаменитый шаман. Его убили мегинцы. Они приезжали промышлять соболей в борогонские земли. Хахыча-Ойун гнал их. Мегинцы из засады застрелили его из лука. Хоро-Соготох (Хоро—единец) стал предком Хоринского наслега. Сынгаах-Аамыкаан—предок Сынгаахского наслега (в офиц. док. Сыгатский н.). Джабаган-Джуотту—предок первого Соттинского наслега. Курбусах-Бэдэй—предок Курбусахского наслега. Ертён-Бырааиы—предок первого и второго Олетекского наслегов.

Кроме того, Лёгёй-Тойон от прелюбодейной связи со старухой Дурбан родил сына, который стал знаменит под именем Бэрт-Хара.

402. БЭРТ-ХАРА—ПРЕДОК БЭРТ-УСОВСКОГО НАСЛЕГА

Мать Бэрт-Хара старуха Дурбан проживала у озера Кыыс-Ханга (Ханга—дева), в двадцати верстах от озера Мюрю.

До девятилетнего возраста Бэрт-Хара лежал калекой. Летник его матери находился в урочище Кысыл-Сыыр (Красный Яр) на берегу того же озера Кыыс-Ханга. У старухи была одна единственная корова. При перекочевке на летник старуха запрягала корову в сани и перевозила на ней своего сына. Однажды, когда она переезжала с сыном на летник, корова не смогла вынести сани с седоком на подъем Красного Яра. Старуха от горя и досады обернулась назад и бросила сыну упрек:

— Ты, до этакого возраста оставаясь калекой, причиняешь мне горе и муки вместо того, чтобы, став человеком, питать и содержать меня!

Так сказав, она схватилась руками за передок саней, чтобы пособить корове. В это время сын, выхватив нож, порезал икру у ноги матери. Закапала кровь. Этою кровью он помазал свои коленные чаши. Поэтому-то у якутов, говорят, пошла поговорка: «Калека-человек встает (выздоравливает), помазав кровью свои колена».

Затем парень обратился к матери со словами:

— Подай-ка мне палки, на которые я мог бы опереться!

Мать вырвала с корнями две молодые лиственницы и протянула сыну. Последний, опираясь на эти деревца, как на костыли, сам поднялся на подъем Красного Яра. С тех пор он стал ходить и постепенно выздоровел. Стал молодцом, каких не сыщешь. Отличался резвостью ног и был большой силач. Во всяком промысле и охоте он не имел себе равных. Рыбачил сачком в таежном озере «Тюёкэсэй». Он вертел сачком до тех пор, пока не покажутся травы, сорванные со дна озера. Его разовый улов сачком был не меньше, чем улов невода. Всю эту рыбу, не опрастывая с сачка, он набрасывал на плечи и шел домой.

Настораживал луки и охотился на диких оленей. Сначала называли его Майыттыгас ввиду его громадного роста. Имя Бэрт-Хара дал ему Дыгын (Тыгын)[9]. Майыттыгас имел обыкновение промышлять на западной стороне Лены. Переправлялся через реку на плоту. Рассказывают, что его плот до недавнего времени стоял на берегу Лены. Зимою он всегда ходил пешком. Некоторые говорят, что он потому ходил пешком, что ни одна лошадь не могла сдюжить его тяжесть.

403. БЭРТ-ХАРА И СЫН ДЫГЫНА МЁЧЁКЁ-БЁГЁ

Однажды зимой сын Дыгына Мёчёкё-Бёгё увидел на снегу свежие следы Майыттыгаса. Пораженный их большим размером, он пошел по следам. Вскорости конь Мёчёкё-Бёгё грудью ударился на человека, который шел, взвалив на себя огромное

количество убитых зайцев. Это был Майыттыгас. Вздрогнув от неожиданности, последний ударом наотмашь опрокинул коня и всадника. Четыре ребра у коня были сорваны с места и вдавились во внутрь. Майыттыгас, подумав, что невзначай повалил чьего-то холеного сына, поднял Мёчёкё-Бёгё за шиворот и отряхнул с него снег. Конь остался лежать на месте, а Мёчёкё-Бёгё пешком отправился домой, не вступая в пререкание с великаном. Майыттыгас рассказал матери о своем приключении и сказал ей:

— Ты бы притащила того коня, мы съедим его мясо.

Старуха пошла и вернулась, неся на спине тушу коня.

404. БЭРТ-ХАРА И СИЛАЧИ НАМСКОГО УЛУСА

Среди потомков предка Намского улуса были, рассказывают, два брата удальца, Хатан-Хамагаллай и Хатырык-Хаалльык. Один из них стал предком Хамагаттинского наслега, а другой—Хатырыкского. Эти братья, проведав славу Майыттыгаса, однажды пришли к нему повидаться, познакомиться. В это время сам Майыттыгас был на охоте, дома оставалась одна мать-старушка. Она справилась у пришельцев:

— Куда это направились, ребятки?

— Да, говорят, что у тебя есть сынок-герой. Мы пришли просто повидаться и поговорить с ним.

— Эй, мое дитя совсем не герой, плохонькой малец, только что подрастает, да к тому же прямодушен до глупости.

С этими словами старуха стала варить для гостей сливки в горшке. Пока варилась пища, гости вышли на двор. Здесь на крючках-сатанах они увидели висящий лук. Попробовали было натянуть, но оказалось, что они были не в силах даже приподнять тетиву. Спрашивают у старухи.

— Чей это лук?

— Эй, наверное, это лучок моего сынишки. Будучи еще отроком, он баловался им, охотясь на воробышек.

Слыша такие речи, гости заочно ощутили трепет. Они решили промеж себя: «Если таков его игрушечный лук, то обычным людям нельзя равняться и заводить с ним счеты».

Поспешили удрать подобру-поздорову.

405. БЭРТ-ХАРА И ДЫГЫН

В те времена около озера Мюрю жил один человек по имени Тарбыах-Тиис, чрезвычайно богатый человек. Майыттыгас у этого богача за косьбу, рубку дров и проч. брал продукты.

Тарбыах-Тиис имел двух сыновей, Куралай-Бэргэна и Туппалыйа, которые считались большими батырями. Батырями тогда будто бы назывались очень сильные люди. В число батырей принимались люди, обладающие особыми качествами, да и то после надлежащего испытания. Испытывали, напр., так: между двумя растущими деревьями протягивали толстую волосяную веревку, свитую из трех отдельных веревок; испытуемый батырь должен был с разбегу прорезать эту веревку своими голенями.

Дыгын, повелитель всех якутов, имел войско «кыргыс». Из этого войска он отправлял в разные стороны отряды, состоящие из сорока воинов. Один из таких отрядов под начальством своего батыря по имени Куолас-Болтонго он отправил на

Алдан. Этот Болтонго будто бы один из предков Кангаласского улуса. Перед отправлением Дыгын строго-настрого приказал:

— В Борогонцах у озера Мюрю живет мой друг Тарбыах-Тиис. Вы переночуйте у него и получите нужное продовольствие. Но не вздумайте обижать его.

Куолас-Болтонго, переправившись с отрядом на правый берег Лены, отправился в путь. Он остановился на ночевку недалеко от Бахсыцкого наслега Мегинского улуса. Поднявшись рано утром, перед выступлением в поход он спел песню, в которой говорил:

«В Бахсытцах проживает Баттахтаах-Байанга, чортово отродье и скряга. Мы отправимся в путь, окрасив его кровью наши копья (дословно—обратив его в охру для окраски копий)[10].

Отсюда до жилья Баттахтаах-Байанга оставалось пятнадцать верст. Этот человек был калека и ходил на костылях (отсюда и его имя «Баттахтаах»—имеющий костыли), но тем не менее отличался мужеством. Его дочь по имени Оскордоону рано утром, собирая коров, услышала песню Куолас-Болтонго. Столь мощным голосом обладал Болтонго, почему он и заслужил прозвище Куолас. Девица рассказала отцу об услышанной песне.

В старину перед выступлением на войну имели обыкновение захватывать случайно подвернувшегося под руку какого-нибудь худого человека. Все отправляющиеся воины закалывали его, чтобы окровавить свое оружие—копья, мечи и проч. Если не находили подходящего человека, то для той же цели убивали скотину. Сначала колол жертву главный воин, а за ним и все прочие.

Баттахтаах-Байанга, услышав рассказ дочери, сказал ей:

— Подай-ка мне лук и колчан, я пойду навстречу и покажу ему удачливость своей руки.

Он поднялся на вершину высокого мыса, находившегося у дороги, и стал поджидать. Вот показался Болтонго (с отрядом).

— Вот кто хочет окрасить моей кровью свои копья и поет о том песню. Сними-ка свое железное стремя и подвесь на пень, я покажу тебе меткость руки!— крикнул Баттахтаах-Байанга.

Когда подвесили стремя, он одной стрелой пробил его подножку. Увидев это, Болтонго предпочел свернуть с дороги и обойти его.

Куолас-Болтонго добрался до южного перелеска, окружающего озеро Мюрю, и остановился здесь на ночевку. Здесь он раздумал итти на Алдан и сказал:

— Зачем мы держим путь на Алдан? Вот недалече проживает Тарбыах-Тиис. Если мы, стерев его с лица земли, пригоним его богатство, то наш повелитель, конечно, одобрит. В эту же ночь мы нагрянем к нему. С чего ради нам бояться его двух сыновей?

В тот же вечер старший сын Тарбыах-Тиися сказал домочадцам:

— У меня заиграли мышцы, которые предвещают резню.

Поэтому он надел броню и не хотел было ложиться спать. Старик-отец, увидев сына в броне, упрекнул его словами:

— По-твоему, кто же может напасть на нас? Зачем ты вздумал разыгрывать этакую роль, паренек, ложись и спи!

В ту же ночь Болтонго окружил две урасы, и его воины, сквозь покрышку перестреляли спящих людей. Старший сын хозяина Куралай-Вэргэн, держа в руках пальму, выскочил на двор и успел заколоть шесть человек из нападавших, но, тем не менее, вскоре был убит сам. Из обитателей двух урас осталась жива только одна девка по имени Тёгюрюк-Тэллэх. Около жилья было озерко «Ют-Кёлюйэ» (Молочное озерко). Дева успела спрятаться в камышевой заросли этого озера.

Среди камыша воины увидели ее пальтишко из телячьей шкурки, но, выпустив в него несколько стрел, решили, что это выброшенная в мусор постель. Весь скот Тиися воины угнали.

Как только отряд удалился, Тёгюрюк-Тэллэх побежала к Майыттыгасу и сказала:

— Стряслася страшная беда. Люди Дыгына пришли и перерезали всех наших, все наше богатство угнали с собой. О, мой старший брат, ступай в погоню за ними!

Тотчас же Майыттыгас, схватив лук и колчан, погнался по следам. Воины Дыгына захватили несколько сот голов скота. Они остановились на ночевку в урочище Бэйдингэ, на землях второго Ольтекского наслега. Заколов жирную отгулявшую корову, части ее туши, не разрезая, вдели на большие рожни и жарили на костре. На пригорке росла небольшая сосновая роща. Майыттыгас, крадучись, подошел к лагерю под прикрытием этой рощи. Натянув лук, он выпустил одну стрелу и снес ею мясо со всех рожней, воткнутых в один ряд. Люди вскочили на ноги и видят: наряду с тремя соснами появилась четвертая. Столь велик был Майыттыгас. Пни этих сосен сохранились и до наших дней. На этих соснах Майыттыгас повесил свой налучник. Поэтому-то они и получили название Саадах-Бэс (в переводе— сосны с налучником, или, вернее,—«налучник сосна»).

Болтонго и его воины кинулись к своим коням и поспешно бежали, полагаясь на проворность их ног. Скот, оставленный ими, Майыттыгас пригнал домой и с тех пор обзавелся своим скотом.

По возвращении Болтонго Дыгын выразил ему порицание за избиение Тарбыах-Тиися, ввиду чего Болтонго бежал на Вилюй.

Летом следующего года Дыгын, собрав своих батырей, гоня перед собой дойных кобыл, прикочевал со своей челядью и расставил шатры-урасы на равнине Мюрю (большое и знаменитое озеро в Борогонцах). Здесь он устроил ысыах (кумысное торжество) и пригласил на этот праздник Майыттыгаса. Приглашение Дыгына передали ему так:

«Теперь мы стали ближайшими соседями, пусть приедет ко мне, поиграет и повеселится!»

Майыттыгас пришел. Едва он показался на поляне, Дыгын промолвил:

— О, ну и черный же человек идет к нам!

С тех-то пор Майыттыгас стал известен под именем Бэрт-Хара (дословно— очень черный, пречерный).

Когда Бэрт-Хара вошел в урасу и сел, ему поднесли в чоронной чаше кумыс, предварительно насыпав туда мелко искрошенный конский волос, чтобы он поперхнулся. Сам Дыгын, опираясь на пальму, прохаживался по шатру взад и вперед. Как только Бэрт-Хара, нагнувшись, начал пить кумыс глотками, Дыгын стремительно ударил своей пальмой поперек корпуса Бэрт-Хара. Но последний, не шелохнув даже кумыса в чаше, моментально отодвинулся с места, и пальма Дыгына, просвистев мимо, перерубила несколько шестов, поддерживающих урасу.

Бэрт-Хара, осердясь, сказал:

— Друг, что сие значит?

Дыгын успокоил его фразой:

«Кэбис, эрдин, уорда намырай!»

(Фраза сконструирована не совсем по-якутски и представляет из себя какой-то жаргон. Сам рассказчик поясняет: этими словами Дыгын хотел сказать: «Не сердись, остановись, успокойся». По-якутски нужно было сказать: «Кэбис, хосуун, уордайыма, тохтоо-болгой». Г. К.).

«Я ведь только испытываю молодого человека».

Затем Дыгын обошелся с ним очень милостиво и угостил. Попросил его побороться со своими батырями. Но, однако, когда Бэрт-Хара, схватив последних за кончики пальцев, крепко стискивал, они не могли вырваться, хотя и напрягались до того, что кровь шла носом. Держа в руках волосяной повод длиной в три ручных маха, пробовали бежать. Когда бежал Бэрт-Хара, повод натягивался горизонтально земле, а у других батырей он волочился по земле.

Привязали двенадцать коней рядами на значительном расстоянии друг от друга, как расставляются метки при скачках на одной ноге. Бэрт-Хара, прыгая с крупа на круп, прошел через все двенадцать коней. Стали состязаться в стрельбе из луков. Вдали на кучку конского навоза села плишка. Бэрт-Хара из лука раздробил надвое ее голову. Дыгын был очень напуган его молодечеством. Он приказал разобрать задние половины своих шатров, а передние, обращенные в сторону Бэрт-Хара, оставить на месте. Затем он укочевал.

С тех пор Дыгын стал дружить с Бэрт-Хара, принимал его с честью и стал уважать его.

406. СВАДЬБА ДЫГЫНА

Дыгын для своего сына Мёчёкё-Бёгё сосватал невесту, дочь вилюйского богача Кёлюйе-Баая. Со свадебным поездом невесты прибыли на сорока верховых конях сваты, мужчины и женщины. Они привезли с собой знаменитого бегунца и силача, которые должны были состязаться на свадьбе (с людьми Дыгына). Дыгын же со своей стороны пригласил Бэрт-Хара и поселил его в особой урасе, чтобы никто не видел его.

Вот на свадьбе затеяли борьбу. Борцов выпускали, не показывая друг другу. Бэрт-Хара, схватив вилюйского борца, бросил оземь с такой силой, что у него лопнула грудобрюшная преграда, и он тут же помер. Потом начались бега. С Бэрт-Хара состязался эвенкийский бегунец, приехавший с Вилюя. Бежали взапуски с расстояния двадцать верст. Эвенк был оставлен Бэрт-Хара на полпути. Вилюйчане привязали своих оленей рядами (чтобы бегунцы в заключение бега перескакивали через них). Бэрт-Хара же стал скакать с оленя на оленя, и таким образом передавил их насмерть.

Среди свадебных гостей была одна шаманка. Она бросила заклятие на ногу Бэрт-Хара. Когда он прибежал к мете, нога его распухла. Это обстоятельство взбесило людей Дыгына. Принудили ее (шаманку) снять свое заклятие. Та извлекла из ноги Бэрт-Хара гада и сказала:

— Одна косточка застряла в ноге, поэтому потомки Бэрт-Хара будут страдать болью в ногах.

Про Дыгына рассказывают, что он был повелителем и царем всего якутского народа.

407. БЭРТ-ХАРА И ААТТАЙ

В Таттинском улусе среди сылангцев проживал в древности один известный богач по имени Ааттай. Он угнетал народ, а иногда и убивал людей. В ту же пору в Мегинском улусе жил старый шаман по имени Тёгюлгэ. Он имел трех сыновей. Упомянутый Ааттай проездом с Лены убил шамана Тёгюлгэ стрелой, угодившей как раз в середину спины. Сам проехал дальше к себе. Сыновья шамана прибежали к Бэрт-Хара и сообщили о случившемся несчастьи. Бэрт-Хара, вооружившись, пошел вслед за убийцей. В Сылангской земле есть одна елань, состоящая из

двух половин с перешейком, под названием Сынгаса. Здесь Бэрт-Хара повстречался с двадцатью косарями Ааттая. Разговорились. Бэрт-Хара спрашивает у них:

— Я иду, именуя громкую славу вашего господина. Где он теперь, дома или отлучился куда?

Косари говорят:

— Скоро он должен прибыть к нам из дому, наверное, уже едет, навьючив кумыс для нашего продовольствия. Если поедешь теперь, то встретишься с ним в пути.

Бэрт-Хара улегся около елани Сынгаса, поджидая прибытия Ааттая. Вот показался всадник с двумя «симирями»[11] на вьюках. Бэрт-Хара, завидев его закричал:

— Ааттай, я пришел на твою громкую славу! Покажи-ка вперед ты меткость своей руки. Я пришел, препоручив себя воле провидения (иносказательно говорит, что решился на смертный бой).

Ааттай сейчас же соскочил с коня и открыл стрельбу, пока не выпустил все свои десять стрел. Все стрелы Бэрт-Хара отбивал в сторону краем своей ладони. Испуганный Ааттай бросился бежать. Он кинулся в озеро, которое было на восточной стороне той елани. Он был прекрасный пловец. Бэрт-Хара с высокого берега пускал в него стрелы, но девять стрел пролетели мимо, ибо противник вовремя нырял точно утка. Но однако десятая стрела угодила ему в спину. Он тут же умер. Бэрт-Хара коня с двумя посудами, полными кумыса, привел к рабочим и сказал:

— Ваш хозяин утонул.

Двадцать косарей, подняв наверх свои горбуши, закричали в один голос:

— Наконец-то мы дождались момента, когда его вышина укоротилась!

Опростав одну посудину с кумысом, Бэрт-Хара отправился домой.

408. ИГРЫ-СОСТЯЗАНИЯ ЯКУТСКИХ БОГАТЫРЕЙ

Маджылы-Тёрёнёк, батырь, ездящий на коне по имени Суонда-Турагас, считается предком баягантайцев (якуты Баягантайского ул.). В одно время с ним жил и предок таттинцев Лэкэр-Баатыр. Эти два человека в местности Кириэс-Халльаайы устроили ысыах и пригласили (борогонского) Бэрт-Хара. На этом празднестве они устроили состязания и проводили время в играх. На полном скаку коня они поднимали с земли копьем крупные места (стегна) конской туши. Маджылы-Тёрёнёк продевал копьем сразу два места, а Бэрт-Хара кроме двух мест ухитрялся захватить еще и сердце с печенью.

Ввиду того, что эти воинские состязания были последними в жизни якутов, той местности, где происходили игры, батыри дали название «Кириэс-Халльаайы»— Заветная долина. Местность представляет из себя поляну длиной в четыре, а шириной в три версты.

Это происходило еще в ту пору, когда якуты боролись с русскими. Три названные батыря после игр исчезли, бежали на «камни» (так якуты называют гористые места, хребты, где кочуют эвенки).

409. БАДЖЫГЫР-ТЁРЁНЁК И ЧЭНГЭРЭКЭЭН-ОЙУН

В Баягантайцах на речке Танда жил молодой парень по имени Сасыл-Быгык (в переводе—лисья борода). У него был старший брат, очень богатый человек, которого звали Бахчыгыр-Баатыр. Этот батырь мог носить особую броню под названием «дуулага куньах». (По словам рассказчика,—это самая тяжелая и потому непроницаемая броня, которую могли носить лишь витязи исключительной силы).

Он имел еще двух знаменитых коней, на которых выезжали лишь на битву, с присвоенными им именами: Суонда-Турагас (Суонда-Гнедко) и Кыргыс-Магана (Бельчик-Битвы). Владелец этих коней имел обыкновение каждое лето испытывать быстроту их бега.

Сасыл-Бытык имел трехтравого конька. Однажды, когда устроили состязание названных боевых коней, он на своем молодом коньке обогнал последних. Услышав об этом, Бахчыгыр-Баатыр в сильном гневе сказал брату:

— Иш ты, будучи еще невидим на земле (т. е. не будучи известен людям), вступаешь со мной в состязание!

С этими словами он сильно избил своего брата. Сасыл-Бытык бежал на Алдан, где стал пропитываться охотничьим промыслом.

Однажды, погнавшись за лосем, он добрался до Верхоянского хребта. У подножья он настиг лося и заколол. Освежевал его, части мяса нанизал на рожни и стал жарить на костре. Сидя около костра, он заметил внизу струйку дыма. Удивленный этим обстоятельством, он спустился проведать, и видит пред собой женщину прекрасной наружности. Она, упромыслив целую кучу куропаток, рябчиков и зайцев, развела костер, поставила рожни, видимо, собираясь на ночевую. Разговорились. Женщина справилась у пришельца, кто он такой.

— Я вышел из Алдана, зовут меня Сасыл-Бытык, а вот здесь повалил лося. А ты что за женщина?

— Меня зовут Сасыл-Мёндююкээн, мой муж обитатель Верхоянского края по имени Абаасы-Хахыр. Ввиду наступившей темноты осталась здесь ночевать.

Женщина была замечательно красивая, и Сасыл-Бытык сразу почувствовал к ней сильное влечение. Он предложил ей пойти к его костру и там переночевать вместе, подкрепляясь мясом лося. Женщина изъявила согласие и пошла. И так проспали они под одним шалашом. Утром Сасыл-Бытык сказал:

— Ты будь моей женой и пойдем вместе на мои места, на Алдан.

— Нет, не могу. Мой муж страшный человек, убьет нас обоих. Да и взял он меня насильно.

Сасыл-Бытык стал убеждать ее, говоря, что ее муж для него не страшен и что он сможет бороться с ним.

Женщина в ответ сказала:

— Ты теперь при себе не имеешь оружия. Будет лучше, если мы, условившись, встретимся вторично. К тому времени и ты прибудешь хорошо вооруженный, и я буду готова.

Женщина указала свое местожительство. На этом они и порешили, условившись о вторичной встрече.

Сасыл-Бытык, взвалив на плечи тушу лося, пошел обратно. Но все его думы были направлены назад. Месяц показался ему целым годом. К исходу месяца он, вооружившись луком и колчаном (это выражение употребляется в смысле «вооружившись всем необходимым»), отправился в путь. Он разыскал жилище Хахыра, которое было на том склоне Верхоянского хребта. Подкравшись, стал осматривать дом. Около дверей висел колчан со стрелами и налуч. Поэтому он решил, что Хахыр сидит дома. Однако ему стало невтерпеж, и он, приведя в порядок свое оружие, стремительно вошел в дом. Женщина сидела одна. Она сказала:

— Муж уже проведал, что мы с тобой ночевали вместе, жестоко избил меня, и теперь едва сижу. Он ушел осматривать морды. Ты скорей беги!

Лицо ее было в синяках от побоев. Сасыл-Бытык сказал кратко—«Идем». Женщина поспешно оделась. Побежали. Пришлось итти на гору. Вскоре послышались сзади звуки шпор. (По словам сказителя, в старину охотники носили на но-

гах особые железные шпоры «кэсэх», которые облегчали восхождение на гору). Женщина устала и не могла поспевать за Сасыл-Бытыком. Поэтому он посадил ее на спину, на свои вьючные носилки, и побежал. Наконец кончился подъем, дальше был спуск. Мужчина воскликнул:

— Теперь я уже на склоне своего родного края!

И присел передохнуть. Вскорости прибежал и Абаасы-Хахыр. Сасыл-Бытык, захватив меж пальцев три стрелы, одну за другой выпустил их в противника. Однако Абаасы-Хахыр успел стать под прикрытие тополя. Все три стрелы, падая в одно место, пронизали насквозь тот тополь. Абаасы-Хахыр воскликнул:

— Кыратыйа толло!

Эти слова в те времена будто бы значили—оробел, почувствовал страх и больше не намерен состязаться. С такими словами Абаасы-Хахыр побежал назад. Сасыл-Бытык с женщиной спокойно прибыли на Алдан и стали жить. Питались они охотой, домашнего скота не имели. Жена родила трех сыновей. Старшего из них звали Маджыкы-Дёрёнёй, второго Кюдэн-Атах и третьего сына еще как-то...

Два старших сына стали взрослыми, а сам Сасыл-Бытык уже постарел. В эту пору из речки Таатта прибыл к ним Садырым, известный богач. Он привел в подарок Сасыл-Бытыку одного коня. Стали они друзьями. Сасыл-Бытык говорит Садырыму:

— Я живу здесь, не имея скота. Уступи-ка мне скот, который мог бы послужить основой для заведения хозяйства. В расплату за это я могу уступить тебе Сасыл-Мёндюкээн. Она прекрасная женщина, женись на ней. Она и теперь в состоянии родить. Я прошу от тебя лишь четыре головы: быка-производителя с коровой и жеребца с кобылой.

Садырым остался весьма доволен этим предложением и обещал доставить просимый скот. Пригнав четыре головы скота, он увез с собой Сасыл-Мёндюкээн. Рассказывают, что она родила и Садырыму трех сыновей, из них старший Моджукаан, средний Тисикээн и младший Нэлгэсэ.

В ту же пору в самых центральных местах речки Тааттыы[12] проживал знаменитый человек Чэнгэрэкээн-Ойун (Чэнгэрэкээн—шаман). У него было три сына, славных батыря. Одного из них звали Нэгис-Боотур, второго Туппалыйа-Тутуу и третьего Ергён-Сирэли. Так как эти сыновья были сильными батырями, Чэнгэрэкээн-Ойун одолел и притеснял весь окружающий мир. Его ближайшим соседом был Лэкэр-Боотур. Последний с Сасыл-Бытыком находился в родстве, ибо они родились от родных сестер. Этот Лэкэр-Боотур враждовал с Чэнгэрэкээном. Вражда началась по пустяковому поводу. Однажды человек Чэнгэрэкээн-Ойуна на охоте заспорил с человеком Лэкэр-Боотура. Они отнимали друг у друга перья, которыми оперялись стрелы. Человек Лэкэр-Боотура избил до смерти своего противника. Чэнгэрэкээн-Ойун, узнав об этом происшествии, принудил Лэкэр-Боотура заплатить ему за убитого мужчину виру («эрсулуутун») в сумме 40 голов скота, половину конным, а другую половину рогатым. Лэкэр-Боотур почему-то доставил только 36 голов, а четыре головы недодал. Ввиду этого Чэнгэрэкээн-Ойун обещал послать на него воинский отряд (кыргыс).

Лэкэр-Боотур, не рассчитывая устоять против Чэнгэрэкээна своими собственными силами, пришел к Бахчыгыр-Баатыру и стал просить:

— Подкрепи меня силами, дай мне из своих батырей или помоги мне найти других.

Бахчыгыр-Баатыр ответил:

— Против трех сыновей Чэнгэрэкээн-Ойуна мог бы устоять тот батырь, который сможет носить мою «дуулага-броню». За Алданом живут мои племянники

(сыновья брата). Про их доблесть я заранее предуведомлен и думаю, что старший из них Маджыкы-Тёрёнёй мог бы одеть мою броню. Отправляйся к ним и пригласи их от моего имени. Боевых коней найдут у меня.

(Рассказчик добавляет: «В те времена на войну выезжали лишь на самых отборных конях»).

Лэкэр-Боотур поехал за Алдан и передал Сасыл-Бытыку слова его старшего брата, который просил забыть старую обиду и прислать ему на помощь своих сыновей. Бахчыгыр-Баатыр велел сказать еще:

«Чэнгэрэкээн-Ойун сильно разбогател, пора нам померяться с ним силами. Одержав победу, мы вынудим его заплатить богатую дань («эр сулуута». На этот раз рассказчик поясняет—«это военные расходы»), пригоним его богатство, скот. Старшему же племяннику отдам свою непроницаемую броню».

Сасыл-Бытык ответил:

— Я сам (по возрасту) не могу принять участие в походе, а что касается моих детей, об этом они решат сами. Препятствовать им я не намерен.

Три брата согласились и поехали. При выступлении в поход Маджыкы-Тёрёнёй сел на коня дяди, Суонда-Турагаса. По речке Хааджыма отряд прибыл в долину Таатты. Здесь повстречался им парень, который верхом на трехтравой кобылице охотился. Маджыкы-Тёрёнёй воскликнул:

— Нужно этого парня использовать для окраски наших копий (т. е. убить, чтобы на нем окровавить боевое оружие).

Парень, услышав эти слова, вскочил на свою кобылицу и помчался. Маджыкы-Тёрёнёй, догнав его, ухватился было за полы его пальто из лосины. Но парень краем своей ладони перерезал свои полы и стал утекать по направлению к речке Таатте. Маджыкы-Тёрёнёй, стегнув Суонда-Турагаса, помчался следом. Однако кобылица отнюдь не убавляла хода. Вот преградила дорогу Таатта, от весенней воды наполнившая свое ложе. Парень на своей кобылице перемахнул через Таатту. Вслед за ним перескочил и Маджыкы-Тёрёнёй, но его конь задними ногами угодил в воду... Маджыкы-Тёрёнёй, быстро соскочив с коня, уже натянул было тетиву лука, чтобы пристрелить утекавшего парня, но его остановил крик подоспевшего Лэкэр-Боотура:

— Остановись! Если обернешься к нему, не будет ли он твоим кровным родичем, если пристально всмотришься в него, не будет ли он родственником тебе по плоти?

И действительно, тот парень оказался младшим сыном его матери (которая вышла замуж за таттинца) Нэлгэсэ.

Вскоре после этого Чэнгэрэкээн известил Лэкэр-Боотура о месте и времени встречи. Чэнгэрэкээн-Ойун со своими силами за день до битвы остановился лагерем в местности Тогой-Арыы. На ночь развели громадный костер, чтобы сварить себе пищу.

Старший сын Чэнгэрэкээна, набросив свою броню на пень, стал пускать в нее стрелы, приговаривая:

— Завтра точно так же я буду расстреливать Маджыкы-Тёрёнёйя!

Затем верхом на своем коне перескакивал через костер.

Увидев это, его отец сказал:

— Эх, бедняжка, смотрите, как он тут храбрится? Разве можно расстреливать крепкий щит своей души и скакать через священный огонь? В завтрашний же день ты будешь лежать мертвым, изрыгая изо рта сгусток крови величиной с печень телка!

Рано утром, когда батыри Чэнгэрэкээна, сорок воинов, поднявшись на рассвете, стали седлать своих коней, Маджыкы-Тёрёнёй со своими 30-ю всадниками, поднявшись еще раньше, с неистовыми воинскими кликами («югюрэ да юёгю») во весь опор неслись на них с копьями. Люди Чэнгэрэкээна, растерявшись, не смогли оказать им сопротивления. Лишь старший сын Чэнгэрэкээна, вскочив на своего коня, столкнулся с самим Маджыкы-Тёрёнёй. Последний, всадив свое копье в мочевой пузырь противника, опираясь на колени, приподнял его на воздух и сбросил на землю. Все воины Чэнгэрэкээна, вытянув руки вверх и склонив свои копья на землю, кричали: «Сдаемся, сдаемся». Но, несмотря на это, нападавшие успели перебить половину отряда.

Таким образом, Чэнгэрэкээн-Ойун был побежден и заплатил военные расходы своих противников в сумме ста голов рогатого и конного скота. Взяв скот, Баджыкы-Тёрёнёй со своими людьми пошел обратно. Добравшись до устья речки Хааджыма (впадает в Татту), они, празднуя победу, закололи на пищу конный скот. Устроили состязание в стрельбе из луков на дальность полета. Во время этих игр одна стрела случайно попала в коня Маджыкы-Тёрёнёй Суонда-Турагас. Конь погиб. Рассказывают, что выражая особое почтение коню, положили его тушу в колоду и оставили все это на вершине высокого мыса. Этот мыс и по сие время зовется мысом коня Суонда-Турагаса.

Когда Маджыкы-Тёрёнёй прибыл к своему дяде, Бахчыгыр-Баатыру, последний очень похвалил его, назвал «эрдином» (героем)[13] и был чрезвычайно рад. Он подарил ему 100 голов скота и свою непроницаемую броню, сказав при том:

— Я постарел, теперь ты носи эту броню, сделав ее прикрытием своей материнской души!

Рассказывают, что вскоре после этого Маджыкы-Тёрёнёй с двумя братьями переселился на Оймякон[14]. Он считается предком оймяконо-борогонцев.

(В 1930 г. этот рассказ я слышал от 70-тилетнего старика Ивана Федоровича Сыромятникова, якута Баягантайского улуса наслега «Эсэ» за Алданом, в местности Кириэс-Халльаайы).

410. ОНОГОЙ И ЭТ-ЭЛЛЭЙ

Оногой[15] имел постоянное жительство около озера Сайсары. У него был единственный сын по имени Кэлтэгэй-Тобук Аан-Тайбыыр. Одну из двух дочерей, живущую простой работницей, звали Сыспай-Сысыах (растрепанная коса), а другую, нарядную и любимую—Нурулдаан-Куо. Скота и людей у него было много.

(Дальше рассказчик повторяет общественные сюжеты о прибытии Эллэя, который у себя на родине «убил многих людей и не мог ужиться со своими», о его женитьбе на дурной дочери Оногоя, изгнании его, устройстве ысыаха и т. д. Из вариантных моментов интересны: имя Эт-Эллей, на его ысыахе жеребец пьет кумыс из посуды ымыйа, красивая дочь Оногоя давится на шее коня, Оногой беднеет, а Эллэй богатеет).

От Эт-Эллея размножились все якуты. Он имел пять сыновей:

1. Лабынгха-Сююрюк—предок Намского улуса.
2. Хадаар-Хангылла—предок Таттинского улуса.
3. Дэли-Дархан—предок Мегинского улуса.
4. Хайыллагас-Хангалас—предок Кангаласского улуса.
5. Молотой-Орхон. От его двух сыновей, Сюрдээх-Дюпсюн и Борогон-Джуорту, произошли Дюпсюнский и Борогонский улусы.

Сын Оногоя Аан-Тайбыыр обеднел. По его просьбе Лабынгха-Сююрюк, бывший белым шаманом[16], совершил моление божествам, прося об указании Аан-Тайбыыру пищи, средства к существованию. Боги через шамана ответили, что скота у него не будет и что он должен пропитываться охотой и рыбной ловлей. Поэтому шаман совершил особое моление к духу водных глубин и вселил дары божества в тальниковые стружки. Затем шаман обратился к духу богатого леса. При этом дары лесного духа были вселены в черную собаку, имеющую белую отметину наподобие ошейника.

Потомство Аан-Тайбыыра составляет ныне Баягантайский улус. Про потомков Аан-Тайбыыра говорится также, что они не должны отпускать в табун жеребца белой масти.

411. БЭРТ-ХАРА

В Борогонцах около озера Кыыс-Ханга жила женщина по имени Дурбан. От прелюбодейной связи с Лёгёй-Тойон она родила сына. Последнего звали Майыттыган.

Тогда же около озера Мюрю жил некто Тарбыах-Тиис, очень богатый человек. По поводу его имени некоторые по догадке говорят, что он, должно быть, имел очень редкие зубы, напоминающие зубья железного скребка.

Майыттыган от рождения был калекой и не мог ходить. Однажды пронесся слух, что идут какие-то войска (кыргыс). Испуганное население начало переселяться в глубь тайги. Старуха Дурбан посадила сына-калеку на санки и потащила сама. В одном месте пришлось ей подниматься на высокий подъем. Она была не в силах затащить санки с сыном. Тогда в гневе она проговорила:

— Ах, какая досада, так развезло тебя, и ты по сию пору не в силах ходить и причиняешь мне этакие муки и страдания!

Так сказав, она опрокинула санки. Сын, хотя и был калека, имел при себе пальму. Эту пальму он кинул в мать. Ее острие слегка содрало у матери кожу голени. Она заплакала.

Парень повинился перед ней и сказал:

— Говорят, материнская кровь бывает спасительна, намажь-ка своею кровью мои ноги!

Мать стала мазать своей кровью, приговаривая:

«Намазала живительной горячей кровью!

Да не спотыкаются твои суставы,

Пусть окрепнут твои главные кости!..»

Затем она подала сыну две тонкие жердинки. Парень, опираясь на эти жердинки, сам поднялся на пригорок. С того времени он совсем выздоровел. Стал неимоверно сильным, бегал с быстротой летящей птицы. Во время промысла он стал обходить огромные пространства. В озерах ловил рыбу сачком, на западной стороне Лены настораживал свои самострелы.

Старший сын Тыгына, Мёчёкё-Бёгё, услышал, что Майыттыган промышляет на западной стороне Лены. Однажды зимой он увидел в лесу следы Майыттыгана, который нес на себе огромное количество зайцев. Мёчёкё-Бёгё, быстро ехавший верхом на лошади, догнал и ударился в него сзади грудью своего коня. Майыттыган, вздрогнув от неожиданности, одним ударом повалил в снег коня и всадника. Затем приподнял Мёчёкё-Бёгё и отряхнул с него снег.

Пришедши домой, он говорит матери:

— До следующего обхода зайцев нам, очевидно, нехватит (провизии). Отсюда недалече я встретился с каким-то всадником и нечаянным ударом повалил его вместе с конем. Конь, видимо, там пропал. Ты бы пошла и приволокла того коня.

Старуха пошла и притащила всю тушу лошади. Это мясо, конечно, съели.

После того события Тыгын со своим народом, дойными кобылами и коровами, с убойным скотом, с челядью и войском перекочевал к озеру Мюрю.

Они проехали мимо озера Ханга. Майыттыган в это время около своей юрты рубил дрова. Рядом с Тыгыном ехали трое его сыновей. Тыгын, увидев Майыттыгана, сказал сыновьям:

— Подарите-ка вон тому горемыке стрелу!

Все три сына открыли стрельбу. Майыттыган все их стрелы ловил руками и разламывал.

Вот Тыгын добрался до озера Мюрю. Там на восток от жительства Тарбыах-Тиис была обширная поляна, на ней теперь стоит поселок под названием Юёс-Ыала. На той поляне Тыгын и поселился, поставив свою урасу.

Тарбыах-Тиис, опасаясь Тыгына, позвал Майыттыгана. Тот пришел, но немного погодя его зовет к себе Тыгын. Последний приказал подать гостю кумыс в чороне. Едва лишь Майыттыган наклонился к посуде, Тыгын со всего размаха ударил в него пальмой, которую до того держал взамен трости, направляя удар на верхушку темени. Майыттыган отскочил в сторону. При этом кумыс в посуде, бывший у него в руках, даже и не шелохнулся. Тотчас же Тыгын воскликнул:

— Мое дитя, ты—герой, герой (эрдин)! Я лишь испытываю тебя.

Майыттыган, обнаруживший вначале признаки гнева, быстро успокоился. Говорят, он был простодушный человек.

В это время сыновья Тыгына пробовали было натянуть лук Майыттыгана, но не смогли. Промеж себя они решили, что из этого лука Майыттыган не стреляет и таскает лишь для виду. Сыновья Тыгына попросили Майыттыгана показать свою меткость в стрельбе и резвость в беге. Вдали села плишка. Майыттыган выстрелил, полетели лишь пух и перья. В беге он опередил коня. Пробегая, он случайно задел развилистую лиственницу и сломал одну из ее толстых развилин. Рассказывают, что та лиственница лежит и теперь на мысу Кунньалатта, повалившись на землю.

Майыттыган вернулся в дом Тарбыах-Тиися. В течение двух дней со стана Тыгына никто не показывался. Тарбыах-Тиис, заподозрив в этом что-то особенное, отправил людей разведать. Оказалось, что Тыгын со всеми людьми уже укочевал, оставив на месте неразобранными половины своих урас. В это время весь караван Тыгына уже проехал летник Хатынг-Сысыы, откуда они угнали и скот с местных летников. Кругом происходила целая суматоха. Все местные обитатели с пути Тыгына угоняли свой скот в глубь леса. По пути Тыгына, не доезжая 20 верст до Лены, был один летник. Это было жительство главы соттинцев (Соттинский наслег) Бараан-Тэбинэйя. Во время прохождения людей Тыгына этот Бараан-Тэбинэй, одев волчью шапку и в дохе, держа в руках лук и пальму, стал у самой дороги, обратившись к Тыгыну спиной (этим он хотел выразить свой гнев на Тыгына).

Увидев его, Тыгын сказал:

— Ребята, вон стоит ну и крепыш, ну и славная волчья голова! Не трогайте его!

С тех пор тот летник стал называться «Бёрё-Бас»—волчья голова.

Добравшись до Лены, люди Тыгына стали строить плоты, чтобы переправить

скот. Повалив растущие деревья, сделали изгороди для скота, но несмотря на это, скот разбегался во все стороны. Из местных жителей, как рассказывают, два удальца, Ымынахтаах-Баатыр и Тёнгюргэс-Бёгё, собирали разбегавшийся скот и угоняли.

Одна корова побежала было в сторону. Это будто бы была шаманка-оборотень. За ней погнался сын Тыгына Очорбой-Хосуун. Он спустил на низ высокие голенища своих торбасов (или наколенники), чтобы ловчее было бежать, но, однако, ему не удалось настичь корову. Один витязь из местных жителей повалил его, угодив стрелой в печень.

Умирая, Очорбой-Хосуун взмолился к тому витязю:

«Ты не рассказывай, что убил сына повелителя Тыгына Очорбой-Хосууна, не черни мое имя! говори, что убил слабую старушонку, которая не смогла пригнать корову».

Люди Тыгына переправили весь скот через Лену.

412. ИСТРЕБЛЕНИЕ ТАРБЫАХ-ТИИСЯ

У Тыгына, рассказывают, был начальник войска, которого звали Болтонго. Этому человеку Тыгын дал сорок верховых воинов и сказал:

— Иди на речку Баягу и добудь там скот и прочее богатство, но Тарбыах-Тиися не тронь.

Приблизившись к озеру Мюрю, Болтонго сказал:

— Для нашего повелителя ведь важно лишь то, чтобы был скот. Если мы, истребив здешнего жителя Тарбыах-Тиися, пригоним его скот, то он, конечно, будет доволен.

Остановившись на ночлег в местности Сыырдаах, люди этого отряда заставили камлать двух шаманок. У Тарбыаха был конский пастух по имени Хоро. Этот Хоро, заметив привал отряда, спрятался и прислушался к песнопениям шаманок. Они заклинали:

«Пусть закроются зрячие глаза их,
Пусть заткнуться и их чуткие уши!..»

Эти слова напугали парня, и он, примчавшись к своим хозяевам, рассказал:

— У урочища Сыырдаах ночует отряд войска («кыргыс джоно»). Кто они такие—я не мог определить.

Сам Тарбыах-Тиис сказал:

— Это, наверное, войско Тыгына, нас не тронут.

Его сын Кёнтё-Сююрюк попробовал было настаивать на принятии мер предосторожности, так как, чего доброго, отряд может напасть и на них, но отец ругнул сына за непослушание.

В ту же ночь Болтонго окружил со своими воинами урасу Тарбыах-Тиися. Сначала открыли стрельбу сквозь покрышку урасы, а потом, ворвавшись во внутрь, начали избивать обезумевших от страха людей. Кёнтё-Сююрюк подтянулся наверх, чтобы выскочить через дымовое отверстие, но воины, ранив снизу, свалили его на острие своих пальм и копий. Кого нашли, всех убивали. От избиения спаслись только двое: младшая дочь Тарбыах-Тиися, которая успела скрыться в камышевой заросли соседнего озера, и упомянутый выше конский пастух Хоро. Этот парень, обмазавшись кровью убитых, прикинулся мертвым.

Соседи Тарбыах-Тиися поспешили уведомить Майыттыгана. Последний с двумя товарищами, Джабаган-Джуорту и Тэтэйбэт-Бэргэн, погнался следом за Болтонго. Они нагнали отряд в местности Бэйдингэ на землях 2-го Ольтекского наслега. Здесь среди ровной поляны растет сосновая роща под названием «Саадах-Бэс».

Разложив костер, варили пищу. Разгоряченные кони стояли на привязи, а весь угнанный скот пасся на поляне. Около поляны на высоком пригорке растут лиственницы. Майыттыган, подкравшись к лагерю под прикрытием этих лиственниц, выстрелил. Пущенная им стрела вонзилась около костра. Сидящие, обратив взоры на упомянутый пригород, увидели великана, который показался им не ниже окружающих его лиственниц. Все воины тотчас же бросились к коням и, погоняя скот, ударились в бегство. Однако на месте осталось довольно много скота. Майыттыган с двумя батырями собрали оставшийся скот и погнали домой. Этот скот они поделили между собой. Дочь Тарбыах-Тиися они выдали замуж за пастуха Хоро и уделили им из оставшегося скота. Впоследствии этот парень получил имя Улуу-Хоро (Великий Хоро) и стал предком целого наслега (Хоринского).

Вернув часть награбленного скота, Майыттыган снова погнался за ушедшим отрядом. Он догнал его в Мельжехсинцах, у устья речки Солы. Там, стреляя через речку, он повалил восемь коней. Воины Тыгына разбежались: часть ушла по правому берегу Лены, где их потомки образовали Восточно-Кангаласский улус, а часть, переправившись через Лену, явилась к Тыгыну.

Тыгын за избиение семьи и людей Тарбыах-Тиися выразил порицание Болтонго. Он указал, что это деяние породило очень опасную вражду. (Очевидно, здесь имеется в виду Майыттыган).

После этих событий Тыгын призвал к себе Майыттыгана и склонил его на свою сторону. Между ними установились дружеские отношения.

413. СВАДЬБА ТЫГЫНА

Тыгын взял жену для своего старшего сына Мёчёкё-Бёгё из Вилюя. Так как на эту свадьбу ожидалось много гостей-сватов из вилюйских якутов, Тыгын призвал к себе Майыттыгана и просил его показать свое молодечество на играх. Он сказал ему:

— Дитя мое, не позорами наше имя.

Майыттыган согласился и прибыл. Тыгын поставил для него особую урасу, где он жил скрытно от посторонних, питаясь в меру кумысом и сливками, тренируясь к состязаниям. Из лосиной замши сшили ему полуштанники.

Вот началось свадебное пиршество. После угощения гостей, сватов, мужчин и женщин, затеяли игры. Вилюйчане сказали, что они могут выставить со своей стороны людей для участия в борьбе и в других состязаниях.

Началась борьба. Двух силачей борцов (бёгёсю) привели, покрыв ровдугой. Поводыри, поставив их друг против друга, сорвали покрывала, а сами убежали. Майыттыган, схватив вилюйского борца за руку, рванул с такой силой, что сорвал у него руку с плечевого сустава. От полученного повреждения вилюйский борец тут же умер. Тем не менее вилюйчане утверждали, что их борец не побежден, ибо он умер, даже не сдвинувшись с места.

Перешли к бегам. Сваты привезли знаменитого скорохода, эвенка из вилюйских хребтов. У вилюйчан было много оленей. Из них девять голов они привязали на расстоянии 9 шагов один от другого. Бегунцы, приближаясь к мете, должны были перескакивать через этих оленей. Бежали с расстояния 20-ти верст. Со стороны Тыгына был выставлен Майыттыган же. Пока бегущие находились вне поля зрения публики, эвенк не отставал от Майыттыгана, но, показавшись перед зрителями, последний сразу выдвинулся вперед. Собравшийся народ, стараясь различить, кто кого опередил, закричал:

— Впереди большой и слишком черный («бэрт-хара»), это наш Майыттыган!

С тех пор его стали именовать Бэрт-Хара. Подбежав к оленям, Бэрт-Хара не стал перепрыгивать, а скакал с оленя на оленя, и всех их передавил.

После бега у Бэрт-Хара отнялась нога. Эту болезнь причинила одна вилюйская шаманка.

Когда обвинили ее в наведении порчи на Бэрт-Хара, она вызвала из его ноги гада и сказала:

— В ноге застрял один ноготок (гада), впоследствии твои потомки будут переносить болезни ног.

После свадьбы Мёчёкё-Бёгё вознамерился вступить в супружеские права, но жена вырвалась и убежала. Мёчёкё догнал ее где-то у подошвы горы и осилил на поляне под открытым небом.

Игры-состязания продолжались еще три дня. При стрельбе из луков Бэрт-Хара тремя последовательными выстрелами пронзил насквозь стесанное с обеих сторон толстое дерево.

Рассказывают, что Бэрт-Хара позже женился на дочери какого-то Хара-Хангаласа. С этой женой он будто бы прожил три года. Никаких рассказов о том, что бы Бэрт-Хара имел детей, не существует. Говорят, что Бэрт-Хара происходил из рода (или наслега) Бэрт-Уусовского. Наслегу Бэрт-Ууса в старину давали вторичное название «Борогонский».

414. ВОЕВОДА ТЫГЫНА—БОЛТОНГО

Рассказывают, что у Тыгына был один войсковой начальник по имени Болтонго.

Тыгын как-то повелел откормить одного коня в течение трех лет, чтобы потом заколоть его. Болтонго на третье лето самовольно поймал этого коня и заколол для себя. Об этом донесли Тыгыну. Последний в сильном гневе сказал Болтонго:

— Разве я в чем либо отказывал тебе? Зачем, не спрашивая у меня разрешения, ты заколол моего коня?

После этого события Болтонго, не рассчитывая ужиться с Тыгыном, с отрядом в 40 человек ушел на Вилюй. Прибыли на Вилюй, к местожительству одного богача по имени Кёлюйэ-Баай. Последний собирался отпраздновать ысыах. Жена хозяина для угощения 40 гостей приготовила кумыс, но старик (сам хозяин) сказал ей:

— Зачем ты хочешь угощать этих людей, когда мы еще не успели совершить обряд восхваления Юрюнг-Айыы (т. е. бога—Белого или святого творца. По древним обычаям якутов, до поднесения богам кумыса воспрещалось пить кумыс).

Болтонго со своими людьми ушел, но, отъехав от жительства этого богача, он решил возвратиться и наказать его. Возвратились и истребили Кёлюйэ-Баая. Овладели всем его богатством, запасами пищи и скотом, а потом пошли обратно на Лену. Среди отряда был один молодой человек. Он имел при себе большую кожаную суму, чем-то туго набитую. Эту суму он всегда держал при себе, ложась спать, клал ее около постели. Товарищи заподозрили, что в своей суме он везет скрытно от других какое-то ценное имущество. Говорят ему: «Раскрой и покажи».

Парень артачился. Пожаловались начальнику. Болтонго призвал к себе того парня и приказал показать содержимое сумы. Там среди всякой пушнины оказалась прекрасная собой молодая женщина. То была дочь Кёлюйэ-Баая. Начальник в сильном гневе сказал:

— Разве мы намеревались оставить в живых от Кёлюйэ-Баая хотя бы одно дыханье?

И приказал тут же зарубить женщину. Продолжают путь. Пришли к речке Кэнгкэмэ. Там проживал один купец по имени Ураан-Уус. Этот кузнец имел горн у самого берега речки и закаливал железо прямо в речной струе. Разговорились с кузнецом.

Он сообщил им:

«После вашего ухода пришли русские и, одержав победу, поселились среди нас... Вы же, распыляя силы, бродите по Вилюю, истребляете там жителей. Вилюйчане—народ организованный, согласный («ханыы джон»), вероятно, скоро погонятся за вами и прибудут сюда. По пути истребят и меня. Вы должны остановиться здесь и биться с ними. Я же стану изготовлять для вас оружие».

Ураан-Уус три дня ковал оружие. И, действительно, вскорости пришли люди из Вилюя. Те сорок воинов (которые были задержаны кузнецом), противостали вилюйчанам. Но, не вступая в сражение, обе стороны согласились закончить дело миром. Болтонго выдал вилюйчанам все награбленное богатство, имущество и скот. Получив все это, вилюйчане ушли обратно. Болтонго со своими людьми не пошел к местожительству Тыгына, а переправился на восточный берег Лены. Его-то люди позже стали именоваться восточными кангаласцами.

415. ЧЫНГААДА-БЭРГЭН

Был, рассказывают, предок якутов Соттинского наслега (Борог. ул.) некто Суотту. Некоторые называют его Суоттукаан. От него родился Ёнюкэй-Баай, сына последнего звали Чынгаада-Бэргэн. Этот Чынгаада-Бэргэн взял жену из баягантайцев. У его тестя был удалой сын. Однажды в осеннюю пору Чынгаада-Бэргэн с упомянутым молодым тестем (т. е. братом жены) поохотился вместе два дня. У Чынгаада был прекрасный лук.

Молодой тесть говорит ему:

— Уступи мне свой лук, ты имеешь знакомого мастера и закажешь себе новый.

Чынгаада в ответ ничего не сказал и уехал домой. Как раз на границе борогонских земель он хотел было застрелить одного тетерева, и едва лишь натянул лук, как вдруг он сломался пополам. Оказывается, кто-то нарочито (содрав берестяную наклейку) сделал надрез. На том самом месте лук и лопнул. Приписав это молодому тестю, Чынгаада стал враждовать с ним. Летом следующего года он выехал с отрядом войска и поймал молодого тестя, когда он один в озерах охотился на уток. Устроили над ним суд. Тесть ни разу не взглянул на своего зятя. Подойдя к нему задом, он отдал ему огниво с мешочком для трута, с просьбой передать его сестре. Там же его убили.

На следующее лето старый тесть, взыскивая за описанное деяние зятя, с отрядом войска пришел на Лену. В это время Чынгаада-Бэргэн, ездя верхом на необъезженном молодом жеребце, сломал себе голенную кость. Поэтому, когда его люди перекочевали на летники, находившиеся на берегу Лены, он остался лежать в тайге (очевидно, в своем зимнике) в местности Диэрэ. При нем в качестве прислужника оставался один человек по имени Моой-Ньуокку. Он стал было уже выздоравливать и был в состоянии сесть на нару. Он заранее предупредил своего человека, чтобы тот никому не говорил о его болезни. Однажды, когда Моой-Ньуокку высматривал на озере свои морды, подъехал к нему неизвестный всадник. Разговорились.

— Кто ты такой, старче?

— Я—человек Чынгаада-Бэргэна.

— А, оказывается, ты из наших родственников,—возразил ему всадник.— Дома ли твой повелитель, Чынгаада-Бэргэн?

— Эй, лежит, повредив себе ногу...

Таким образом старик разболтал действительное положение вещей. Всадник, расспросив обо всем, уехал. Это обстоятельство вызвало в старике подозрение. Вдруг показались из лесу всадники, кони которых имели берестяные маски. Старик на своей ветке изо всей силы помчался по озеру к дому. Сообщил о виденном своему господину. Последний сказал:

— Ты, наверное, рассказал им о моей болезни? Зная, что я здоров, они так поспешно не пришли бы.

Заставив оседлать коня, он приготовился к бегству. Но к тому времени вооруженные люди уже оцепили местность и приблизились к дому. Сев на коня, Чынгаада-Бэргэн бросился на запад (в сторону Лены). Полетели стрелы. В одном месте ему удалось прорваться за круг, и он погнал коня во весь опор. Враги за ним. Конь Чынгаада-Бэргэна был без выстойки и скоро начал слабеть. Поэтому на одном перелеске Чынгаада-Бэргэн свернул в сторону и, оставив коня в густой чаще около болота, сам накрылся мхом. Преследователи, потеряв след коня, возвратились было обратно, но скоро выследили коня. Поиски самого Чынгаада-Бэргэна долго оставались безрезультатными. Но вдруг они услышали крики чайки, которая кого-то гнала. Пошли, следя за ее полетами. Чынгаада-Бэргэн сразу поднялся и сел. Началась перестрелка. Чынгаада уложил трех человек из нападавших, но вслед за этим был убит и сам.

С тех пор то болото получило название «Ёлёрсюбют», т. е. место, где произошло взаимное убийство.

О Чынгаада-Бэргэне существует еще рассказ. Он воевал с намцами. С намерением отобрать от соттинцев их земли, они переправились через Лену. Чынгаада встретил намцев при переправе через протоку (ленскую) и, открыв стрельбу, обратил их в бегство.

В другой раз намцы тоже наступали с отрядом войска. Произошла перестрелка на острове Элэсин. Намцы тоже отступили.

Один намец, старик по имени Хоро, прибыл в борогонские земли и на покосном озере (алаас) «Джэбигэ» стал ловить рыбу. Чынгаада пришел с намерением убить того старика. Но старик угостил его крупными карасями. Чынгаада сжалился над ними и не тронул.

В той местности поселился Хоринский род Одейского наслега. Рассказывают, что соттинцы воевали с одейцами (теперь они в составе Намского улуса), но последние будто бы отобрали земли у соттинцев и поселились там.

416. КИРИСЭ-БЭРГЭН

В Курбусахском наслеге (Борогонского ул.) когда-то жил человек по имени Усун-Моой-Кулуттай (Кулуттай—Длинная шея). Его сын Суолльут-Болтонго (Болтонго-Следопыт) занимался скотокрадством и был очень опасный человек. Его постоянное жительство было около озера Лабаа.

Однажды в Бэрт-Усовском наслеге потерялась одна кобылица. Среди бэрт-усовцев был тоже весьма смелый и бойкий человек по имени Кирисэ-Бэргэн. О потере кобылы сообщили ему. Последний след потерянной кобылы довел недалеко до жительства Суолльут-Болтонго и затерялся там. Кирисэ-Бэргэн с тремя товарищами пришел в юрту Болтонго. На дворе стоял бык, привязанный к саням, на ко-

тором только что привезли дрова. В юрте сидела одна старуха, мать Суоллыут-Болтонго.

Кирисэ-Бэргэн сказал:

— Твой сын украл у нас кобылицу, мы в возмещение этой покражи уводим вон того быка. Пусть он и не пытается гнаться за нами.

Взяв быка, увели с собой.

По дороге Кирисэ-Бэргэн говорит товарищам:

— Суоллыут-Болтонго, несомненно, погонится за нами. Вон на том мысу урочища «Иччилээх» следует нам засесть и подождать его.

Засели и ждут. Отец Суоллыут-Болтонго, придя в свой дом, услышал, что борогонцы увели его быка. Старик пустился в погоню.

Кирисэ-Болтонго, едва завидев идущего старика, сказал:

— Вон идет, наверное, сам вор.

Выстрелил и стрела угодила старику в грудь. Узнав старика, перепугались. Болтонго, возвратившись в дом, тоже отправился в погоню. Дошел до места, где лежал его раненый отец. Он был еще жив, но сквозь широкую рану высунулись легкие. Привязав его к седлу, он вернулся. По дороге старик умер.

Вот курбусахцы снарядили воинский отряд из сорока конных людей и нагрянули на бэрт-усовцев. Отряд остановился лагерем на поляне под названием Юёттээх-Томторо и предъявил такое требование:

«Готовьтесь к бою или добровольно заплатите выкуп за грех-провинность (вашего) человека».

Бэрт-усовцы собрались на равнине Дарданг и предпочли выкупить провинность своего человека. Разложили на всех сто голов скота. Тут же вскорости собрали потребный скот и вместе с ним выдали курбусахцам двух человек, мужчину и женщину.

По рассказам, Кирисэ-Бэргэн жил при русских и был назначен ими первым судьей с маамыком. (Что значит «судья с маамыком»—рассказчик объяснить не может. Г. К.).

417. ОМОЛЛООН-БООТУР И БЫЙАНГ-ОЙУНГ

В древности около озера Тёнгюлю (в Мегинском ул.) жил очень богатый человек, шаман, по имени Быйанг-Тёнгюлю. У него было семь сыновей и одна дочь. Последняя была выдана замуж в Курбусахский наслег (Борогонский ул.).

Отец Омоллоон-Боотура, таттинец, проездом взад и вперед на Лену очень часто гостил у Быйанг-Тёнгюлю: они были большие друзья.

Однажды отец Омоллоона попросил Быйанг-Тёнгюлю побывать и погостить у него. И вот Быйанг-Тёнгюлю со своими сыновьями поехал на Татту. По поводу приезда друга отец Омоллоона заколол одну откормленную кобылицу, посадил его на самое почетное место и вообще оказал всяческие почести. Быйанг-Тёнгюлю, сидя в гостях, видит, что на наре, около двери лежит какой-то странный человек, который ни разу не перемолвился словом с гостями. Быйанг-Тёнгюлю подумал, что это наверное Омоллоон-Боотур.

Разостлав на полу юрты берестяные сандалы (особые столы на низких ножках), приготовили для гостей кушанье. Наклали перед ними много мяса.

Быйанг-Тёнгюлю, сев за стол, обратился к Омоллоону со словами:

— Сын моего друга, иди и садись с нами кушать!

Но тот на зов Быйанга не обратил никакого внимания. Когда передали ему со стола целое стегно мяса, он в несколько приемов, разрывая зубами, съел все

мясо, а кость бросил на сандалы. Быйанг-шаман, понаблюдав за поведением Омоллоона, сказал его отцу:

— Твое дитя напрасно носит имя «Омоллоон-Боотур», будет правильнее назвать его «Бороху-Сороху Боотур» (Обжора-Ненасытный богатырь).

Услышав эти слова, Омоллоон, заскрежетав зубами, острием пальмы провел по полу глубокую борозду и лег на свою нару, обратившись лицом к стене.

Быйанг-шаман, наугостившись, уехал к себе домой.

Однажды зимой целую ночь бушевала вьюга, и все дороги были занесены снегом. В эту ночь Быйанг-шаман вышел на двор по своей надобности. Утром нашли его лежащим на дворе, направо от сеней, со стрелой, угодившей прямо в его печень. Кроме того, обнаружили следы человека, который сидел в ожидании на задах снежного замета. Кто приходил и убил шамана, не смогли установить. Труп поместили в надземную гробницу-арангас.

Это событие стало забываться. Но через три года после того в начале лета, когда все кругом позеленело, один человек на восточной стороне озера Тюнгюлю сдирал бересту. В этот самый момент с востока показались два всадника. Приближаясь к упомянутому человеку, но не замечая его присутствия, они стали громко разговаривать.

Один: «Это что за место открылось перед нами?»

Другой: «Это то самое место, где наш господин Омоллоон убил шамана».

Человек, который подслушал этот разговор, об услышанном тотчас же пересказал сыновьям Быйанга. Парни тогда лишь узнали, что их отец был убит Омоллоон-Боотуром. Поэтому они, как следует вооружившись, в составе девяти человек отправились в поход. Приблизившись к жительству Омоллоона, они поймали одного его ближайшего соседа и допросили. Тот рассказал.

«Омоллоон-Боотур в эту пору обычно возвращается со своих покосов, где у него работает сорок человек косарей. Он должен проезжать по той дороге, которая пролегает между двух озер. Он привозит провизию для своих сенокосчиков».

Сыновья Быйанга поехали и засели на указанном месте. Около полудня послышалось пение человека, обладающего весьма громким голосом. «Ну, вот он едет»,—подумали. Когда тот подъехал, окружив со всех сторон, начали стрелять в него. Всадник, соскочив с коня, бросился было в озеро и исчез. Озеро было окружено камышевыми зарослями, и парни никак не могли найти то место, где он вынырнул. Тогда один парень, взяв свою стрелу, произнес моление-заклинание:

«Если нам суждено доконать нашего заклятого врага, расквитаться с тем, с коим мы имеем счеты, ты упадешь, разыскав его!..»

С этими словами парень выпустил свою стрелу вверх. Стрела упала в камыши и прямо на темя спрятавшегося человека. Вытащили его и убили.

418. БЭРТ-ХАРА И ТИИТ-БУУРАЙ

В Батагайцах (в Дюпсюнском ул.) жил знаменитый и сильный батырь Тиит-Буурай. Однажды он пришел к Бэрт-Хара с намерением померяться силами. Улучив момент, когда Бэрт-Хара выходил из дома, Тиит-Буурай неожиданно схватился с ним. У Тиит-Буурая был железный пояс. Бэрт-Хара, ухватив его за этот пояс, притянул было к себе, а потом, когда он, приподняв, хотел было повалить, железный пояс лопнул. Тиит-Буурай вырвался и убежал.

Позже Бэрт-Хара стало известно, что железным поясом обладал лишь Тиит-Буурай. По этому признаку он определил, что именно он приходил бороться с ним.

Отправился к нему и, поднявшись на высокий мыс, сел, обратившись спиной к жилью Тиит-Буурая в боевой позе быка-пороза. Но Тиит-Буурай сам пришел к нему и уговорил зайти в его дом. Там они помирились.

419. ГЕРОИ БАЯГИ И ТААТТЫ

Сасыл-Мёндюкээн, прародительница баягантайских богатырей

В древности в Баягантайцах жил, как рассказывают, очень богатый человек по имени Бахчыгыр-Баатыр, который в молодости считался выдающимся батырем. У него был младший брат Сасыл-Бытык. С Бахчыгыр-Баатыром никто не смел равняться.

Бахчыгыр-Баатыр имел двух коней, на которых он выезжал только на битву. Одного из них в числе колымного скота он взял от зятя по имени Суонта, который жил в Дюпсюнцах. Поэтому-то коня называли Суонта-Турагаса (Гнедко-Суонты). Другого коня звали Кыргыс-Магана (Бельчик-Битвы). В те времена на всякой лошади в битву не выезжали, а лишь на отборных и испытанных.

Упомянутых двух коней Бахчыгыр-Баатыр время от времени испытывал, узнавал, в каком состоянии находится их бег. Однажды, когда производили состязание этих коней, брат Бахчыгыр-Баатыра, Сасыл-Бытык, без ведома брата пустил с ними своего молодого двухтравого конька. Случилось так, что конек Сасыл-Бытыка обогнал обоих коней Бахчыгыр-Баатыра. Последний, узнав об этом, избил брата тупой стороной пальмы так, что на его теле не осталось живого места, приговаривая:

— Зачем ты умаляешь громкую славу моих коней, зачем посрамляешь мое имя!

Страшно изобиженный этими побоями, отчасти и опасаясь того, что Бахчыгыр-Баатыр может лишить его жизни, Сасыл-Бытык бежал куда глаза глядят.

В Алдан впадает речка Хандага, по ней идет дорога на Оймякон. Здесь-то поселился Сасыл-Бытык и стал пропитываться охотой, по преимуществу на кабаргу.

Однажды он напал на след трехтравого лося и погнался за ним. Лось направился в сторону Верхоянского хребта. Сасыл-Бытык гнался за зверем двое суток, настиг и убил уже на склоне янских вод. Освежевав лося, он сварил себе ужин и решил провести здесь два-три дня, чтобы основательно подкрепиться мясом своей добычи. Сидя у костра, вдруг он заметил внизу у подошвы горы струйку дыма.

«Ба, здесь, видимо, есть тоже охотник!»—подумал он. Побежал вниз. Видит перед собой женщину, которая сидела там с изрядной кучей упромышленных зайцев, белок, глухарей и рябчиков. Она развела костер и только что собиралась варить себе пищу.

— Рассказывай, как тебя зовут, женщина!

— Я буду из янских, мужа звать Абаасы-Дадар, а меня Сасыл-Мёндюкээн. Муж отправился на три дня на промысел, а я осматривала здесь ближние к дому снаряды. Застигла ночь, и думаю здесь переночевать. А кто будешь ты?—вопрошает женщина.

— Я житель центра.

(Окраинные якуты Якутский округ называют «дайды», что дословно значит «страна», но в данном случае оно значит—коренная, центральная страна якутов. Г. К.).

— На склоне Алдана занимаюсь охотой. Прибыл сюда в погоне за одним лосем. Освежевал его и тоже думаю переночевать. А звать меня Сасыл-Бытык.

Женщина была замечательно красивой наружности. Парню она очень понравилась. Оба переночевали у одного костра. Утром парень предложил женщине быть его женой, но та ответила:

— Мой муж опасный баатыр (т. е. вояка, удалец), он отличается как силой, так и резвостью в беге. Он убьет нас обоих, лишит белого солнышка.

Парень возразил:

— Мы ведь уже объединили нашу плоть и кровь. Да я и не боюсь твоего Дадара!

Женщина под конец согласилась, но с условием, чтобы он пришел за ней через месяц. Она к тому времени обещала быть наготове. Порезав свои большие пальцы, они обменялись кровавыми пометками в знак бесповоротности данного обязательства.

Парень, взвалив на плечи остаток туши лося, пошел к себе. Добравшись до устья речки Хандыга, где было его постоянное местожительство, он месяц поохотился. Ожидание исхода месяца его страшно измучило. Ровно через 28 дней он привязал провизию к себе на спинные носилки и отправился в Верхоянский край. Через двое суток рано утром добрался до жилища Дадара. Сначала издали он понаблюдал за домом. На крючках висели лук и налучи, копья и пальмы. Увидел и женщину, которая выходила на двор. Парень подумал, что муж ее сидит дома. Но, будучи не в силах дальше медлить, он, держа наготове свое оружие, влетел в дом. Женщина, держась рукой за выступ камелька, стояла как будто в глубоком раздумьи.

— Сасыл-Мёндююкээн, чем так опечалена?

— Да, муж мой собирался было итти далеко на охоту, но не пошел. Только что он вышел осматривать рыболовные морды. Скоро придет и нас обоих лишит белого света. О нашей встрече он уже догадался, ибо заметил твои следы. Он избил меня так, что на мне нет живого места.

— Прибыв сюда, я не уйду без тебя. Живей готовься, идем! Я возьму тебя на плечи, только держись крепче за шею и обхвати меня ногами.

Женщина села на него верхом, и он побежал

— Лишь бы добраться нам до водораздела Яны и Лены, тогда счастье было бы на нашей стороне.

Однако до конца подъема оставалось еще изрядное расстояние, как сзади их раздались звуки весьма острых шпор.

— Это звук шпор Абаасы-Дадара. Скоро догонит!—промолвила женщина.—Обхвати меня как можно крепче.

Побежал, что было мочи, и добрался до вершины подъема. Он крикнул:

— Урууй (ура)! Теперь счастье на моей стороне!

С этими словами он сделал еще несколько скачков вниз. В этот момент Абаасы-Дадар уже заскочил на вершину подъема и сразу одну за другой выпустил девять стрел. Но наш парень ловко увертывался, и ни одна стрела не задела его. Половину стрел Дадара он изловил руками. Вслед за тем, когда парень уже натягивал тетиву своего лука, Абаасы-Дадар закричал:

— Кырагыйа, чатый!

(Эти слова будто бы значили: устрашился, отступаю. Последнее слово, хотя и якутское, но употреблено не в надлежащей грамм. форме. Г. К.).

С этими словами он бросился назад, и звуки его шпор, постепенно удаляясь, замерли.

Женщина сказала:

— Он теперь уже не вернется.

Мужчина и женщина пришли в свою стоянку. Прожили вместе довольно долго. Однажды утром, когда муж еще не встал с постели, жена, сварив мясо, разливала суп. При этом она затянула песню, которую подслушал муж, притворившийся спящим. Она пела:

«Ах, зачем я рассталась
Со вкусной, богатой дичиной
Моего любезного Янского края?
Зачем, погнавшись за мужем,
Подобно дикому зверю
Бродящим в тайге,
Сижу, разливая здесь
Едкий суп кабарги?
Этою ночью приснилося мне:
Будто вдали на востоке
Есть дивно богатая дичью
И пищей прекрасная страна.
Ах, поселиться бы там...
Зажили бы мы по-людски!..»

Муж, прикинувшись только что проснувшимся, сказал:

— О чем это ты болтаешь, поспеши-ка с едой, а затем приготовь для меня провизию на двое суток, ибо я хочу поохотиться в дальних местах.

На следующий день, взяв на спинные носилки запас провизии, он ушел. Побежал прямо на восток, чтобы отыскать место, о котором пела жена. Пройдя день и ночь, он добрался до речки Агыйакаан, откуда начинается Оймяконский край. Всякого зверя и дичи оказалось там в изобилии. Поохотившись день и ночь, он набил столь много дичи, что пришлось ему сделать лабаз (саайбу), чтобы сложить свою добычу. На третьи сутки он уже был дома. На вопрос жены, где был, он ответил:

— Охотился очень далеко. То место чрезмерно богато дичью и зверем. Гусей и уток набил кучу, сложил в лабаз. Через два дня переедем туда.

Итак, они отправились в Оймяконский край и поселились там. Прожили тут много лет. Жена родила здесь трех сыновей. Старшего из них звали Кюдэн-Атах; говорят, он был очень проворен в беге. Средний сын Баджылы-Тёрёнёк, а младший Байагантай-Баатыр. Возмужав, сыновья стали прекрасными охотниками.

Сасыл-Бытык в Баягантайцах имел одного богатого приятеля по имени Болуо-Гююлэкээн. Однажды тот приехал в Оймякон. Увидев сыновей своего приятеля, он сказал ему:

— Ты, найдя прекрасную женщину, народил такое отличное потомство. За что же ты согласился бы уступить жену?

Их дружба была столь сильна, что они ни в чем один другому не отказывали.

— Приведи мне быка-производителя с двумя коровами, тогда уступлю тебе жену.

Болуо-Гююлэкээн, возвратившись домой, привел другу просимый скот и увез Сасыл-Мёндююкээн. В Баягантайцах она родила новому мужу трех сыновей. Старшего звали Моджукаан, среднего Тисикээн, а младшего Нэлгэсэ. Все они жили в Игидейском наслеге (тепер. Баягантайского улуса).

420. ВОЙНА БАЯГАНТАЙЦЕВ С БОРОГОНЦАМИ

В Соттинцах жила одна старуха. Она имела двух сыновей—Таас-Батыйачаана и Чынгаада-Батыра. Таас-Батыйачаан женился на дочери баягантайского Бахчыгыр-Баатыра. Он каждую осень приезжал с женой на Алдан к своему тестю и охотился вместе с его людьми в тайге за Алданом. Однажды осенью Таас-Батыйачаан тоже приехал по обыкновению и поохотился. Сыновьям Бахчыгыр-Баатыра очень понравился лук зятя, ибо последний не давал промаха. Они попросили уступить им этот лук. Зять ответил им:

— Это мое заветное и священное оружие, расстаться с ним я не смогу. Я закажу для вас точно такой же лук. У нас есть прекрасный мастер-лучник.

Те предложили ему обменять лук на лук и в придачу взять еще кобылу со взрослым жеребенком. Зять не захотел уступить лук и на этих условиях. Поехал домой.

В Курбусахцах (наслег Борогонского улуса) в роде Сарах есть озеро Тююлээий. Таас-Батыйачаан, проезжая мимо этого озера, увидел на лиственнице одного черного глухаря-самца. Соскочив с коня, он сказал жене:

— Иди-ка, почерпни в котелок воды: застрелив этого глухаря, мы здесь покушаем!

С этими словами, он натянул было тетиву, но вдруг лук треснул и сломался пополам. Тщательно осмотрев место поломки, он заметил, что кто-то, разодрав бересто и жильные наклейки, на (лиственничной) крени лука сделал надрез острым предметом. На том самом месте лук и лопнул. Парень чуть не заплакал от чувства обиды на своих родственников.

— Зачем было им портить мое заветное оружие, умаляя тем самым мое счастье-удачу? Разве это не равносильно покушению на мою жизнь?—так горевал и сетовал он.—Нет, я не уеду, не получив у них расплаты за лук!

Вместе с женой он поехал назад и, захватив у Бахчыгыр-Баатыра одного жеребца с косяком кобыл, погнал их к себе на родину. А Бахчыгыр-Баатыру просил передать:

«Твои сыновья просили у меня лук и, получив отказ, тайком испортили его. В уплату лука я взял у тебя жеребца с косяком. И не думай взыскивать с меня этот скот».

С того самого времени между ними и возгорелась вражда. Бахчыгыр со своей стороны говорил:

— Он должен был пожаловаться мне, а не приступать своими руками к моему богатству.

Однажды баягантайцы пришли войной на соттинцев, но, потерпев поражение, ушли назад. Брат Таас-Батыйачаана, Чынгаада-Баатыр, был знаменитый батырь.

Бахчыгыр-Баатыр, готовясь ко второму походу на соттинцев, выехал на Оймякон к своему младшему брату Сасыл-Бытыку просить у него помощи, ибо своими собственными силами он не рассчитывал одолеть соттинцев.

Когда Бахчыгыр-Баатыр прибыл в дом брата, все его сыновья оказались в сборе. Сам Сасыл-Бытык был занят приготовлением пищи. Бахчыгыр-Баатыр, опустившись на одно колено, одну руку вытянул наверх и обратился к брату с такою речью:

— Дорогой брат Сасыл-Бытык, к тебе я прибыл с великой просьбой. Большая нужда заставила меня прийти к тебе. Соттинские два брата, Чынгаада-Баатыр и Таас-Батыйачаан, одолели нас, баягантайцев. У меня теперь нет сил противостать им. Дорогой брат, окажи мне поддержку. Пришел я, сознавая свою прежнюю вину пред тобой.

Сасыл-Бытык возразил ему:

— В пору своего благополучия хорошо ли ты обошелся со мной, подумал ли тогда, что от меня будешь ждать помощи и поддержки?

Затем он, отвернув свой взор от брата, сказал:

— Теперь я уже не в состоянии принимать участие в походах. Вон налицо твои братья, могущие самолично оказать тебе поддержку. Упрашивай их самих!

Бахчыгыр-Баатыр стал упрашивать племянников. Он сказал им:

— С какой бы стороны ни подойти, как бы нас ни повернуть, мы с вами составляем самую близкую и кровную родню. Прошу и молю вас, окажите мне помощь и поддержку. Давно когда-то, в пору расцвета моих сил, я носил непроницаемую девятислойную броню. Теперь уже нет людей, которые были бы в силах сражаться в этой броне. Может быть, кто-либо из вас сможет одеть эту броню?

При этих словах Баджыкы-Тёрёнёй сразу изменился и обнаружил податливость к просьбам своего дяди. Когда последний еще раз повторил свои упрашивания, все три брата согласились ехать. Собрались и поехали с дядей.

Окончив приготовления к походу, Бахчыгыр-Баатыр заставил одного шамана совершить особое моление, чтобы вызвать на врагов какое-нибудь несчастье...

В это время Чынгаада-Баатыр, сбегая большими прыжками по склону западных приленских гор, упал и сломал себе кость предплечья. Наступила пора сенокоса. Все люди Чынгаада-Баатыра ушли на сенокос, а он с матерью остался жить в легкой урасе. Его болезнь усиленно скрывали от посторонних.

В те времена, по рассказам, в период войн для собирания секретных сведений имелись особые люди, именуемые «тангыал». Такой человек сообщил Бахчыгыр-Баатыру о том, что Чынгаада-Баатыр повредил себе руку и лежит, скрываясь, тамто. Получив эту весть, Бахчыгыр-Баатыр выступил в поход и прибыл с воинским отрядом на правый берег Лены.

Чынгаада-Баатыр сказал матери:

— Почему-то у меня подергивает, плохая примета, принеси-ка мое оружие!

Мать возразила:

— Эй, к чему эти приготовления? Кто же мог бы прийти на нас в эту рабочую пору?

Тем не менее она принесла ему лук, пальму и проч.

Баягантайцы уже окружили урасу. Началась стрельба. Чынгаада-Баатыр летящие стрелы захватывал между пальцев. Натягивая тетиву большим пальцем ноги, он начал отстреливаться и убил из нападавших трех человек. Баджыкы-Тёрёнёй в броне заскочил в урасу и напал с копьем. Два раза кольнул мимо и лишь на третий раз угодил прямо в его сердце. Чынгаада умер. Его глаза выкололи и положили на обрубок бревна, но они продолжали пристально смотреть на Бахчыгыр-Баатыра.

Зять Таас-Батыйачаан где-то скрылся; мелкие батыри обоих братьев тоже попрятались. Весь скот соттинцев баягантайцы угнали с собой.

Одержав победу над Чынгаада-Баатыром, Баджыкы-Тёрёнёй попросил у дяди его непроницаемую броню в возмещение своего труда.

Бахчыгыр-Баатыр сказал:

— Для меня броня то же, что и душа, она охрана моей жизни. Расстаться с ней я не в состоянии. Я предпочту отдать половину моего богатства, чем лишаться брони.

Баджыкы-Тёрёнёй возразил ему:

— На твое богатство я не зарюсь. Если мои слова остаются без последствий, то я ничего не возьму.

Дядя-старик поспешил его успокоить:

— Кроме тебя теперь и нет никого, кто мог бы носить мою броню. Когда настанет день моей смерти, то она, конечно, достанется тебе.

Три брата возвратились к себе на Оймякон. Вскоре после того Бахчыгыр-Баатыр половину своего скота пригнал на Оймякон. Два брата были очень рады, а Баджыкы-Тёрёнёй, узнав об этом, улегся на свою нару, обратившись лицом к стене.

421. ВОЙНА БАХЧЫГЫР-БААТЫРА С ЧЭНГЭРЭКЭЭН-ОЙУНОМ

Между Бахчыгыр-Баатыром, главой баягантайцев, и Чэнгэрэкээн-Шаманом, главой таттинцев, возникли раздоры, которые вызвали между ними войну. У Чэнгэрэкээна был сын Нгэнгис-Баатыр, отличавшийся большими воинскими доблестями.

Он несколько раз приходил в Баягантайцы, грабил скот и людей, уводил и насиловал женщин. Бахчыгыр-Баатыр попробовал было бороться с ним, но не имел успеха. Чэнгэрэкээн-Шаман хотя и не одобрял поведение своего сына, но тем не менее, собрав свои силы, стал готовиться к войне с Бахчыгыр-Баатыром. Он призвал к себе двух очень сильных батырей, Иргиэлэ и Ингэрчэ, которые считались его побочными союзными батырями. Бахчыгыр-Баатыр, не рассчитывая устоять против врага, опять выехал на Оймякон к сыновьям своего младшего брата с просьбой о помощи. Он говорил им, что дело клонится к тому, что Чэнгэрэкээн-Шаман совсем разорит и уничтожит баягантайцев. Баджыгыр-Тёрёнёк внял просьбам дяди и с братьями поехал.

Прибыв на Алдан, Бахчыгыр присоединил силы трех баягантайских батырей, своих союзников: живущего в местности Сасыл-Аллана, сына Ыттаах-Шамана Ондуос-Баатыра, Бэрт-Бээчээня и Клюёнтя-Бёгё. Таким образом, объединив силы шести добрых батырей, Бахчыгыр-Баатыр прибыл к себе. Собрав свои силы, они направились на Таатту. Встреча противников должна была состояться в местности Туора-Тумусах, недалеко от речки Таатта.

Баягантайцы за три дня до битвы закололи шесть голов жертвенного конного скота. Сердце с аортой, печень и легкие, нанизав на рожни, зажарили на костре. Затем в самого лучшего батыря, Баджыгыр-Тёрёнёка, при помощи шамана вселили дух смертоубийства[17]. Надев на него непроницаемый панцырь, посадили на коня Суонта-Гурагаса. Затем Баджыгыр-Тёрёнёк, примчавшись полным ходом, на скаку взял острием копья с костра сердце и печень жертвенного скота. Сделав затесы на растущих лиственницах, мазали их кровью жертвенного скота. Мазали той же кровью все свое оружие, копья, мечи... Этот обряд назывался окровавлением оружия кровью жертвенного скота.

Чэнгэрэкээн-Шаман, Иргиэлэ, Ингэрчэ, Нгэнгис-Баатыр и ряд мелких батырей в свою очередь собрались в одном месте. Нгэнгис-Баатыр имел пластинчатый панцырь. Этот панцырь он набросил на пень и, примчавшись на своем боевом коне Кюдэн-Маган, на скаку пронзил панцырь копьем и, сорвав с места пень, кинул в сторону. При этом он приговаривал:

— Мое копье пронзит панцырь Баджыгыр-Тёрёнёка, а его поступь вряд ли будет крепче вот этого пня. Завтра я смогу ратоборствовать с ним.

Его отец, узнав о таких проделках сына, разгневался на него и сказал:

— Дуралей, имеющий зрение на темени; в это опасное и тревожное время разве можно творить подобные нелепости! Ты пронзил свое заветное одеяние, этим накликал беду на свою собственную душу. На завтрашний день ты сам, наверное, будешь валяться во прахе столь же беспомощно, как молодая зарезанная корова.

На следующий день таттинцы пошли навстречу противникам на Туора-Тумусах.

Баягантайцы привязали к седлам особые снаряды, сделанные из тонких дощечек, под названием «хангылла». Эти доски при беге коня издавали сильный треск, а в обычное время доски стягивались ремнем.

Обе стороны помчались на конях навстречу друг к другу и произошла схватка. Баягантайцы при атаке неожиданно освободили свои трещетки. Испугавшись треска, кони таттинцев бросились в сторону. В это время складки панцыря Нгэнгис-Баатыра взметнулись вверх, обнажив его тело. Баджыгыр-Тёрёнёк, точно привидение, подскакав на своем коне Суонта-Турагаса, пригвоздил Нгэнгис-Баатыра в спину и сбросил его на землю. Увидев падение Нгэнгис-Баатыра, Иргиэлэ и Ингэрчэ, повернув коней, бросились назад. Вслед за ними побежали и остальные воины таттинцев.

Победители схватили Чэнгэрэкээн-Шамана. Когда хотели его убить, он взмолился:

— Вы знаете сами, эту распрю затеяли неразумные люди, имеющие глаза на темени (т. е. недальновидные, не понимающие последствий своего поступка). Главный виновник нашей ссоры вон лежит уже мертвый. Поэтому прошу и умоляю вас, по существующему обычаю, возложите на меня расходы войны («эр сулуутун»). Если убьете меня, такого старца, может изменить вам счастье, не будет и военной удачи. Прошу закончить наши взаимные счеты возложением на меня расходов.

Вняв словам Чэнгэрэкээн-Шамана, взыскали с него в пользу каждого батыря, по десять голов отборного скота (очевидно, конного), всего семьдесят голов. С этой добычей баягантайцы отправились домой.

Дух войны и кровопролития, который был вселен в Баджыгыр-Тёрёнёка, еще не вышел (т. е. дух смертоубийства, вызванный для данной битвы и вселенный в Баджыгыр-Тёрёнёка, чтобы управлять действиями, все еще продолжал побуждать его к убийству. Г. К.). Поэтому он не переставал гневаться и раздражаться. Он говорил:

— Ах, какая досада! Мы возвращаемся, убив лишь одного человека, можно сказать, и не пролив крови.

Дядя Бахчыгыр-Баатыр попробовал возразить ему:

— Ты ведь окровавил свое оружие, убив нашего непримиримого врага, это во-первых, принудили заплатить расходы войны—во-вторых, получили громкую славу победителей—в-третьих. И ты, несмотря на все это, продолжаешь быть недовольным?

Старик (дядя) ехал на Суонта-Турагасе, а Баджыгыр-Тёрёнёк имел под собой Кыргыс-Магана.

— Экая невидаль—получить расходы войны! Я могу окровавить свое оружие и на тебе самом!..

С этими словами Баджыгыр-Тёрёнёк уже натянул тетиву своего лука. Конь старика помчался во весь мах. За ним полетела и стрела. Благодаря неимоверной быстроте коня, стрела снизила и, пронизав ляжку коня, выскочила за подпругой.

После выстрела дух кровопролития вышел (т. е. Баджыгыр-Тёрёнёк стал владеть собой). В местности Тиитгээх, что недалеко от р. Таатты, раненый конь пропал. Поэтому это место стало известно под названием Суонта-Бастаах (т. е. урочище, где находится голова коня Суонта).

Некоторые люди про гибель этого коня рассказывают иначе. Говорят, что будто бы Чэнгэрэкээн-Шаман выстрелил в отъезжающих врагов невидимой бесовской стрелой, которая угодила в коня.

Бахчыгыр-Баатыр на этот раз одарил своего племянника, Баджыгыр-Тёрёнёка, своей непроницаемой броней. После того Баджыгыр-Тёрёнёк с братьями, счастливые победой над своим заклятым врагом, отправились на родину.

422. МЕСТЬ ШАМАНА

Остальные три батыря, Ондуос-Баатыр, Кюёнтэ-Бёгё и Бэрт-Бээчээн, получив свою долю из военной добычи, разъехались по своим домам.

Через некоторое время Чэнгэрэкээн-Шаман, призвав Иргиэлэ, Иргэрчэ и других своих батырей, прибыл на Алдан и сделал на ночь привал на западном берегу. Целую ночь шаман не переставал петь заклинания. Спутникам шамана казалось, что будто он, воткнув на вертел окровавленное сердце и легкие человека, жарит их на горячих углях. Утром он сказал:

— Наши желания уже исполнились, мы теперь можем возвратиться.Я низвел на землю дочь облаков и заставил ее поселить раздор среди наших врагов[18].

Рассказывают, что после этого три батыря, которые жили на Алдане, затеяли междоусобную борьбу и истребили друг друга.

Этот рассказ я слышал от Петра Заболоцкого, якута 1-го Баягантайского наслега, в 1922 г. Ему в то время было 70 лет.

423. БЫЙАНГ-ОЙУН И БОРОХУ-ОМОЛЛООН

В Бологурцах на Амге жил человек по имени Баай-Омоллоон. Он очень дружил с мегинским шаманом Быйанг-Тэгилгэ. Проездом на Лену Баай-Омоллоон часто бывал у последнего, встречал постоянно очень радушный прием и щедрое угощение.

Однажды этот шаман выехал к Баай-Омоллоону погостить на несколько дней. В честь его приезда Баай-Омоллоон устроил ысыах. У Баай-Омоллоона был один удалой сын. Шаман упрашивает друга показать ему этого сына. Тот ответил:

— Он живет недалеко и скоро придет.

За сыном отправил человека. Рано утром шаман увидел на последней наре человека огромного роста, нога которого целиком свешивалась на пол.

Вот начался ысыах. Разложили берестяные сандалы (стол), расставили увешанные конским волосом чаши (с кумысом). Быйанг-Шаман, заняв (почетное) место за столом, попросил позвать сына Омоллоона, но тот не подошел. Шаман распорядился подать ему заднее стегно конины. Поданное мясо тот съел в несколько приемов, отрывая куски зубами, переломив кость руками, высосал костный мозг, а обсосанные кости кинул в угол около двери. Глядя на все это, шаман сказал:

— Оказывается, сынок ваш в пище довольно обжорлив и неразборчив, отныне ему приличествует именоваться Бороху-Омоллоон (омоллоон-обжора).

Парень, молча выслушав эти слова, вышел на двор.

Шаман Быйанг, веселый и радостный, возвратился к себе.

Быйанг имел одного знаменитого коня, которого постоянно держал взаперти в своих сенях. Кроме того, снаружи был еще особый караульный.

Немного спустя после посещения Быйанга, Бороху-Омоллоон приехал к его местожительству. Ночью он поймал караульного человека и одним пинком в область печени убил его. Затем он вывел коня. Как раз в этот самый момент старик Быйанг, выйдя на двор, заметил отсутствие коня и закричал:

— Чье отродье? Кто увел моего коня?

Бороху-Омоллоон уже успел сесть на коня и, обернувшись, выстрелил. Стрела угодила в печень шамана (дословно—«в черную печень»). Одновременно он закричал:

— Это я, Бороху, Бороху!

Прохворав от полученного ранения, шаман умер. В предсмертном слове к своим сыновьям он просил их разыскать убийцу Бороху, его отрезанную голову, сердце и печень положить в гроб к нему. В заключение он сказал:

— Если вы не исполните моего желания, то я вам не дам житья.

Сыновья положили тело отца в надземную могилу, арангас. Но человека, который носил бы имя Бороху, они нигде не могли разыскать. Но один из их людей сообщил, что Быйанг-Шаман такое имя дал сыну Омоллоона и что поэтому убийцей шамана должен быть он.

И вот сыновья Быйанга, собрав сорок человек конных воинов, поехали сразиться с ним. У Бороху-Омоллоона был младший брат по имени Ючюгэй-Мюлюйэ. Он жил около озера. Время было весеннее, когда лед на озерах только что разошелся. Добравшись до жительства этого человека, сыновья Быйанга решили поймать его и допросить, не он ли искомый Бороху. Но тот успел выбежать и бросился в озеро. Все сорок всадников, окружив озеро, стали пускать стрелы, но ни одна из них не могла попасть в пловца, ибо он нырял точно утка. Сорок человек уже выпустили все стрелы и лишь младший сын Быйанга, очень плохой парень, еще не принимал участия в стрельбе. Перед отъездом ему вручили было все вооружение отца. Под конец братья велели выстрелить и ему. Он с заклинанием выстрелил, не целясь, просто в небо. Стрела, взвившись вверх, при обратном падении угодила пловцу как раз в отверстие шейного позвоночника. Вытащив убитого на берег, отрубили голову и вынули сердце и печень. Привезли все это с собой и погребли вместе с отцом.

Сам Бороху-Омоллоон вскоре после того сошел с ума. По рассказам, его свел с ума дух убитого им шамана.

У него был друг по имени Бёгё-Мюёкюйэ. Они были неразлучны, вместе охотились и проживали. Бёгё-Мюёкюйэ превосходил Бороху-Омоллоона как силой, так и своим геройством в битвах. Бороху находился в любовной связи с женой друга. Любовница не переставала твердить Бороху:

— Убей мужа и мы будем жить с тобой вместе.

Бороху сначала не соглашался и говорил:

— С какой стати я буду убивать друга, и к тому же человека, превосходящего меня по своим качествам?

Но женщина неотступно продолжала упрашивать, так как де ее муж иначе убьет их обоих. В одно время она сказала:

— Мой муж завтра отправляется на Амгу. Ты иди туда раньше и подстереги на утесах Амги, а я же постараюсь обезвредить его оружие.

Бороху наконец согласился. Когда муж заснул, жена налила в его колчан со стрелами воды и заморозила. Бороху заранее пошел на Амгу и засел у самой дороги в прибрежных утесах. Когда Бёгё-Мюёкюйэ проходил мимо, Бороху открыл по нему стрельбу. Девять стрел пролетели мимо. Бёгё-Мюёкюйэ схватился было за лук, но когда он начал вытаскивать стрелы, ни одна из них не вынималась целой, ибо все они крепко примерзли в воде. Бороху бросился на безоружного противника и заколол его.

Когда дело было сделано, он раскаялся в своем поступке и страшно горевал о погибшем друге. Он вернулся домой озлобленный на свою любовницу и отрубил ей голову.

Однажды он, ездя верхом на коне, взятом у шамана Быйанга, повесился на дереве. Обвязав вокруг шеи конец конского повода, он перебросил коня через развилину большого дерева и сам повис, уравновесив тяжесть коня.

424. ПРЕДКИ ЯКУТОВ ОМОГОЙ И ЭЛЛЭЙ

В нашем районе рассказывают, что Эллэй, будучи маленьким ребенком, играл на воде, сев верхом на обрубок бревна. Было время весеннего половодья, прибыла вода и ребенка унесло водой. Этот-то ребенок и был найден людьми Омогоя и воспитан последним в составе его челяди. По рассказам, он происходил из бурят.

Когда Эллэй входил в дом, у Омогоя тряслись кости. На это обстоятельство обратила внимание жена Омогоя. Она вручила мужу чорон с кумысом (очевидно, в присутствии Эллэя). Омогой разволновал кумыс и часть разлил. Поэтому они посоветовались между собой и решили выдать за Эллэя замуж одну из своих дочерей. Одна из них мочилась с такой силой, что на (твердом) пригорке ее моча пробивала яму, а другая дочь мочилась лишь с пеной. Эллэй взял первую из них, думая, что сильное испускание мочи предвещает большую плодовитость. Огорченный таким выбором, Омогой дал дочери одну рыжую корову и кобылу такой же масти.

Омогой имел одного сына Аан-Тайбыыра. Он считается предком Баягантайского улуса. После смерти Омогоя Эллэй отобрал от его сына весь скот, а самого прогнал на Алдан.

Старшего сына Эллэя звали Намылга-Сююрюк. Он был первым шаманом светлых духов (белым шаманом). Говорят, он впервые установил обряд летнего ысыаха, завел кумысную посуду и различные обиходные орудия, какие имеются у якутов. Иные рассказывают, что будто бы в день ысыаха, устроенного Намылга-Сююрюк, с неба спустился целый табун конного скота, отчего в дальнейшем и разбогател Эллэй.

Другой сын Эллэя, Хатан-Хатамалай, стал предком Таттинского улуса.

Третий сын с каким-то дополнительным прозвищем стал предком Намского улуса.

Четвертый сын Сюрдээх-Дюпсюн—предок Дюпсюнского улуса.

Пятый сын Буор-джиэ-Борогон—предок Борогонского улуса.

Шестой сын Хатыс-Хангалас—предок Кангаласского улуса.

Был еще сын Бэрт-Мэнгэ—предок Мегинского улуса.

Порядок старшинства сыновей Эллэя неизвестен, за исключением Намылга-Сююрюк, который признается самым старшим. Про женитьбу и потомство Намылга-Сююрюк нет никаких рассказов.

VIII. О ТЯЖЕЛОМ ПРОШЛОМ РАБОЧИХ СИБИРИ

425. ПЕСНЯ ПРО БЫЛОЕ НА КАРЕ

На недавних годах на Карийских промыслах
Царствовал Иван. (2 раза)
Не Иван Васильев Грозный,
Он—начальник власти горной,
Разгильдеев сын. (2 раза)
В наказанье сего края
Его бросило с Ултая,
Верно, за грехи. (2 раза)
Он с начала поступленья
К генералу донесенье
Подал от себя: (2 раза)
«Кара реченька богата,
В один год сто пудов злата
Я берусь намыть». (2 раза)
Им представленная смета,
И с весны того же лета
Начался разрез. (2 раза)
Со всех рудников завода,
Со турецких со походов
Партиями шли. (2 раза)
Из Петровского завода
Пришло разного народа
Сто пять человек. (2 раза)
Из Кумары, с Акатуя,
Лишь беду эту почуя,
Все шли на Кару (2 раза)
С благодацкой власти горной.
Но тот был народ покорный—
Плакали, да шли. (2 раза)
Опустел завод Нерчинский
И промысел Култулинский:
Народ был в Каре. (2 раза)
Завод Шилкинский народный
Под Шилкинским небосводом
Беспардонным слыл. (2 раза)
Так зовут их ухорезы,
Перестали делать трезы,
Как бывало встарь. (2 раза)
Но как только услыхали,
Что в Кару их назначали,
Все поджали хвост. (2 раза)
Лишь вода в Каре открылась,
Тысяч пять зашевелилось
Рабочих людей. (2 раза)
Разгильдеев всех ласкает,
Всем награду обещает,
Кто будет служить. (2 раза)
Надмекнул, за что награду,
А другому чего надо,
Для того рожден. (2 раза)
Кто с душою был чугунной,
Получил галун мишурный
Просто ни за что. (2 раза)

Старик Пимонов листился,
Он на деле отличился,
Показал пример. (2 раза)

Он один средь многолюдства
Показал свое искусство
В деланьи горшков. (2 раза)

Для начальника лихого
Сделал латку для жаркого
Мерой шесть аршин. (2 раза)

Еще к столу прибавил,
Тут же латку помуравил,
Получил галун. (2 раза)

Он и корни, он и травы
Сбирал дворни для поправы
Разгильдеевой. (2 раза)

Вот любимая ухватка—
На заре больше десятка
Потчевал плетьми. (2 раза)

Он винит, што поздно встали
И што мало сработали,
То, никак, стоят. (2 раза)

От его такой ухватки
Бегли в сопки без оглядки
Рабочий народ. (2 раза)

На разрезки соберутся,
Слезой горькою зальются,
Как примут урки. (2 раза)

Попадет сажень тугая,
Одна галечка сливная,
А урок отдай. (2 раза)

Не берет ни клин, ни молот,
А к тому же общий голод
Сделал всех без сил. (2 раза)

Кто с печали, кто с заботы,
Больше с каторжной работы
Мерли наповал. (2 раза)

Верхний промысел в ту пору
Он имел переговоры
С Разгильдеевым. (2 раза)

Уставщик Павел Икимыч,
А щегерь Панфилыч
Просто были псы. (2 раза)

Его молотком врасквас
По затылку один раз
Ссыльной отпустил. (2 раза)

И Терентью той порой
Продолбили нос кайлой,
Выбрали зубки. (2 раза)
Не один там надзиратель,
Но, конечно, сострадатель
Нашелся другой. (2 раза)
Борков щегерем считался,
Но не мене отличался
Пашки Палача. (2 раза)

Исполнители угрозов—
Борков-щегерь и Морозов
Ждали все наград. (2 раза)

Вдруг награда подоспела,
В наказанье моль отъела
Нос уставщика. (2 раза)

У них щегерь удавился,
А Морозов отравился,—
Вот награда злым. (2 раза)

Лучьев так лишь забывался,
Часто богом назывался,
Но господь терпел. (2 раза)

Он терпел точно до время,
Принабрал таких беремя,
Бросил прямо в ад. (2 раза)

Где Шабанко, где и Краус,—
Все забились под чихаус
От такой беды. (2 раза)

Но Краус парень хват,
Говорит: «Меня хоть в ад,
Я вас допеку». (2 раза)

Его молотом врасквас
По затылку десять раз
Ссыльный отпустил. (2 раза)

Отдохнув, писать решился,
И на чем остановился,
Право, позабыл. (2 раза)

Мы забудем люто время,
Мрачное и злое,
Скажем, как живем. (2 раза)

Где Иван нонче Великой?
Он в пустыне мрачной, дикой,
Кается в грехах. (2 раза)

Оправданье не примают,
Черти душу отнимают,
А он не дает. (2 раза)

Встаньте, братья, помогите,
Отнять душу пособите...
Они не встают. (2 раза)

426. (ВТОРОЙ ВАРИАНТ)

Вот в недавнишних годах
Во Карийских промыслах
Царствовал Иван.
Не Иван Васильич Грозный—
Он начальничек был горный,
Разгильдеев—сын.
Сначала заявленье,
Муравьеву донесенье
Подал от себя:
«Возле реченьки богатой
В одно лето сто пуд злата
Я берусь намыть».
Кара-речка помутилась,
Тысяч пять пошевелилось
Рабочих людей.
С Петровского завода
Пришло разного народа
Сот пять человек.
Мы, крестьяне, услыхали,
На Кару нас назначали,
Плакали, да шли...
Мы к разрезу соберемся,
Слезьми горькими зальемся.
Урки зададут—
Одну сажень и другую
Одну галечку сливную,
А урок отдай:
То-и-день, то-и-банка.
Старик Симон избесился,
При народе отличился,
При народе отличился,
Наделал горшков.
Для начальника лихого
Сделал латку для жаркого.
Мерою аршин.
Получил галун мишурный,
Настоящий крест чугунный
Ровно ни за что.

427. (ТРЕТИЙ ВАРИАНТ)

Во недавних годах,
На Урюмских промыслах
Царствовал Иван,
Царствовал Иван.
Не Иван Васильич Грозный,
Он начальник был он грозный—
Разгильдеев сын,
Разгильдеев сын.
Он с начального вступленья
Генералу донесенье
Сделал от себя,
Сделал от себя.
Вот урюмска речка богата.
В ней и злата есть богато,
Я берусь намыть,
Я берусь намыть.
Вот Урюм, Амазар
Завели себе базар
Пропащих быков,
Пропащих быков.
Там пропащих быков били,
По пяти фунтов делили
Рабочим людям,
Рабочим людям.
С Кутумару и с Дучару
Они пили горьку чару,
Все шли на Урюм.
Все шли на Урюм.
А с Петровского завода
Пришло разного народа
Сто пять человек,
Сто пять человек.

428. ПРО ЗАРАБОТКИ

Лет семнадцати парнишка
Хотел в городе прожить.
Не пожил он года два,
Отец пишет со двора.
Отец пишет письма строги:
«Приезжай уж, сын, домой,
Приезжай же, сын, домой,
Вези деньги за собой».
Он пошел тогда в контору:
«Пожалуйте мне расчет».
А в конторе рассчитали,—
Ни копейки не пришлось.

Из конторы выходил,
Кулаком слезу утер.
Всю дороженьку он ехал,
О расчете тосковал.
О расчете тосковал:
«Где я деньги подевал?»
Вот приехал он домой,
Отец с маменькой бранят:
«Ой-ты, сукин сын, мошенник,
Где ты деньги подевал?»

«Дороженька очень длинна,
Очень дороги харчи»,—
Захотел он оправдаться.
На него кричат: «Молчи!»
Он из хаты под забор,
А сестрица вслед за ним.
«Чего, братка, спустил нос,
Верно, денег не привез?
Поживи, браток, в деревне,
Поноси рваных лаптей
Да покушай кислых щей».

ПЕСНИ ЛЕНСКИХ РАБОЧИХ

429

Нас на прииск нанимали,
Нам задатки выдавали,
Нас, как каторжных, погнали,
Нас на прииск пригоняли,
Нам инструмент выдавали:
По лопате, по кайле,
По чугунной по балде,
По широким по бродням.
Погуляйте, девки, с нам.
Поглядите, щегоря,
Как гуляют шахтеря.
Они умеют гулять и работать,
А вы нас—угнетать.

430

Ты, картошка моя—
Сибирское яблоко,
Куда котишься?
К Галкину попадешь—
Не воротишься.
Галкин приставом был,
Рвану шляпу носил,
А исправником стал,
То касторову достал.
Савинова и Белозерова
Ей прикрывал.
Хоть и руки в крове,
Да морда в вине.

431. ПЕСНЯ О ЛЕНСКОМ РАССТРЕЛЕ

Терещенко-палач
Путиловской крови напился
И на Лену возвратился,
На Лене крови напился,—
На Путиловский возвратился.

А его за это наградили:
Бочку золота налили.
А что рабочих побили—
Не беда:
Их снова народит земля.

Тут вся она была в рифму, как по Лене он (Терещенко) ехал, стремился, мол:

«Рабочих разобью—
Себе славу приобрету.

В новый салон
Жену молодую приведу».

Ой, какая песня-то хорошая была, так уж пряма-а!.. Там было еще о том, что:

«Со славой той
За границу поедем.

Ты, моя жена,
Дорога нам широкая».

Тут так рифма ловко была.

Терещенко катился,
В Качуге остановился.
Белозеров не зевал—
Телеграмму посылал.

А Савинов старался,
Весь он отрепался:
Пекли пироги.
Справа, слева заходи!

Ой, какая она была хорошая песня, да в рифму.

«Закатили мы пир
На весь мир.
Мы карымцев—
Изведем,
Вновь рабочих наберем».

Старых приисковых рабочих называли карымцами. И Тоболь поминали. Много было тобольских участников.

«Поселенцев нам не надо,
Нам и хватит чалдонья.
Мы чалдонов наберем—
С ними Каралон весь разберем».

Тогда открылись Каралонские прииски.

«Нам Терещенко поможет:
Всех карымцев в землю сложит».
Карымцы черные,
Как звери,
Быстро в землю полетели.

А вот тут так:

А карымцы восстают.

Тут так получается, что:

Все могилы взорвут,
Встанут мертвые
И вам не сдобровать!

Ох, песня-то была!

А с Терещенко первым
В могиле побывать.

Вот так вся в рифму, в рифму!

Это вам будет такой урок,
И горький вам будет
Савиновский пирог!

Они пироги там пекли. Ох, какая она хорошая песня была! Быстро-быстро вспомнишь, а потом опять забудешь.

От Севера до Запада
Песня прогремит.

Тут как раз задет самый момент:

Первый залп раздался...

Ужасно меня в жар бросает: обидно, что слов не помню. Можно было кого-нибудь попросить, чтобы переписали песню, но тогда страшно было.

От Севера до Запада
Песня прогремит,
И в ней рабоча кровь бурлит:
И Терещенко, Сазинова,
И Белозерова
Не пощадит,
С корнем вырвет
Ихне кодла...

Кодла—значит всю родову, у нас говорят: «У, проклята кодла»—родова, значит.

И в могилу погрузит.
И на Лене, на могиле...

Тут как-то ловко про право рабочих, потом про умерших, про убитых, что от праха в их сознании восстают.

От Севера до Запада
Победы громко песню
Пропоют,
От Севера до Запада.

Ох, какая песня была! Это же рабочие сложили!

От Севера до Запада
И на Лене на могиле—
Там же большая братская могила!

Ихни прахи

Или

Ихни мысли восстают — И громку песню о победе пропоют.

Вот как тут—гром победы... Тут еще поминается.

От Урала до Алтая — До широкого Алдана...

Придется оставить ее. Может быть, кто-нибудь вам попадет,—полностью скажет.

Конец этой песни такой:

И внуки, правнуки
Имя Терещенко проклянут,
А вам, подлецам,
Не миновать (гибели).
Не вашим детям,
Так вашим внукам,
Не внукам,
Так правнукам
Достанется пить
Из этой горькой чаши,
Которой вы поили
Рабочих Ленских приисков.

Это последние слова этой песни.

Сперва в ней то, что Терещенко получил вознаграждение, а потом уже, как классовая месть в этой песне была.

Слышала эту песню я, когда возвращались приискатели с Ленских приисков, в Иркутске, в 16 году, на вокзале слышала ее. И так ее приходилось слышать. Ее пели.

Мотив у ней склонен был, как у русской песни «про долюшку женскую» и про бедняка. Она длинная песня. Слыхала ее я и в 17 году в Иркутске, и в 18 году. Муж мой выехал в 15 году с приисков. Он рассказывал эту песню. Муж ее полняком знал. Кто сложил? Рабочие сложили. Автора ее не было.

Не слыхала ее я нигде, кроме как от ленских рабочих, ни в книжках, ни в брошюрах, ни в записях. Может быть, она и есть где, подберется в точности, полняком запишите.

432. ПЕСНЯ БАТРАКА

Я с молодых лет
Во чужих людях взрос,
Много горюшка снес
Во чужих во людях.
Все журят и бранят,
Утром рано будят,
На работу турят.
Велят пашню пахать,
Моих сил нехватат.

433

Многомудренные, многокудренные,
Они сукна ткут
Во двенадцать рук.
Они сукна спотыкали,
Кафтанишки спошивали,
Барским коням на препоны,
Мужикам на балахоны,
Курвам-дьяконицам
На повойнички,
Как поповским дочерям
На подвязки к рукавам.

434. ЗОЛОТАЯ КАРТЕЧЬ (Сказка)

На одном прииске жили два друга, одного звали «Карачун», а другого запамятовал. Карачун это не имя, а просто так, прозвище. Имя его-то, бог знает, кто и знал. Карачун был мужик не жадный, когда што попросишь у него, он всегда дает, только пьяница был, чорт знает, какой. Когда пропьется, так в одних подштанниках домой придет. Ну, зато уж и мастер своего дела: как зимой нет работы,—он в тайгу, да к весне фунта два золота и тащит. Мужичонка был приземистый, крепкий. Другой раз идешь,—мороз, а ему—море по колено. А другой, наоборот, скупердяй, да и мало зарабатывал. А все-таки к концу месяца у них одинаково оставалось: тот пропьется, а этот проживется. Так и жили понемножку дружки. Только интересно, как они жили. Какая пара белка и волк? Белка все запасает, а волк наестся, да и дай бог ноги.

И вот однажды на прииске не стало работы. Зима уж больно холодная была. Как плюнешь, так плевок до земли не долетит, а замерзнет и падает уже замороженной кулдышкой.

Вот Карачун и говорит своему другу: «Пойдем, мол, счастья искать в тайгу». А тот хоть не шибко охотник был до ходьбы, до тайги, да уж шибко верил он в карачуново счастье, взял да и согласился. На завтрашнее утро они и отправились, захвативши с собой все, что полагается, чтобы жить таежному человеку.

Вот вышли они. Мороз-то, чорт знает, какой, и солнце как в тумане. Одели лыжи, да и пошли. За Карачуном след ровный,—сразу видно, что человек привычный,—за другим-то што твоя дуга, то туда повернет, то туда повернет, то свернется где-нибудь с лыж, да и уткнется в сугроб.

Шел, шел он так, падал, падал да и давай дружка просить: «Научи!»—говорит. Тот, конечно, быстро растолковал ему всю махинацию—так-то и так, да и тот пошел.

Вот шли, шли они, видят: полузамерзшие тетерева сидят, хоть руками бери, как сонные. Видят они, что мороз все сильней и сильней да и давай искать себе ночевку, ну и нашли в скале ямину. Натаскали дров, разложили костер, да и давай тетерей жарить. Жарят да едят. Наелись. Карачун-то спать улегся, а тот догадался, потеплее устроился, взял да и нагреб углей около стены каменной. Костер-то был у них на песке.

Стена грелась, грелась, да как начала лопаться, точно с пулемета и поливает по другой стене, а камни отскакивают да опять обратно летят. Дружки-то еще успели выскочить, а вещи-то не вытащили,—так у них много убытка стало. Погнуло камнем берданку, мешки порвало, манерки покалечило. Как будто пустяки, а таежному человеку без этого никак нельзя жить. Починились они, поругались, от Карачуна дружку досталась оплеуха, другая, да и пошли дальше путь продолжать.

Вот идут, идут, да и пришли к тому месту, где у Карачуна давно на примете золото было. Честь по чести устроили балаган, денек отдохнули, да и принялись за работу. Первым долгом забили шурф на косогоре и давай золотишко пробовать. У Карачуна лоточек маленький с собой. Нагреб он в него песку да и давай смывать. К этому времени как раз оттепель и началась. Вот смывает он, а дружок его тут же сидит, посматривает. Сыплет он песок, а золото так и заблестело на лотке. Да не то, чтобы мелочь, а большие самородки—по грамму, по два. У обоих глаза разгорелись. Карачун-то еще ничего, а дружок-то его совсем зверем стал: то засмеется, то заплачет от радости. Подумать только—с одного лотка столько золота!

Вот пожили они там недельки полторы. Золота намыли подходяще да и стали собираться домой. Вот Карачун спросил дружка:

— Ты,—говорит,—куда золото денешь?

А тот отвечает:

— А что?

— Я знать хочу.

— Лавку открою, торговать стану.

— Нашего брата обдирать?

— А тебе кто не дает заняться тем же?

— Не хочу. Перво-наперво, приду, отложу безногому на жисть. Потом на всю братию: ведра три горькой, такой пир устрою, что чертям душно станет.

Тут-то дружку карачунову и стало не по себе.

— Все зря распустит,—подумал он.

— А дальше?

— Дальше, как бог даст.

«Дурак,—подумал дружок.—Зачем ему тогда и золото». Поговорили они так да и пошли домой. Шли они первый день, Карачун видит, что дружок его что-то задумывает, насупился, и как бы борется с самим собой. Он немного стал осторожнее, впереди не идет, а почаще посматривает на дружка своего. Тот, видно, тоже заметил да и давай запутывать свой грех, повеселее стал, поразговорчивее, а сам все-таки думает как бы его хлобыснуть. Дело к вечеру подвигается, собрались они ночевать. Постлали веток, костер разожгли и начали мясо жарить. Нажарили, стали закусывать. Тут-то дружок и вынимает спирт, который припрятал раньше. У Карачуна глаза разгорелись, а все-таки смекнул, что не ладно. Ну, начали они выпивать, нальют да и оба выльют в снег, а вид подают, что как будто пьют. Один одного обманывает. Встали они после выпивки, шатаются, как будто пьяные, а на самом деле ни-ни. Вот дружок увидел, что не удалось ему обмануть Карачуна, взял да и лег спать, как будто пьяный.

Карачун сидел, сидел, да и тоже начал дрыхнуть. Дружок-то увидел, что Карачун заснул, подтащил к себе берданку, да и пальнул по Карачуну. Тот схватился, простонал, перевернулся и затих. Дружок вскочил, схватился за мешок Карачуна и начал из него все вытряхивать. Нашел золото и склал все себе в мешок. Тут-то его и взял страх: куда ни взгляни, везде ему Карачун ворочается, ворочается и затихнет. Схватил он со страху монатки, да и дунул, да так дунул, что на коне не догонишь. Бежит, бежит, упадет, отлежится, да опять бежит. Наконец, до того себя измучил, что заснул.

Добрался он домой. Первым долгом пришел, наелся, выпил немножечко и дрыхнуть. Выспался, встал, пошел продал золото и начал мароковать до зимы магазинишко, чтобы зимой были деньжонки, на случай, чтобы за золотом итти. Летом нельзя—так заберешься и не выберешься.

Так оно и вышло: до зимы торговал, людишек собрал, да и за золотом. Нанял мастеров и инженеров. И что же? К концу зимы там уже прииск расстроился. Хозяин ходит с большим брюхом. Не сотни, а тысячи каждый день в карман ложит.

А Карачун, после того, как его дружок стукнул, притаился и лежал, как будто мертвый. Дружок ушел, а он после того встал—у него только рука прострелена была—и пошел.

Шел, шел, да и упал. Это от крови у него слабость сделалась. Полежал, встал, да так несколько раз. Идет. Слышит—дым. Пришел на дым, подошел к бала-

гану, да и свернулся около него, а проснулся через три месяца, начал помаленьку выздоравливать.

Выздоравливает он, а сам думает, как бы ему отомстить своему дружку, да и надумал. Собрался он, взял ружье, зарядил патрон и пошел на прииск. Пришел туда, расспросил про хозяина и стал ждать удобного случая.

И вот идет однажды Карачун, увидел своего дружка, тот в баню пошел. Увидел, да и чуть узнал: растолстел, осанистый стал. Карачун и думает: «Обожди, узнаешь ты у меня, как за чужое добро хозяином быть». Дружок в баню пошел, а он около бани ходит, посматривает, как бы не проворонить. Вот выходит хозяин из бани, Карачун тут же, посмотрел на него, прицелился, да и стукнул из берданки. Хозяин застонал и повалился. Карачун скрылся, а здесь закричали: «Доктора, врача давайте!». Пока врач приехал, хозяин умер. Его положили на телегу и увезли резать. Стали врачи пулю вытаскивать, а там вместо пули да золотая картечь. Говорят, врачи чуть из-за нее не подрались.

А Карачун скрылся, и никто больше о нем не слышал.

IX. ЭПОС

435. ПРО МОГУЩЕСТВЕННОГО БАГАТЫРЯ ИЛЬЮ МУРОМЦА

Давным давно это было
Во городе во Муроме,
Во селе Карачарове.
Сиднем сидел ровно
тридцать лет
и три года,
Не вставал на резвые ноги.
А шли, подходили две калики перехожие
Под это окошечко касявчето,
И вспроговорят таково слово:
«Вставай, Ильюшенька, на резвые ноги,
Принеси испить!»
«Ай вы гой,—говорит,—
Ай вы гой еси,
калики перехожие,
Я сиднем сижу
ровно тридцать лет
и три года,
Не могу я стать на резвы
ноженьки».
«Ставай, Илья, нас не обманывай!»
Ставал Ильюшенька словно
встрепанный,
Шел в подвалы глубокие,
Приносил чары зелена-
вина,
Зелена-вина в полтора ведра,
И стал каликам поднашивать.
А калики ему отворачивают:
«Выпей-ка сам, тогда нам
подавай».
Выпивал Илья единым махом,
или на единый дух.
Спрашивают у его
Калики перехожие:
«Но как, Илейка,
в себе силы чувствуешь?»
Говорит имя
Илья Муромец:
«Если бы столб стоял
От земли до небушка,
И было бы кольцо,
То я бы всю святорусскую
поворотил,
Небо сделал землею,
А землю небом».
Подумали калики,
Что сильно много:
«Принеси, Ильюшенька,
нам ищо испить».
Шел Ильюшенька во глубок
подвал,
Приносил чару зелена-вина,
Зелена-вина
в полтора ведра,
Стал каликам поднашивать.
А калики ему отворачивать:
«Выпей-ка сам, тогда
нам подавай».
Выпивал Илья
на единый дух.

И спрашивают у него
калики перехожие:
«Но, как, Илья, в себе
силы чувствуешь?»
«Во мне,—говорит,—силушки
на половинушку».
«Хватит,—говорят,—с тебя и этого,
Тебе в бою смерть
не написана.
Только не выходи драться
Со Святогором багатырем:
Через силу его
мать сыра-земля
носит;
Не выходи драться
с Волгой Всеславьевичем:
Тот не силой возьмет—
То хитростью, мудростью;
И не выходи драться
с Микулушкой
Селяниновичем:
Того мать сыра-земля
любит.
А больше смерть в бою
тебе не написана.
Ты купи себе жеребеночка,
Бурого, косматого и не мудрого,
Ставь его в сруб
на три месяца
И каждое утро в три росы
выкатывай.
Когда станет твой жеребеночек
поигрывать,
Через Оку-реку перескакивать,
Тогда можешь на ём ехати».
Пошел Илья на работу
на крестьянскую,
Ко своему отцу, ко
батюшке
К Ивану Тимофеичу.
Весь колодник повыворочал
В Оку-реку повывалял
И пошел он домой
И видит: ведет старичок
жеребеночка,
Бурого, косматого, не
мудрого.
Купил Илья за тридцать
серебренников,
Поставил его в сруб
на три месяца,
И каждое утро в три росы
повыкатат.
Прошло поры времени
Три месяца.
Стал его жеребеночек
поигрывать,
Через Оку-реку перескакивать.
Задумал тут Илья Муромец
Ехать в раздольице—чисто-поле:
На людей посмотреть
и себя показывать,
Поправить свои плечи могущие.
Не сырой дуб к земле
стелится,
Не бумажные листочки
расстилаются,
Стелится сын пред
батюшкой,
Просит он у отца
благословление
Ехать во стольный Киев-град,
Ко Красному Солнышку—
Князю Владимиру,
Послужить ему верой-
правдою.
Говорит его родимый
батюшка:
«Я на добрые дела тебе
благословеньице дам,
На худые дела благословеньица
нет.
Ты поедешь путем-дорогою:
Не помысли злом на
татарина,
Не убей в чистом поле
христианина».
Илья Муромец клал
заветы великие:
Ехать путем-дорожкою,
Не натягивать тугá-лука,
Не накладывать каленой
стрелы,
Не кровавить копья
долгомерного.
И садился тут на добра-коня.
Оне только Илью
и видели,
Как на коня сел.

Не видали его поедучи.
Конь первый скок
ступил—
за пять верст,
Второй—не могли найти,
Третий ступил—
во Чернигов-град.
А во Чернигове силушки
черным черно,
Черным черно, как
черна ворона.
Стоят тут три царевича,
У каждого силы по сорок
тысячей.
Разгорелось тут сердце
багатырское,
Сильнее огня огничного
разгорается,
Сильнее морозу раскаляется.
Хватает он сырой дуб
И повыворотил со кореньями,
со каменьями.
И стал он дубом помахивать,
по силушке погуливать.
Где повернетца—делал площади,
Где повернетца—делал улицы,
А поворотитца—часты площади.
Добиваетца он до тех трех царевичей,
И говорит он им таково слово:
«Во полон мне вас взясь
Или буйны головы снять?
Во полон мне вас взясь—
У меня хлебы завозные,
Буйны головы снять—
Ваши племена погубить.
Вы идите по своим местам,
По своим ордам,
Учините такову славу:
Что как наша Русь
не пуста стоит,
Много есть у ней могущих
багатырей».
Отворяют ему ворота черни
черниговцы,
Запускают его во Чернигов-град
И встречают удала добра молодца,
Сильно могущего багатыря,
Того-то Илью Муромца,
Подносят ему хлеба-соли
кушати,
Подносят ему зелена-вина.
Дарят его казной бесщетною,
И говорят ему таково слово:
«Ай ты гой еси, удалой добрый
молодец,
Ты живи у нас во городе,
во Чернигове,
Став у нас воеводою,
Будем хлебом кормить—
досыта,
Напиток будешь пить дошьяна,
Будем денег давать—
до любви».
«Ах вы,—говорит,—удалы добры
молодцы-черниговцы,
Не останусь у вас
Во городе, во Чернигове,
Я поеду в Стольный в Киев-град,
Красну Солнышку—
Князю Владимиру,
Послужу ему верой-правдою.
Вы скажите мне дорожку,
В стольный в Киев-град».
Говорят ему черниговцы:
«Прямоезжая дорожка
В стольный в Киев-град—
Пятьсот верст,
А кругом—цела тысяча,
По на прямоезжей дороге
Есть заставы великие:
Стоят горушки толкучие,
Они растолкнутся
И вместе столкнутся—
Тут тебе будет не проехати,
Тут тебе живу не бывать.
Втора застава великая:
Лежит змеища Горнища
О двенадцати о хоботах—
Тут она тебя с конем съест.
Третья застава великая:
Сидит Соловей-разбойник
Одихмантьев сын.
Засел он тридцать лет и три года,
Не пропускает ни конного, ни пешего—
Тут тебе не проехать,
Тут тебе живу не бывать».
Разгорелося серце,
Разгорелося тут серце багатырское,
Садился он на добра коня.

Ане только Илью и видели,
на коня как сел.
Но не видели его поедучи.
Он первый скок вступил—за пять верст,
Второй—не могли найти.
Широкие озера перемахивает,
Широкие раздолья перескакивает,
Мелкие горы промеж ног пускат.
Заехал он в леса темные
И видит он горюч камень.
На этом камушке подпись написана.
Написана:
«Влево ехать—убитому быть,
Прямо ехать—женатому быть,
Вправо ехать—богатому быть».
Тут-то Ильюшенька раздумался,
Раздумался и заплакался:
«Смерть-то мне не написана,
А женитьба-то мне не к молодости,
А богатство мне не к радости.
Поеду той дорожкой,
Где убитому быть.
Убить-то меня не убьют,
Да и взясь-то нечего:
Куяк и панцырь—чисто золото,
А по бокам казны несметно число».
И поехал он дорожкой левою.
Услышали воры-разбойнички
Топот лошадиной и поездки
богатырской
И говорят ему таково слово:
«Неужели не видал
ты подпись подписану,
Что влево ехать—убитому быть?
Мы сейчас с тобой расправимся!»
«Ах вы, плуты, воры,
мошеннички,
Дайте мне только расправиться—
Будете мне кланяться!»
Натягивает тугой лук,
Накладывает калену стрелу
И стреляет в сырой дуб.
Загрохотало, как сильный гром.
Упали воры-разбойнички
На сыру землю
И ото сна как будто
пробуждаются:
«Удалый, добрый молодец,
Не бей, не губи,
Оставь в живых!»
«Расходитесь,—говорит,—
По своим местам
И учиняйте такову славу:
Что как наша Русь—
Не пуста стоит,
Много есть могущих
богатырей!»
Поворачивал Илья назад,
Подъезжал к тому камню,
Стару подпись захеривал,
Нову подпись подписывал:
Ложна была подпись
подписана.
«Поеду теперь в ту сторону,
Где женатому быть».
Заехал он в леса дремучие
И видит: стоит
Золотой замок.
Выходит тут девица
Душа красная,
Берет его за белы руки,
Ведет его в золотой замок,
Садит его на кроваточку.
А та кроваточка подложная.
Хватат Илья девицу
красную,
Бросает на ту кроваточку
на подложную.
Кроваточка расступилася,
А девица в подвал
провалилася.
Ворачивал Илья добра
коня.
Приезжал он к тому
камню,
Стару подпись захеривал,
Нову подпись подписывал:
Ложна была подпись
подписана.
«Съездил в леву дорожку—
Убит не бывал,
И съездил прямо—
Женат не бывал.
Теперь поеду в правую
дорожку—
Где богатому быть».
Ехал он раздольицем—
Чистым полем
С горки на горку,
с холма на холму,

Реки те, озеры
перескакивает,
Широкие раздолье
перемахивает,
Мелкие горы промеж ног
берет.
И видит он большую
Груду золота...
Золото он это повыкатил,
И подрядил он хитромудрых
плотников.
Состроил он тут памятник,
«Что ездил я по всем
дороженькам.
Влево ездил—убит не бывал,
Прямо ездил—женат не бывал,
А вправо ездил—богат
не бывал».
И к камню он
поворачивал,
Старую подпись он
захеривал,
Нову подпись там
подписывал:
Ложна была подпись
подписана.
Садился он на добра коня.
Конь пред ним осержаетца,
Прочь от земли отделяетца,
Скачет он выше лесу
стоячего,
Чуть пониже облака
ходячего.
Доезжаёт он до тех гор
толкучних.
Горы растолкнулись
И не успели вместе столкнуться—
Его Бурушка проскакивал,
Его маленький провертывал.
Доезжает он до змеища-Горнища:
Не успела змеища хвостом
пошевелить,
Его Бурушка проскакивал,
Его маленький провертывал.
Заехал он в леса во брынские,
В черны грязи, во смолинские,
Заслышал Соловей-разбойник
Адихманьев сын
Топот лошадиной поездки
багатырской.
Засвистит-то он по-соловьиному,
Закричит-то он по-туриному,
Зашипит-то он по-змеиному,
Аж мать сыра-земля
всколыхнулася,
С гор пески, каменья
посыпались,
Леса к земле приклонилися.
И конь под Ильей на колени пал.
Говорит тут Илья Муромец:
«Ах ты, волчья сыть, тровяной
мешок,
Не слыхал ты шипу змеиного,
Того ли крику туриного,
Того ли крику соловьиного!»
Натягивает тугой лук,
Накладывает калену стрелу,
А сам к стреле приговаривает:
«Ты лети, моя стрела, не в темный лес,
Не пади не на землю, не на воду,
А пади Соловью-разбойнику
Во левый глаз!»
И она не пала не на землю,
не на воду,
А пала во левый глаз Соловью.
Полетел Соловей-разбойник
с семи дубов.
Хватает Илья во белы руки,
Привязыват его ко стременю к
булатному.
Поехал он раздольицем—чистым полем,
Реки те, озера перескакивает,
Широкие раздолья перемахивает,
Мелкие горы промеж ног берет.
Скачет конь его выше леса стоячего,
Чуть пониже облака ходячего,
Нимо поместья соловьевского.
Тут соловьева молода жена
По пояс в окошечко бросается
И говорит своим девяти сынам:
«Ох вы, дети, дети милые,
Едет чистым полем
Мужик деревеньщина,
Везет вашего батюшку,
К стремени булатному
привязонова».
Ее девять сыновей
закорилися,
Неучливо поговаривают,
Хотят обернутца

Черными воронами
С теми носами железными,
Расклевати голову доброму
молодцу,
Расклевать буйну
голову
Добру молодцу.
Побежала соловьева
молода жена
К своим девяти зятевьям,
Они сильно прохлождаютца.
Подъехал тут могущий
багатырь.
Выскакивала молода жена
На широкий двор,
Хватала Соловья разбойника
В белы руки,
И просила добра молодца
Освободить Соловья-разбойника
И пустить на свет.
Илья Муромец с ей не разговаривает,
Вырывает из рук Соловья-разбойника,
А она, мечом целясь Илье
в голову.
Разгорелось сердце багатырское,
Вынимает он булатный меч
И рассек ее надвое.
Оне только Илью и видели,
Что стоял у двора
Соловьиного,
Но не видали его поедучи.
Ретивый его конь
осержаетца,
Прочь от земли отделяетца.
Реки те, озера перескакивает,
Широкие раздолья перемахивает,
С горки на горку
И с холма на холму,
Мелкие горы промеж ног
берет.
Он скачет выше лесу стоячего,
Чуть пониже облака ходячего.
Приезжает он в стольный
В Киев-град,
Заезжает он на широкий двор,
Красну Солнышку—Князю
Владимиру.
Не вяжет коня, не приказывает.
Сам идет в палаты
белокаменные.
А у Князя Владимира
Был почетен пир.
Многие князья
и бояре съезжалися,
Много было могущих
багатырей.
Заходит Илья Муромец
В палаты белокаменные,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
На все на три, четыре стороны,
Князю с княгиней
во особенно.
«Здравствуешь, князь со княгинею,
Здравствуйте, удалы
добры молодцы,
Все могущие сильны
багатыри!»
Говорит тут Владимир
Князь:
«Ты откуда еси, добрый
молодец?»
Говорит ему Илья
Муромец:
«Я из города, из Мурома,
Из села Карачарова.
Именем меня Ильей,
Величают Иванович.
Я заутреню отстоял
во Муроме,
А к обеду поспел
в Стольный Киев-град,
Да дело мое дорожное
замешалося.
Ехал я дорожкой
прямоезжею,
Прямоезжею дорожкой
не окольною».
Соскочили тут могущи
багатыри.
На свои на резвы ноги
И говорят таково слово:
«Владимир князь—Красно-
Солнышко,
Во очах детина заверается:
На прямоезжей дорожке
Есть заставы великие,
Последняя застава великая,

Сидит Соловей-разбойник
На семи дубах,
Не пропускает ни конного,
Ни пешего,
Залег он (говорит)
Тридцать лет
и три года».
Говорит тут Илья Муромец:
«Ах ты, Владимир Князь—
Красно-Солнышко,
Соловей разбойник
на твоем дворе!»
Соскочили тут
могущи багатыри,
Соскочил тут Владимир
Князь.
Надеет свою шубку
на одно плечо,
Шапочку соболью
на одно ушко.
Выходили ане на широкой
двор,
Говорит тут Владимир
Князь:
«Ах ты гой еси, удалый
добрый молодец,
Прикажи Соловью-разбойнику
Свистнуть по-соловьиному,
Закричать по-туриному,
Зашипеть по-змеиному».
Приказал ему Илья Муромец
Свистнуть в полсвиста
соловьиного,
В полкрика туриного,
Толи шипа змеиного.
А как свиснет Соловей-разбойник
по-соловьиному,
Зашипит-то он
по-змеиному,
А закричит-то он по-туриному.
Аж мать сыра-земля сколыхнулася,
Кресты на церквах
покривилися,
Хрустальные окошечки
порассыпались
И пали люди на сыру
землю,
Словно мертвые.
Пролежав полчаса, от сна
Как будто пробудилися.
«Это шутка,—говорит,—
Нам не надобна.
Увези его во чисто поле,
Отсеки ему
буйну голову».
Увез его во чисто поле,
И отсек ему буйну голову.
Прошшался тут Илья Муромец
Красным Солнышком—
Князем Владимиром,
Распростился с могущими
багатырями.
И поехал он раздольицем—
чистым полем.
С горки на горку,
С холма на холму,
Реки те, озера
перескакивает,
Широкие раздолья
перемахивает,
Мелкие горы промеж
ног берет.
Он скачет выше лесу
стоячего,
Чуть пониже облака
ходячего.
Приехал он на высоку
гору.
Отпустил коня во чисто
поле,
Он пошел по горе,
по высокою
И увидел багатыря:
Лежит, как бревно,
И сам, как гора,
И спит он крепким
сном.
Илья Муромец
Пальцем ударил
Лежачего багатыря.
Говорит тут лежач
багатырь:
«Стало быть камешком
зацарапало».
Собрал свои силы Илья
И повторил удар.
Оглянулся тогда
лежач багатырь:
«Ах ты гой еси,
добрый молодец,

Ты хотишь узнать
мою силушку,
Через мою силушку
Мать сыра-земля не носит,
Я нашел вот гору,
На которой спасаюся.
Пойдем,—говорит,—по этой
горе прогуляемся».
И пошли они по высокой
горе,
Видят: гроб чугунный стоит.
Лег Илья во этот гроб,
Гроб был сильно великой.
Тогда лег в него
Святогор багатырь.
Тогда крышка на гробе
закрылася,
Два железные обруча
наделися.
Илья стал рубить
обручи.
Чем их боле рубит,
Тем боле увеличиватца,
Он один рассек, стало два,
Два рассек, стало четыре,
И так далее.
И тут они распростилися
Со Святогором багатырем.
В этот самый момент
От Князя Владимира разъехались
Все могущие багатыри,
А в Киев приехало Идоло поганое.
Десять сажен в длину
это Идоло,
В ширину три сажени.
Промеж ушей проляжит
Калена стрела,
У него глаза как чаши
пивные,
Чаши пивные сорока ведер.
Не дает он князю с княгиней
подумать,
Русских людей ничем зовет.
«Я князей, бояр,—говорит,—
всех повырублю,
Ваши церквы на дым пущу,
А самого тебя князя во полон
возьму.
А казну вашу для войск
заберу».
Запечалился тут Владимир
Князь,
Разъехались все багатыри,
И не слыхать удалого, добра
молодца,
Славного багатыря Илью Муромца.
Шел, приходил калика
перехожая,
Заходил он Князю Владимиру,
Владимир Князь Стольно-киевский
Говорит калике перехожею:
«Ты откуда идешь, откуль,
откуда бредешь?»
«Был я в городе Ерусалиме,
Во Ердане речке купался,
В Капернаумском дворце
сушился,
Теперь иду-ка я в свою
сторону,
Ко своему родному батюшке».
И на этом речь тут у них-то
и закончилась.
Пошел калика перехожая
Своим путем чередом.
Идет на клюху упирается,
Аж лишь мать сыра-земля
колыбается.
Клюха у него была—девяносто
пуд,
А шапочка на нем—тристо
пудов,
А гуня на нем—
сорока пудов.
Встрече идет ему
Илья Муромец.
И увидел впереди себя
Человека на соловым коне
едучи.
Он бросился к нему,
То этот человек бросил
сумочку.
Подъехал Илья к этой сумочке,
Пошевелил с коня пальцем—
не тронетца,
Схватил он всей рукой—
с места не сдвинетца.
«Што такое в ней накладено?»

Соскочил Илья с резва коня,
Схватил в обеи руки
эту сумочку,
На волоско поднял—
Сам по колен в землю
ушел,
Щеки на лице лопнули,
И кровь из них пробрызнула.
Тут вспомнил Илья Муромец:
«Это, значит, был Микулушка
Селянинович».
В это время подходил
Каличище Иванище.
Говорит ему Илья Муромец:
«Здравствуешь, калика,
Калика перехожая,
Ты откуль,
Ты откуда идешь,
Куда бредешь?»
«Был я в городе Ерусалиме,
В Еордане речке искупался,
В Капернаумском дворце сушился».
«А давно ли был на святой Руси,
Во стольном во городе, во Киеве
У князя-то у Владимира?»
«Я недавно был, третьего дня»
«Все ли во Киеве по-старому?
Все ли во Киеве попрежнему?»
«Нет, во Киеве не по-старому,
Нет, во Киеве не попрежнему:
Наехало Идоло поганое,
Злой татарин басурман.
В длину это Идоло—
десять сажен,
В ширину—три сажени,
Промеж ушей проляжет
Калена стрела,
У него глаза как чаши
пивные,
Чаши пивные—сорока ведер.
Не дает он князю волюшке
подумати,
Русских людей ничем
зовет.
Всех князей, бояр,—говорит,—
повырублю,
А церкви на дым пустю,
Владимира князя во полон
заберу».
«Ах ты, каличища Иванища,
Скидавай-ка ты гуню
сорочинскую,
Надевай ты платье багатырское,
Уступи клюхи мне на времечко!»
Говорит тут каличище
Иванище:
«Я не скину-ка гуню сорочинскую
И не отдам я своей клюхи».
Говорит ему Илья Муромец:
«Ах ты, каличище, Иванище,
Ты добром не отдашь—силой
возьму.
У тебя силы с дву меня,
А смелости, ухватки
половинки нет.
Я убью тебя, клюха мне
и достанетца!»
Рассердился тут каличище
Иванище.
И заплакал он слезами
горькими,
Приподнял свою клюху,
выше голову,
И спустил ее во сыру землю.
Насилу Илья Муромец
достал в сырой земле.
Надевал Илья гуню сорочинскую,
Одевал калики платье
багатырское.
И пошел тогда он каликою,
На клюху упираетца,
Аж мать сыра-земля
колыбаетца.
Приходил он в стольный
Киев-град,
Князю Владимиру на широкий
двор.
И подходит он к окошечку
косявчатому,
И он крикнул громким
зычным голосом,
Аж мать сыра-земля
сколыхнулася,
Хрустальные оконницы
порассыпались.
«Ах ты гой еси,
Владимир Князь—
Красно-Солнышко,
Веди калику в палаты
белокаменные,

Пой калику допьяна,
Корми калику досыта!»
Тут Идоло поганое
По плеч в окно бросается
И сам говорит таково слово:
«Что вы, русские горланы,
Здесь завидели,
Стали почасту учащивать?
Заходи»,—говорит.
Заходил Илья Муромец
В палаты белокаменны.
Крест он клал по-писаному,
Поклон он вел по-ученому,
На все, на три, четыре
стороны.
Князю Владимиру особенно.
На Идола на поганого
Ничего он бьет.
Говорит тут Идоло
поганое:
«Скажи,—говорит,—калика
перехожая,—
Есь у вас могущий
багатырь,
Славный Илья Муромец,
Расскажи—как, каков
он ростом есть,
По много ли он хлеба ест
И напиток пьет?»
Говорит ему Илья Муромец:
«Что он ростом, как будто я.
Напиток пьет по три
стаканчика,
А хлеба ест по три калачика».
Говорит тут Идоло поганое:
«Так экой и есь багатырь?
Я, Идоло поганое,
По хлебу кладу за щеку,
На другую лебедь белую
на закусочку,
А вина горького
Ведро мерное
на запивочку».
Говорит тут Илья Муромец:
«У моего было у батюшки,
У Ивана Тимофеевича
Обжорливая корова.
Она много пила, ела да
и лопнула».
Рассердился Идоло поганое.
Вынимает он булатный меч,
И замахнулся он мечом,
Целясь Илье в голову.
Разгорело сердце багатырское:
Он клюхою меч отмахивал,
Угодил тот меч в печь
муравлену
И расшиб ее во черепья
ножевые.
Берет Илья свою шапочку,
И ударил Идола в голову,
И рассек ему ее надвое.
И начал он клюхой помахивать.
Разогнал он его войско
поганое,
И ушел в чисто поле
в прогулочку.
Заводил тут Владимир
Князь—Красно-Солнышко
Почетен пир.
Немногие князья и бояре
съезжалися
И сильные могущие багатыри,
А и начинался стол в полустоле,
Ах, начинался пир в полупире.
Приходил на пир Илья
Муромец,
Незваный он
И крест он клал по-писаному,
Поклон вел по-ученому
На все, на три, четыре
стороны.
Князю Владимиру во особенно:
«Здравствуешь, князь со княгинею,
Здравствуйте, сильные
Могущие багатыри!»
А вел в это время
Владимир князь
Подарки великие:
Дарил он кого городами,
Кого—с пригородками.
Всех ударил,
Всех ужаловал.
Говорит тут княгиня
Опроксия:
«Ах ты, Владимир Князь—
Красно-Солнышко,
Кого ты дарил городами-то,
Кого ты дарил

с пригородками?
Всех ударил, всех ты
ужаловал,
Только не подарил
Удалого добра молодца,
Знаменитого Илью Муромца».
Говорит тут Владимир
Князь:
«Ах ты, княгиня
неразумная,
Подарю я удала-добра
молодца
Шубою той, котора мне
пришла
От татарина, бусурманина».
Берет Илья шубу
за один рукав,
И бьет ее о кирпищат пол,
Сам к шубе приговаривает:
«Велит мне бох шубу бить,
Велит татарина-бусурманина
бить».
Тут все князья-бояре
соскочили
На ноги на резвые
И говорят таково слово:
«Владимир князь Стольно-
Киевский,
Всем нам ваши дары
По любви пришлись,
Только не по любви пришлись
Удалому добру молодцу,
Славному багатырю
Илье Муромцу».
Рассердился тут Владимир
Князь,
Приказал открывать подвалы
глубокие,
Раздернуть решетки железные,
Посадить туда Илью
Муромца,
Заморить его смертью
голодною.
Посадили Илью Муромца.
Илья Муромец не противился.
Рассердилися могущи багатыри
На Князя на Владимира,
Клали они заветы великие:
Чтоб не бывать больше
на святой Руси,
Чтоб не видать больше
Князя Владимира,
Не служить ему верой-
правдою.
И разъехались во чисто
поле.
А княгиня-то догадлива
была,
Она делала подкопы под те
погреба,
Поила, кормила удалого
доброго молодца.
И в это время
собирался войной
На стольный Киев-град
Собака Калин-царь.
У его силы было набрано,
У его силы заправлено,
Было у него силушки
Несметно число,
Было у него сорок царей,
Сорок царевичев,
Сорок королёй,
Сорок королевичев,
У каждого силы по сорок тысяч.
У самого собаки Калина-царя
Несметно число.
Сходил собака Калин-царь
с добра коня,
Говорил он своим воинам:
«Кто из вас знаит баить
по-русскому.
Мычать про себя по-татарскому?»
Нашелся тут Идоло
поганое,
В длину это Идоло пятнадцать
сажен,
В ширину это Идоло четыре
сажен,
У него глаза—как чаши пивные,
Чаши пивные
пятнадцативедерные.
Садился собака Калин-царь
за дубовый стол,
Писал ярлыки не чернилами—
красным золотом,
Чтоб Владимир Князь
Отдал Стольный
Киев-град

Без бою, кроволития
напрасного.
Забирал ярлыки Идоло
поганое.
Приезжал он в Стольный
Киев-град.
Бросал ярлыки на
дубовый стол,
А сам говорил Князю
Владимиру:
«Сдай нам Стольный
Киев-град
Без бою, кровопролития
напрасного.
Мы князей-бояр всех
повырубили,
А тебя, Владимир Князь,
Во полон заберем»
И уезжал Идоло поганое.
Испугался тут
Владимир Князь,
Залился он горячей слезой:
«Рассердил я всех могущих
багатырей,
Заморил удалого доброго
молодца
Илью Муромца
Славного багатыря
Смертью голодною,
Тут говорит княгиня
Опроксия:
«Ах ты, Владимир Князь—
Красное Солнышко,
Илья Муромец ведь жив
сидит!»
«Ах ты, княгиня неразумная,
Отсекем-ка тебе буйну
голову,
Прирастет ли она ко плечам?»
«Ах ты, Владимир Князь—
Красно-Солнышко,
Я уверяю—Илья жив сидит».
Князь велел слугам верным
своим, неизменным
Отвалить чащи, хрящи,
камни,
Отворить решетки железные,
Отпустить удалого доброго
молодца.
И сам пошел в подвалы
глубокие
И видит: сидит Илья
за дубовым столом,
Горит перед ним свеча
воску ярового,
Читает он книгу евангелие.
Тут по плеч к нему Князь
в ноги бросается.
«Ах, могущий багатырь,
Илья Муромец!
Ты спаси святую Русь
Не ради меня, не ради
Княгини Опроксии,
А ради святой Руси
и веры православною!»
Выходил Илья
на белый свет,
Закричал своево бурушку
косматово,
Прибегал его бурушка косматенькой.
Садился Илья на добра-коня,
И поехал он раздольицем-чистым полем.
С горки на горку,
С холма на холму,
Реки те, озера перескакивал,
Широкие раздолья перемахивал,
Мелкие горы промеж ног берет,
Конь скачет выше лесу стоячего,
Чуть пониже облака ходячего.
И не мог он наехать силы неведанные.
Поворачивал своего коня,
Поехал он раздольицем-
чистым полем
И видит он: во чистом поле
стоит шатер.
Круг этого шатра двенадцать
коней связанных,
Едят они пшену белоярову,
Узнал тут Илья Муромец,
Что его братьица тут находятся.
Заходил он в шатер
и закричал громким
голосом:
«Ах ты, крестовый мой батюшка,
Ставай-ка от сна непробудного,
Поедем-ка на защиту великую:
Взволновался собака Калин-
царь,

С сорока царями,
царевичами,
С сорока королями,
королевичами.
У всех силы набрано,
У всех силы заправлено.
Идет то он на святую Русь.
Ставайте вы, крестовые
братьицы,
Довольно вам спать проклаждаться
здесь,
Поедемте на силу, на неверную,
Покажем им силу мощную,
багатырскую,
Чтобы не видать бы силы им
могущих багатырей!»
Говорит тут Самсон Самойлович:
«Ах ты, славный, могущий
багатырь,
Илья Муромец!
Мы полагали—тебя в живых
уж нет,
А ты еще разъезжашь
И хотишь служить князю
Владимиру верой-
правдою.
Не поедем мы на защиту
великую,
Мы клали заветы великие:
Не бывать, чтоб больше
в Стольном Киеве,
Не видать Князя Владимира,
Не служить ему верой-
правдою!»
«Ах ты, крестовой мой батюшка,
Самсон ты мой Самойлович,
Мы не ради,—говорит,—поедем
Князя Владимира,
Не ради княгини Опроксии,
А ради святой Руси
И ради веры православною!»
«Ах ты, славный багатырь, Илья
Муромец,
Велик наш грех!»
«Ах ты, Самсон Самойлович,
Сложи весь грех на меня,
поделите.
Поправим плечи багатырские,
Поведнем своей силушкой!»
Согласились тут могущие багатыри.
Седлали своих ретивых
лошадей.
И поехали раздольицем-чистым
полем.
Не доезжая до силы неверного,
Поставили они шатер
И уснули багатырским сном.
Им спитца, а Илье мало
можетца,
Напал он на силу на неверную,
Сутки бьет, с коня не слезает,
Добру коню отдыху не давает.
Вторы сутки бьет—с коня
не слезает,
Добру коню отдыха не давает.
Третьи сутки бьет с коня
не слезает,
Добру коню отдыха не давает.
И вот тут конь его прозычился:
«Есь,—говорит,—у собаки Калина-
царя
Три подкопа великие.
Я первый скачу повыскачу,
Тебя, Ильюшенька, повынесу,
Третий скачу—сам повыскачу—
Тебя, Ильюшенька, не вынесу».
Разгорелось тут сердце
багатырское,
Направил он коня на те
погреба.
Конь первый подкоп
скочил—повыскочил
Ильюшеньку повынес,
Второй скочил—повыскочил
Ильюшеньку повынес,
А третий скочил, сам повыскочил,
а Ильюшеньку не вынес.
Не откуль сбежались
Силы могущие багатырские,
Связали ему шелком руки белые
И повели к собаке Калину-
царю.
Говорит тут собака Калин-царь:
«Ах ты, славный ты
добрый молодец,
Где одному тебе с моей силой
справитца?
Не служи ты Князю Владимиру,
А служи ты мне собаке
Калину-царю.

Я кормить тебя буду досыта,
А поить буду допьяна,
Денег давать буду до любви!»
Говорит тут Илья Муромец:
«Мне не нужно вашей
золотой казны,
Не буду я тебе служить,
Собаке Калину-царю,
А буду служить верой-правдой,
Защищать стану святую Русь!»
Рассердился тут собака
Калин-царь:
«Увести Илью во чисто поле,
Отсечь ему буйну голову!»
Повели его в раздольице,
И он скричал своего бурушку,
Не откуль прибежал
Его ретивый конь,
Разорвал у него зубами шелк,
Освободил ему руки белые.
Сел Илья на добра коня,
Конвоиров всех побил,
И поехал он чистым полем
Ко своею крестовой
братьице,
Закричал он громким
зычным голосом:
«Вставайте от сна непробудного!»
Воскочили могущие багатыри,
Закусили они хлеба
сахарные,
Выпили они
напитки медвяные,
Садились они на добрых коней.
Напали на силу, на неверную,
Бьют, губят силу проклятую.
Остальные татаревы на побег пошли,
Сами бегут заклинаютца,
Штоб не бывать больше
на святой Руси,
Не видать больше
Сильных могущих
багатырей.
Освободили багатыри от нападения
Святую Русь
И поставили на тем, на пути-
на дороженьке,
Заставу великую,
Атаманом был Илья Муромец,
Податаманом был
Добрынюшка Никитич,
Есаулом был Алеша,
Поповский сын.
И так вся братьица наборная
распределена была
по порядочку.
Охраняли границы по
очереди.
Ехал в Стольный в Киев-град
Багатырь силы неведанной,
Звали его Копна-багатырь.
Увидел его Алеша Долгополый
И закричал ему громким
голосом:
«Зачем нашу заставу проезжаешь,
Атаману Илье Муромцу челом
не бьешь,
Податаману Добрынюшке
Никитичу
В казну не кладешь,
И на всю нашу братьицу наборную?»
Поворачивал коня Копна-багатырь
На Алешу Долгополого,
Аж мать сыра-земля
сколыбалася,
И конь под Алешей на колени
пал.
Поворачивал Алеша коня-добра
К своей братьице наборную
И говорил им таково слово:
«Едет багатырь силы неведомой,
От его повороту конь у меня
на колени пал».
И все багатыри так и ездили,
Пришлось ехать Добрынюшке
Никитичу.
Закричал он его громким
голосом:
«Зачем нашу заставу
проезжаешь,
Атаману Илье Муромцу челом
не бьешь,
А мне Добрынюшке Никитичу
В казну не кладешь
И на всю нашу братьицу наборную?»
Поворачивал добра коня
Копна-багатырь
В ту сторону, где Добрынюшка,
Аж мать сыра-земля сколыбалася,

И конь под Добрынюшкой
на колени пал.
Испугался Добрынюшка Никитич.
Поворачивал коня к своей братьице
наборною
И говорит он им таково слово:
«Сколь я езжал по святой Руси,
Но такого чуда еще не наезживал».
Говорит тут Илья Муромец:
«Некем мне, старому, заменитца»
Поехал сам Илья Муромец.
Закричал он громким, зычным
голосом,
Аж мать сыра-земля сколыхнулася,
сколыбнулася
И лес к земле приклонился,
С гор пески, каменья посыпались,
И конь у Копны-багатыря
на колени пал.
«Ах ты гой еси, похвальщина,
Зачем нашу заставу
проезжаешь,
Мне атаману, Илье Муромцу,
челом не бьешь,
Податаману, Добрынюшке Никитичу,
В казну не кладешь
На всю нашу братьицу наборную?»
Поворачивал похвальщина
своего коня,
Но Илья не испугался, не
ужаснулся.
Сбежались они с тем багатырем,
Острыми копьями кололися,
Остры копья изломалися,
Друг дружки не ранили.
Мечами острыми рубилися,
Мечи острые изломалися,
Друг дружку не ранили.
Соскочили и сгреблись
на рукопашный бой.
Сутки бьются, вторы и третия,
Взмахнет Илейка ручкой правою—
Поскользнет Илейки ножка левая,
Пал Илья на сыру-землю.
Сел ему нахвальшина на
белы груди,
Хотел вспороть ему груди
белые,
Затмить очи ясные,
По плеч отсечь буйну голову,
Да стал он тут выспрашивать:
«Зачем ты ездишь по границе?
Ты бы поставил при том пути
своей,
при дороженьке
Себе келейку и ты там бы
Сыт и питан был».
Говорит Илья таково слово:
«Не ладно,—говорит,—у святых
отцов написано,
Не ладно у святых апостолов
придумано:
Не бывать Илье в чистом поле
убитому,
А я сейчас под багатырем
лежу».
Лежучи вдвое силы прибыло.
Он ударил похвальшина в белу
грудь,
Полетел похвальшина выше
лесу стоячего
И пал похвальшина на сыру
землю.
Отсек ему Илья буйну голову,
Затмил ему очи ясные,
Надел на копье долгомерное.
Приехал он ко своей
братьице наборную:
«Сколь я ездил на святой Руси,
Но такого чуда не наезживал».
Говорят тут могущи
багатыри:
«Нас теперь на свете сильнее
нет!»
Не откуль взялся человек:
«Выходите на меня»,—говорит.
Пошел Алеша Попович,
Рассек его надвое,
Их сделалось двое,
Двоих рассек—их четверо.
Чем более рубят—их более
умножаетца.
Напали на их все багатыри.
Сколь не рубят—они увеличиваются
и увеличиваются
И лезут стеной на их.
Тут бросились багатыри
бежать от них.
И кто до какой горы добежал,
Тот тут и окаменел.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

ПЕСНИ О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ И ЕГО СЫНЕ

436

Как во славном было городе
Во Астрикане.
Появился там детинушка,
Незнамой человек.
Хорошо славно убралса,
Вдоль по улице пошел.
Черну шляпу он пухову
На одно ухо надел.
Апаящечка шелкова
На правом плече лежит.
Как на ноженьках сапожки
Черны шелковые.
Как на ноженьках сапожки
Зелен-сафьян.
Увидал иво импиратор
Ис кошачато окна.
Он ни кланилса ему,
Ни здоровалса.
«Уж вы, слуги,
Мои слуги,
Слуги, верные мои,
Вы пойдите, раззышшите
Удалово молодца.
Вы возьмите приведите
В нову горницу ко мне».
В нову горницу ступил он,
богу помолился.
Богу помолился
да низко кланялся.
Но тожно импиратор
ево спрашивал:
«Ты откудова, детина,
Из какову городу
Али плут ты,
Али вор,
Али каторжной?»
«Я не плут,
Я не вор,
Да я не каторжной,
Я со матушки
со Волги,
Со Камы быстрой реки.
Со Камы быстрой реки
Да Стеньки Разина сын.
Из-за утра
Мой родной батюшка
Прибудет в гости к вам.
Ты умей ево встречать,
да умей честь ему отдать».
Ну на то импиратор
приужахнулса.
А ретиво ево сердце
приудрогнуло.
«Уж вы слуги,
Мои слуги,
Слуги царские мои,
Вы возьмите, вы заберите
удалово молодца.
Вы закуйте, вы завежите
во рушные во ножны,
Во рушные во ножны
Да во железны кандалы.
Вы возьмите, отведите
в темну тёмницу его».
«Ах, вы, слуги,
Слуги царски,
Не берите вы, не вежите
удалово молодца
во рушные во ножны,
Во рушные во ножны
Да во железны кандалы.
Не водите вы, не садите
В темну темницу меня
Уж я всю вашу темницу
По бревну раскачу,
Уж я все ваше царство
Головней покачу,
Головней покачу,
Самово я импиратора
в плен возьму.

Вниз по Волге реке,
Вниз по широкой
Там плывет-то лоточка
Изукрашенная.
На низу-то сидит
Атаман с ружьем.
А на корме-то сидит
Есаул с веслом.
А посереть лоточки
Золота казна стоит.
На казне-то сидит
Красна девица,
Есаулова родна сестрица,
Атаманова полюбовница.
Сидит-то она чешет
Свою буйную голову
И приговаривает:
«Севоднешну ночку
Мало спалося.
С повидальницом
Много грезилось:
Есавулашку быть убитому,
Атаманнику быть повешанному».
Стеньке Разину не сглянулося
Стеньке Разину во тюрьме
сидеть.
«Мне-ка девушке быть
на волюшке,
Золотой казной владеть».
Он берет-те девку
За белы руки
И бросает ее
В Волгу-реченьку.
Оттово-то Волга-реченька
разыгралася,
На круты-то бережка
заливалася,
Красна девушка
стрепаналася.

X. ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ

438. СИНЕЕ МОРЕ

Сине море, беспрерывно
Море ходит бродяжом.
Отправился на сине море,
Паруса я приподнял.
Сам скорей, скорей на шлюпку,
В два часа одна минута
В поворот судно идет.
Я скорей, скорей на шлюпку,
На тот берег поспешил.
Еду я, еду, не доеду
Незнакомым бережком.
Как навстречу ко мне мила,
Ненаглядная моя.
«Ты отдай кольцо венчально,
Разлучают нас с тобой,
Твой родитель—злой мучитель
За другова отдает».

439. ЗА ЛЕСОМ, ЗА РЕКОЙ

За лесом, за рекой
Мылась девица водой.
Она мылась, умывалась,
С горя платьем утиралась,
И за миленьким погналась.
Крутым бережком бежала,
Добежаться не могла,
Звонким голосом кричала,
Докричаться не могла,
Правой рученькой махала,
Домахаться не могла,
Тяжеленько вздохнула,
И миленок услыхал.
Мой-то миленький услышал,
Всем товарищам сказал:
«Вы, товарищи, ребята,
Задержите лошадей,
Задержите тройку коней
И воротимся назад,
Станем девицу ругать:
Что ж ты, девица, девица,
Что ж гонишься за мной,
Что ж ты гонишься за мной?
Я теперича не твой—
Я женился на другой».

440

Я по жердочке шла,
Я по тоненькой,
Да по тоненькой, по еловенькой.
Эта жердочка гнется—не ломается,
С милым жить с дружком
Да не стоскуешься.
Да хоть и стоскнется—разгуляется.
Выходила молода за новые ворота,

За новые-преновые,
За решетчатые.
Опускала молода сокола из рукава,
На полетике соколику наказывала:
«Ты лети, лети, соколик,
Высоко и далеко,
Не высоко, не далеко,
По поднебесью,
По поднебесью, на мою сторону,
На мою дальню сторону,
Ко родному батюшке,
Ко родному батюшке,
Ко родной матушке».

441. КАК У КЛЮЧИКА

Как у ключика да у кипучего,
Да у колодца да у глубокого
Купался бобер, купался сизый,
Он валяется, на гору пойдет отрясается.
С горы логодка свищет,
Черного бобра ищет.
Где бобра найдем,
Тут его убьем,
А где станем бобра бити,
Будем шубу шити.
Шубка боброва, выпушка котова.
Сашка черноброва, ты за что любишь другого?
Любить ты его не любишь,
Только сушишь, крушишь,
Из белого лица румянцы выводишь.
Брат сестрицу растил,
По горенке водил,
Замуж ее ладил:
«Ты расти, моя сестрица,
Ты расти, моя родима,
Вырастешь большая.
А замуж тебя отдадим
Не в город, а в деревню,
Не в согласную семью,
А на большу дорогу.
Куда я ни поеду—
Все к сестре заеду,
Спрошу у сестрицы, спрошу у родимой:
«Каково, моя сестрица,
В чужих людях жить?»
«Не очень не весело
И не очень дородно.
Всю я ночку сегодня не спала,—
Мое тело бело
Всю ночь прогорело,
Дубовые двери всю ночь проскрипели,
Шелковая плетка всю ночь просвистела».
А к утру, к свету белому
Невеста в могилу поспела.

442

Как с по блюдечку, блюдечку,
С по налевному яблочку,
Что ни конь берегами идет,
Берегам идет, воды не пьет.
Конь головушкой покачивает,
Золотой уздой побрякивает,
Струминами пошевеливает.
Тут ли шли-прошли удалы молодцы,
За собой ведут суженую,
Душу-красную девицу.
Ох, взял бы да встрепал бы ее.
Мои рученьки болят да болят,
Золотые кольца стучат да бренчат,
Они стучат, бренчат, ломаются,
Из них вставочки теряются,
Под окошечком валяются.
Как под тем под окошечком,
Там лютая свекровочка сидит.
Она сидит, журит, здороваться велит:
«Поздоровайся, княгиня молода,
Вдвое-трое со всем поездом,
Со удалым добрым молодцом».
Они сошлися, поздоровалися,
Разошлись, расцеловалися.

443

Ты, соколик, мой соколик, куда уезжаешь?
На кого же, мой соколик, меня оставляешь?
Оставляешь, спокидаешь меня, девку, в горе.
Как во горе, как во море там валы бьются,

У меня ли, у девчонки, из глаз слезы льются,
Ох, льются, не уймутся, платом не утрутся.
Эх-да, они платом не утрутся, шелковым платочком,
Эх-да, шелковым платочком, шляпой пуховою,
Эх-да, шляпой пуховою, лентой голубою.
«Оставайся, разлюбезна, ты жива-здорова.
Наживай-ка, разлюбезна, ты дружка иного.
Ежли лучше наживешь, ты меня забудешь,
Ежли хуже наживешь, ты меня вспомянешь.
Вспомянешь, ты заплачешь о милом-то друге».

444

Скука-печаль на чужой стороне:
Плакать не смею, тужить не велят,
Только велят потихоньку дышать.
Сяду я на лавку, зальюсь горькой слезой.
Посмотрю в окошко: гуляет весь народ,
Моево дружка нет.
Мой милый в зеленом саду
Щиплет, ломает зелен виноград,
Ветки бросает ко мне на кровать.

445

Скушно времечко, пройди поскорей,
Прокатайтеся все наши часы и минуты,
Ох, да все минутушки, все люты дни.
Да под окошком бедная сидит девчоночка,
Да призадумалась Маша сидит,
Да сидит и плачет бедная, поем рыдает.
В слезах речи Маша говорит:
«Долго, долго я буду страдать,
Ох, да долго сердце буду свое сокрушать?!»

Покрушись-ка, моя раздевчоночка,
О молоденьких своих летах.
Сохнет и блекнет во поле травушка,
Да подсыхает травка без дождя.
Но только когда дождичком травоньку помочит,
Тогда травка в поле воздохнет,—
Когда парень девицу, парень полюбит,
Тогда девка будет весела.

446

Родимая моя тетушка,
Пелагея Ивановна,
Отвори мне дубовы дверцы,
Мне, душе-красной девице.
Я омыла горе-кручинушку.

Иду я с подруженьками, с голубушками.
Я сяду в передний уголок,
Омою свое горе-кручинушку
Горючьми слезьми.

447

Отроду млада печалюшки не знала,
Свое девье я тело не роняла,
А теперича печалюшку узнала—
Свое девье я тело уроняла.
Доставалося тело бело безлюдьям,

Што безлюдьям—худому человеку.
Не тебе было, каналья, владати,
Што владать было прежнему другу,
Я которого во девушках любила,
Золотым его колечком дарила.

448. Я ТЕБЕ, БАТЮШКО, ГОВАРИВАЛА

Я тебе, батюшко, говаривала,
Свет дорогой, тебе наказывала:
«Не отдай, батюшко, в ту сторону,
Та сторона мне сызмала не мила.
Там таки горы высокие,
На горах леса да все темные.
Там таки люди не суседливые,
Мужей мутят, жену бити велят:
«Бей муж жену,
Учи молоду.
Смолоду жена,
Чтоб покорна была.
Постелю слала,
Чтоб растрясывала,
Подушки клала—
Не подбрасывала,
Мужа спать звала—
Вывеличивала:
«Муж ты, мой муж,
Всему дому дворянин!»
Кто бы нашелся такой смелый человек,
Кто бы распорол мою белую грудь,
Кто бы посмотрел ретиво сердце мое!»
Батюшко молвит,
Родимый говорит:
«Не для чего пороть
Твою белую грудь,
Ретиво сердце твое.
Видать тебя, дитятко,
По белому лицу.
При хорошем-то житье
лицо белится,
Белится лицо,
щечки румянятся,
Ясные глаза
завсегда веселы.
А в худом-то житье
лицо чернется,
Чернется лицо,
щеки мараются,
Ясные глаза
завсегда на слезах,
Чистое зеркальце
забытое лежит».

449. НА ЧТО ГОРЕНКУ РУБИТИ

На что горенку рубити,
Когда в ней не жити?
На что полик настилати,
Когда не плясати?
На что лавочки мостити,
Когда не сидети?
Сяду, сяду черноброва
Под кутно окошко.
Посмотрю я, черноброва,
В окошко немножко.
Во зелененьком садочке
Выросли цветочки,
Как на каждом на цветочке
По маленькой пташке.
Эти пташки воспевали
Разным голосами.
Перейму я, черноброва,
Один голосочек.
Напишу я, черноброва,
Тоненький листочек.
Отошлю я, черноброва,
Своему милому.
Что велит мне миленький
Шепотно ходити.
«Не ходи, моя милая,
Бережком, увалом,
Не люби, моя милая,
Женатого даром.
Что женатый—распроклятый,
Холостой—голубчик.
Холостой глазам поводит,
Из ума выводит,
Черны брови воздымает,
Гулять вызывает:
«Выйди, выйди, любезная,
Со мной прогуляться».

Сине море взволновалось,
Да в море рыбка да разыгралася.
Увидали в море рыбочку ловцы,
Баргузински разудалы молодцы.
Шелковой невод закидывали,
В море рыбочку залавливали,
На сухой берег выкидывали,
У живой рыбы выспрашивали:
«Каково тебе, свежа рыба, без воды?»
Так мне, девице, жить без милого дружка.

Я по бережку ходила молода,
Серых гусей я заганивала,
Сама гусям приговаривала:
«Вам пора, гусям, наплаваться,
Мне-ка, девице, наплакаться».
Наплакалась, нарыдалась,
Долго с милым не видалась,
Увидалась, расставалась...

ПРИМЕЧАНИЯ

Фольклорная секция б. Общества изучения Восточной Сибири, фольклорные материалы которой напечатаны в настоящем сборнике, организована в 1933 году при горячей моральной поддержке Н. К. Крупской. После постановления СНК РСФСР о концентрации всей краеведческой работы при музеях, фольклорная секция перешла в ведение Иркутского государственного научного музея.

С 1933 г. по 1937 г. секция накопила значительный фольклорный архив. Часть текстов осталась из фольклорного архива этнологической секции Вост.-Сиб. рус. геогр. общества, которая проводила фольклорные записи на протяжении многих десятилетий, включительно до 1930 года. О ней см. М. К. Азадовский—«Путь этнографических изучений Восточно-Сибирского отдела русского географического общества», жур. «Сибирская живая старина», выпуск VI (к 75-летнему юбилею ВСОРГО. Исторический обзор); отчеты о деятельности этнографической секции с 1923 г. по 1928 г., библиографию о них см. Надежда Бер—«Сибирская живая старина за пять лет» 1923—1928 г. Библиографический указатель. Изд. ВСОРГО. Иркутск, 1929 г.

О работе фольклорной секции б. Общества изучения Восточной Сибири за годы 1933—1937 см. Н. К. Крупская—«Письмо Н. К. Крупской о фольклоре», жур. «Будущая Сибирь», 1933 г., № 6, стр. 36; Р. Гельгардт и В. Чичеров—«К вопросу об экспозиции фольклора» (фольклорно-краеведные выставки-передвижки), жур. «Советское краеведение», 1934 г., № 11 стр. 41—42; В. Чичеров—«Опыт организации выставки-передвижки по фольклору», жур. «Советский музей» № 1, 1935 г., стр. 33. Ст. проф. Ю. М. Соколова, В. Сидельникова «Газеты и фольклор», жур. «Большевистская печать», 1935 г., № 10, стр. 49; ст. проф. Ю. Соколова и В. Сидельникова—«Фольклор и комсомольская печать», жур. «Большевистская печать», 1935 г., № 19—20, стр. 27; ст. Баранова С. Ф. «Песни партизан Восточной Сибири» (к вопросу о характере партизанского фольклора). Известия общества изучения Восточной Сибири, том 1-й, 1936 г., стр. 64; ст. Гуревича А. В.—«Фольклор и работа литературных организаций» (из опыта фольклорной работы Восточно-Сибирского края), жур. «Сиб. Огни», 1935 г., № 5, стр. 130—135; «Фольклорная секция» (краткий отчет о деятельности секции), «Известия Общества изучения Восточной Сибири», том 1-й, 1936 г., стр. 214—215.

I. О ЛЕНИНЕ И СТАЛИНЕ

1. Мои воспоминания о Ленине. Текст устного рассказа записан Гуревичем А. В. в гор. Иркутске в 1932 г. со слов т. Шишкина К. И., 45 лет, пожарника пожарной охраны завода им. В. В. Куйбышева, быв. красного партизана. Малограмотный.

Стенограмма записи этого текста опубликована в ст. А. В. Гуревича. «Как записывать и обрабатывать устные рассказы», «Известия Общества изучения Восточной Сибири», том 1-й, 1936 г., стр. 59—61.

2. Я видел Владимира Ильича. Текст устного рассказа записан т. Петренко П. Г.—ученицей Куйтунской НСШ, 7 кл. «Б»—членом фольклорного кружка Куйтунской школы со слов рабочего Сергеева Р. И. Село Куйтун, участок Овчинниковский, Куйтунского района, Иркутской области. 1935 г.

3. На Байкальском фронте. Текст записан Гуревичем А. В. в Иркутске в 1932 году со слов тов. Комарова М. П., 50 лет, рабочего Куйбышевского завода, быв. красногвардейца, участника байкальских боев и со слов т. Казакова Н. И., быв. военкома на Байкальском фронте.

Творческую обработку этих легенд см. в газ. «Вост.-Сиб. Комсомолец», 1935 г. 21 января, № 18, стих. Зигура—«Ленин на Байкале». Ознакомившись с легендами о Ленине, рожденными в годы гражданской войны на берегах Байкала, Н. К. Крупская пишет: «Все знали, что Ленин—руководитель борьбы за власть Советов. Это знали трудящиеся массы в самых глухих углах России. Но Ленин не принимал непосредственного участия в боях, не бывал и на фронтах, а как можно руководить на расстоянии,—этого часто не могли в те времена представить себе люди неграмотные, кругозор которых был ограничен условиями их замкнутой жизни. Целые легенды складывались насчет Ленина. Байкальские рыбаки далекой Сибири рассказывали, например, лет 10 назад, как в самый разгар боя с белыми прилетел к ним Ильич на самолете и помог им справиться с врагом. На Северном Кавказе говорили, что хоть и не видали они Ленина, но наверное знают, что боролся он у них в рядах Красной армии, только делал это тайно, чтобы никто не знал, помогал их победам».

Н. Крупская—«Воспоминания о Ленине», газ. «Комсомольская Правда», 21 янв. 1937 г. № 17, стр. 2.

Бурятские частушки о Ленине

4. Записано т. Тугутовым Р. Ф. в Аларском аймаке, Иркутской области, 1934 года. По материалам фольклорной секции опубликовано в газ. «Комсомольская Правда» от 5/IV-1935 г., в ст. А. Лозановой—«Ленин в устном творчестве народов СССР», жур. «Литературная учеба», 1936 г., № 1, стр. 13,

5. Записано т. Тугутовым Р. Ф. в Аларском аймаке, Иркутской области, 1934 г. Текст частушки является одним из устойчивых текстов, записанных в разных аймаках Бурятии, см. «Бурятоведческий сборник» 1926 г., 1, стр. 74.

Жизнь счастливую куем по заветам Ленина

6. Записано т. Веселовой А. И. Колхоз «Каганович», Зиминского района, Иркутской области, 1936 г.

7. Записано т. Молоковым. В. с. Савватеевка, Нерчинского района, Читинской области, 1936 г.

Оба текста частушек являются весьма распространенными, имеются в фольклорном архиве фольклорной секции Иркутского государственного научного музея в записях собирателей Зиминского, Куйтунского, Черемховского районов, Иркутской области, в целом ряде районов Читинской области и БМАССР.

Бурятские песни о Сталине

8—9. Песни о Сталине и Сталинской Конституции записаны на бурят-монгольском языке от бурятского хора Аларского аймака, Иркутской области—участников первой краевой совхозно-колхозной олимпиады в 1936 году. Запись и построчный перевод произведены членом фольклорной секции т. Самсоновой М. П. Построчный перевод первой песни опубликован в газ. «Вост.-Сиб. Комсомолец», 1936 г., 18 ноября, № 156, стр. 3. В настоящем сборнике тексты песен даны в художественной обработке сибирского поэта Ин. Луговского.

10. Из письма пионеров и школьников ШКМ с. Новой Уды товарищу Сталину. Весь текст письма опубликован в газ. «Правда» от 6 января 1934 г., № 6, стр. 3.

Ответ т. Сталина на это письмо см. в газ. «Правда», 1934 г., 19 марта. Об авторах письма см. в Иркутской пионерской газете «За здоровую

смену», октябрь 1937 г., в ст. т. Балахниной «Кем стали ребята Новой Уды, писавшие письмо товарищу Сталину».

11. Рассказ колхозника Исакова о Сталине. Текст записан т. Инешиным со слов колхозника Исакова, 76 лет, в с. Новая Уда, Усть-Удинского района, Иркутской области, 1936 год.

Жители с. Новая Уда и всего района с гордостью рассказывают о том, как в их районе был в царской ссылке товарищ Сталин. В с. Новая Уда создался очень интересный цикл легенд о пребывании любимого друга и учителя трудящихся товарища Сталина в ссылке в этом селе. Распространенными являются легенды об излюбленных прогулках И. В. Сталина по горе Киткай, об игре в городки с жителями села, о побеге, происшедшем в 1904 году. Повседневно рассказывая о товарище Сталине и о селе Новая Уда, как месте ссылки любимого вождя—колхозники передают из села в село этот исторический факт в фольклорном плане. Одним из таких легендарных рассказов является и рассказ колхозника Исакова, обобщающего в своей передаче образ гениального руководителя с личными воспоминаниями и рассказами своих односельчан о полит. ссыльных большевиках, находившихся многие годы в селе Новая Уда и соседних с ним селах.

Из биографии товарища Сталина этого периода мы знаем следующее:

«В конце 1901 г. Сталин переезжает в Батум, основывает там Батумский Комитет РСДРП, руководит забастовками на заводах Ротшильда и Манташева и организует известную политическую демонстрацию рабочих в феврале 1902 года. В марте 1902 года Сталина арестовывают в Батуме и, продержав его в тюрьме до конца 1903 года, высылают на три года в Восточную Сибирь, в Балаганский уезд, Иркутской губернии, в село Новая Уда.

Через месяц по прибытии на место ссылки (январь 1904 г.) Сталин бежит из ссылки, приезжает в Тифлис и ведет работу в качестве члена областной организации Закавказья, называвшейся тогда «Закавказским Союзным Комитетом».

Из биографии И. В. Сталина. Газ. «Правда», 21 дек. 1929 года, № 301, стр. 4. О селе Новая Уда, см. полосу—«Цветет колхозная жизнь», газ «Вост. Сиб. Правда», 24 дек. 1937 г., стр. 3.

Сталин—друг, отец, учитель

12. Записано т. Молоковым, в с. Апрелково, Шилкинского района, Читинской области, 1936 г.

13. Записано т. Молоковым в с. Савватеевка, Нерчинского района, Читинской области, 1936 г.

14. Записано т. Светловым в Могочинском районе, Читинской области, 1936 г.

15. Записано т. Викуловым в с. Борщевка, Нерчинского района, Читинской области, 1936 г.

16. Записано т. Веселовой А. И. Колхоз «Каганович», Зиминского района, Иркутской области, 1936 г.

17. Записано т. Жуковой Т. И. в Усть-Удинском районе, Иркутской области, 1936 г.

Все тексты частушек широко бытуют и в других районах Восточной Сибири.

II. КАТОРГА И ССЫЛКА

Устные рассказы о Фрунзе

Устные рассказы о Михаиле Васильевиче Фрунзе свидетельствуют о большой фольклоризации образа любимого командарма и одновременно—о типизации в народе образа большевика в сибирской ссылке. Каждый рассказчик желает видеть Фрунзе у себя на квартире, в результате рассказов остается впечатление, что Фрунзе жил многие годы в с. Манзурке, Качугского района, Иркутской области.

О пребывании Фрунзе в с. Манзурка, Иркутской обл. см. М. В. Фрунзе, собр. соч., том 1-й, стр. 3—9. Автобиография М. В. Фрунзе.

О Фрунзе см.—И. В. Сталин.—«Памяти М. В. Фрунзе» (Речь на похоронах товарища М. В. Фрунзе 4 ноября 1925 года) газ. «Правда» от 5 ноября 1925 г.

К. Е. Ворошилов.—«Памяти дорогого друга Михаила Васильевича Фрунзе», газ. «Правда» от 11 ноября 1925 года; К. Е. Ворошилов.—«М. В. Фрунзе—друг и вождь Красной армии», газ. «Правда» от 31 октября 1926 г.

18. Устный рассказ записан т. Шубиным Т. П. в с. Качуг, Качугского района, Иркутской области со слов пенсионера Иосифа Андреевича Добчинского. 1937 г.

19. Устный рассказ записан т. Шубиным Т. П. в Качугском районе, с. Самодурово, Седовского с/совета в колхозе им. Фрунзе со слов колхозника Подпругина Ивана Вавиловича, 69 лет. 1937 г.

20. Устный рассказ записан т. Шубиным Т. П. в с. Манзурке, Качугского района, Иркутской области, в колхозе имени Молотова со слов колхозника Шошина Павла Андреевича. Неграмотный, 44 л. 1937 г.

21. Устный рассказ записан т. Шубиным Т. П. в с. Манзурке, Качугского района, Иркутской области, в колхозе имени Молотова от колхозницы Рогалевой Агриппины Ивановны. Малограмотная. 1937 г.

Рисунки, о которых рассказывает т. Рогалева, сделаны простым и синим и красным карандашами: портреты политссыльных, тюрьма, начальник тюрьмы, чайник с хлебом на столе. В альбоме никаких подписей нет, и поэтому точно неизвестно, кому он принадлежит. Лишь под одним рисунком—чайник со стаканом и хлебом—подпись «И. Клименко».

22. Устный рассказ записан т. Шубиным Т. П., в с. Манзурке, Качугского района со слов пенсионера Розенберга Яна Юрьевича. 1937 г.

23. Устный рассказ записан т. Шубиным Т. П., в с. Манзурке, Качугского района со слов охотника Суханова Василия Осиповича. Неграмотный, 86 лет. 1937 г.

24. Устный рассказ записан т. Шубиным Т. П., в с. Манзурке, Качугского района, в колхозе им. Молотова со слов колхозника-бригадира Рыкова Якова Иннокентьевича, 31 год. 1937 г.

25. О каторге. Текст записан учеником Куйтунской НСШ—членом фольклорного кружка Куйтунской школы т. Устюжаниным К. со слов колхозника Горбачева Мирона Федоровича. Колхоз им. Яковлева, ст. Куйтун, Иркутской области, 1935 г.

26. В ссылку. Текст записан т. Веселовой А. И., со слов т. Сайфушина Нурея Сахотиновича, 72 лет, колхозника колхоза «Молотова» в с. Кимильтей, Зиминского района, Иркутской области, 1936 г.

Старые революционные песни

27. Песня новобранца. Песня записана Гуревичем А. В. со слов т. Якунина, П. А.—колхозника Заларинского района, Иркутской области, в 1935 г. Текст широко распространен по Восточной Сибири. Для сравнения мы приводим ниже вариант этой песни по архиву Истпарта Обкома ВКП(б) Иркутской области из переписки, отобранной жандармами при аресте в 1905 г. в Иркутске. Фамилия автора переписки неизвестна.

Вынул я жребий недальний.
Смерили, крикнули: «Гож!»
Что же глядишь так уныло?
Ты в царскую службу идешь.
Правда, сынки богатеев
Смогут кой-кого и кой-где...
Дома остаться сумеют,
Ты же пойдешь за него.
Правда, слезами зальются
Мать и жена, и сестра.
Ну, да ничто обойдется:
Царская служба нужна.
Сила та в царском ведь войске.
Там нужны пуля с штыком,
Чтоб расправлялись геройски
С братом своим мужиком.

Если голодный, забитый
Бедный, бесправный мужик
Хлеба захочет досыта,
То в глотку всади ему штык.
Если фабричный рабочий
Захочет на грош отдохнуть,
То помни устав и присягу—
Цельсь верней ему в грудь.
Правда, законы святые
Их давно поп изменил.
Вспомним права крепостные,
Поп тогда что говорил?
Он не видал как дворянство
И царь кровь народную пил,
И жертв крепостного тиранства
Разве не поп хоронил?
Разве не поп равнодушно
Связанных в церкви венчал,
И на смерть пороли в конюшне.
Поп тогда что же молчал?
Прямо из церкви водили
В барские спальни невест.
Где же попы тогда были?
Где их евангелье, крест?
С бедной, голодной семьею
Громко крестьянин стонал,
Звоном своей колокольни
И песнями поп заглушал.
Много теперь проливают
Крови народной и слез.
Поп все свое повторяет:
«Так заповедал Христос».
Стадо таких же баранов
Будет по плацу ходить,
Будет под звук барабанов
Свято присягу хранить.
Может, когда и придется
Мне испытать этот гнет.
Сердце от боли сожмется,
Щеки стыдом мне зальет.

28. Солдатская песня. Песня записана Гуревичем А. В. со слов т. Якунина П. А.—колхозника Заларинского района, Иркутской области, в 1935 г.

29. Говорили царю. Песня записана Гуревичем А. В. со слов т. Якунина П. А.— колхозника Заларинского района, Иркутской области, в 1935 г.

30. Во славном Питере на троне. Песня печатается по списку Читинского областного краеведческого музея. Текст был найден на чердаке в Кузнечных рядах в г. Чите в 1936 году вместе с другими документами (прокламациями, листовками и пр.), относящимися к периоду революции 1905 года.

Варианты этой песни записаны нами от т. Дружининой Ф. К.—бывшей работницы «Лензото», на ст. Кривощеково, Зап.-Сиб. области, в 1935 г.

31. Записано т. Поповой А. С. со слов Н. И. Поповой. Иркутск, 1935 год. По словам исполнительницы, она выучила текст песни-эпиграммы в Качуге, Иркутской области, будучи домработницей одного из политссыльных в 90-х годах XIX века. Начало подобной песни-эпиграммы исходит от известного рылеевского текста «Царь наш—немец прусский». См. песню Рылеева в сборнике «Песни русских поэтов» (XVIII—первая половина XIX века). Редакция, статья и комментарии Ив. Н. Розанова. Изд. «Библиотека поэта», 1936 г., стр. 177.

32. Текст записан т. Элиасовым Л. Е. со слов т. Кожевина И. М.—счетовода колхоза «Заря» в с. Читкане, Баргузинского аймака, БМАССР, 1936 г.

33. Текст записан т. Коноваловым-Сибиряком П. В. с. Акша, Читинской области в 1927 г. Фамилия исполнителя неизвестна. Из фольклорного архива фольклорной секции Иркутского государственного научного музея.

34. Лишь только в Сибири займется заря. Текст записан т. Коноваловым-Сибиряком П. со слов бывшего ссыльно-поселенца т. Михалева в г. Нерчинске, Нерчинского района, Читинской области в 1929 г. Из фольклорного архива фольклорной секции Иркутского государственного научного музея.

35. Эх, ты доля, моя доля. Текст записан т. Элиасовым Л. Е. со слов т. Кожевина, И. М.—счетовода колхоза «Заря» в с. Читкане, Баргузинского аймака, БМАССР, 1936 г.

Варианты песен печатались после Октября во многих сборниках песен центральных изданий.

Лирические частушки о политических ссыльных

36—39. Тексты публикуются по фольклорному архиву фольклорной секции Иркутского государственного научного музея. Частушки записаны П. Рыковым в с. Манзурке, Качугского района, Иркутской области, в 1913—1914 гг.

Близкие к этим текстам являются частушки, опубликованные в статье т. Тетерина П. И.—«Политическая ссылка в народной поэзии Киренского уезда». Журнал «Каторга и ссылка», 1924 г., № 6; сборник великорусских частушек под ред. Е. Елеонской, 1914 г., гл. «Частушки Иркутской губернии» №№ 5998—6001.

Арестантские песни

40. Далеко в стране Иркутской. Текст песни записан т. Коноваловым-Сибиряком в с. Акша, Читинской области в 1927 г. Фамилия исполнителя неизвестна. Настоящая песня является одной из популярнейших песен каторги и ссылки. Первоначально в 90-х годах XIX века она насчитывала 157 стихов. В настоящее время имеет огромное число вариантов. Полный текст песни «Александровский централ» опубликован в журнале «Сибирский архив», Иркутск, 1912 г., стр. 445—448. Новые варианты песни см. в сибирских публикациях: в монографии т. Кудрявцева Ф. А.—«Александровский централ», Иркутск, 1936 г.; в ст. т. Баранова С. Ф.—«Из песен сибирских партизан» в сборнике «Известия Иркутского государственного научного музея», том II, 1937 г., стр. 92—93, текст № 11. Варианты «Александровского централа» опубликовывались не раз и в издаваемых в центре сборниках песен.

41—42. Тексты записаны т. Элиасовым Л. Е. со слов Кожевина И. М.—счетовода колхоза «Заря» в с. Читкане, Баргузинского аймака, БМАССР, 1936 г.

43. Песня о Ланцове. Текст записан т. Жуковой Т. И. от колхозниц Усольского района, Иркутской области, колхоз им. Кирова, 1936 г. Песня о Ланцове одна из популярнейших тюремных песен. О Ланцове и истории создания этой песни см. Львов Е.—«В Сибирь на каторгу». Повесть. Характеристики и арабески. Москва 1876 г. гл., «Пересылочные вообще и Ланцов в особенности», стр. 102—103. Вариант песни см. «Записи Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела имп. рус. географического общества», том 1-й, Красноярск, 1902 г., гл. IX. «Песни», текст № 71, стр. 165—166.

В Сретенском районе, Читинской области, одновременно с песней бытует интересный цикл легенд о Ланцове. Но легенды эти собраны в незначительном количестве.

Песня о Ланцове известна в разных концах Сибири. Приводим вариант этой песни в записи т. Хвойновой, записанный со слов колхозников Братского района, Иркутской области, 1936 г.

Ланцов задумал убежать

Звенит звонок насчет проверки:
Ланцов из замка убежал.
По чердаку он долго шлялся—
Себе веревочку искал.
Нашел веревку, стал спускаться
По узкой саженой трубе.
Когда на землю он спустился,
Его заметил там казак.
И выстрел громовой раздался.
Но промахнулся, не попал.
Лугами, лесом и полями
Казак на серенькой лошадке
С докладом к князю поскакал.
Бежал Ланцов трактом-дорогой
И своротил на правый путь,
И под зелеными кустами
Ланцов задумал отдохнуть.
Ланцов ходил три года лесом
Чего он пил, чего он ел?

Новые варианты песен о Ланцове см. также в хрестоматии «Русский фольклор» Н. П. Андреева, 1936 г., гл. «Тюремные песни», стр. 156—157, записи т. Астаховой А. М. в с. Тарбагатае, БМАССР (1934 г.), в Московской области (1935 г.).

44—45. Тексты песен записаны т. Туленковым Г. А., г. Сретенск, Сретенского района, Читинской области, 1937 г.

III. В ГОДЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

46. Вижу я на переходе. Текст записан т. Лукашовым со слов колхозника т. Кадникова Н. Н. в с. Хомутово, Иркутского района, Иркутской области, в 1937 г.

В фольклорном архиве фольклорной секции Иркутского государственного научного музея имеется вариант этой песни, главным образом разрабатывающий мотивы окопной жизни. Текст варианта следующий:

Хорошо тебе на воле
Сыпать бисером слова.
Посидел бы ты в окопах,
Испытал бы то, что я.
Посидел бы ты в окопах,
Покормил голодных вшей.
Похлебал бы ты холодных
И пустых вонючих щей.
Ты б не перся жирным брюхом,
К нам в окопы не ходил.
Только ты войны не нюхал:
Ты в тылу, собака, был!

47. На краю села избушка. Текст записан т. Дмитриевым К. А. со слов колхозницы т. Голосковой Александры Семеновны в с. Урулюнгуй, колхоз имени Кирова, Быркинского района, Читинской области, 1936 г.

48. В чужой земле изнемогаю. Текст записан т. Лукашевым со

слов колхозника т. Кадникова Н. Н. в с. Хомутово, Иркутского района, Иркутской области, 1937 г.

49. Текст записан т. Дмитриевым К. А. со слов колхозницы т. Голосковой Александры Семеновны в с. Урулюнгуй, колхоз имени Кирова, Быркинского района, Читинской области, 1936 г.

50. Сказка про Распутина. Текст записан Гуревичем А. В. со слов сказочника т. Прасолова Г. П., 30 лет, колхозника колхоза «Красный партизан» в с. Бельском, Черемховского района, Иркутской области, 1936 г. По свидетельству сказочника, сказку про Распутина принесли в с. Бельское солдаты, вернувшиеся с фронтов империалистической войны. Сказка содержит в себе целый ряд эротических мест, опущенных нами.

51. Рассказ тылоополченца бурята. Устный рассказ записан т. Тугутовым Р. Ф. со слов т. Булхевича П. П., 50 лет, колхозника кузнеца в улусе Хадахан, Аларского аймака, Иркутской области, 1936 г.

Рекрутские частушки

52. Текст записан т. Гуревичем А. В. со слов охотника т. Госькова Семена в с. Верхний Ангарск, Байкальского района, БМАССР, 1927 г.

53—58. Тексты записаны в с. Качуг и с. Косая Степь, Качугского района, Иркутской области, 1914 г. Частушки публикуются по фольклорному архиву фольклорной секции Иркутского государственного научного музея.

59. Текст записан т. Гуревичем А. В. со слов охотника т. Госькова Семена в с. Верхний Ангарск, Байкальского района, БМАССР, 1927 г.

60—62. Тексты записаны в с. Качуг и в с. Косая Степь, Качугского района, Иркутской области в 1914 г. Частушки публикуются по фольклорному архиву фольклорной секции Иркутского государственного научного музея.

63. Текст записан Гуревичем А. В. со слов охотника т. Госькова Семена, в с. Верхний Ангарск, Байкальского района, БМАССР, 1927 г.

Варианты рекрутских частушек см. в сборнике великорусских частушек под редакцией Е. Елеонской, 1914 г. гл. «Частушки Иркутской губернии», №№ 5953, 5969, 6007.

IV. В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

Песни гражданской войны

Иркутские

64. В Александровском селеньи. Текст песни записан т. Дмитриевым К. А. со слов т. Шубиной Ап. Г., Иркутск, 1935 г. Песня имеет ряд вариантов, популярна особенно в Усольском районе, Иркутской области.

65. Солдату белогвардейцу. Текст песни публикуется по материалам Иркутского областного архива «Фонд партизанского штаба Шиткинского фронта», Д. 6, л. 4. Автор песни поэт-партизан Ребров-Денисов, один из популярных партизанских поэтов. О нем см. ст. А. Гуревича и Ф. Кудрявцева—«Поэт красный партизан», жур. «Новая Сибирь», 1935 г., № 9, стр. 107—110.

66. В воскресенье мать старушка. Текст песни записан Гуревичем А. В. со слов слепого певца в г. Иркутске, в предместье Маратово в 1935 г. Это одна из популярнейших песен в Восточной Сибири. Имеется ряд вариантов. Один из вариантов песни записан на Урале, см. Уральский фольклорный сборник, «Сказы, песни, частушки». Под редакцией Е. М. Блиновой. Челябинск, 1937 г., стр. 217—218, текст № 9.

Зиминские и куйтунские

67. Расстрел партизана. Текст песни записан т. Веселовой А. И. со слов т. Мишина А., с. Кимильтей, Зиминского района, Иркутской области, 1937 г.

68. Песня о винтовке. Песня сложена в годы гражданской войны красноармейцем—сельским учителем П. И. Соколовым, с. Куйтун, Куйтунского района, Иркутской области, 1935 г. Из фольклорного архива фольклорной секции Иркутского государственного научного музея.

69. Красный бант. Текст песни записан т. Барановым С. Ф. от группы партизан. Песня сложена поэтом-партизаном Е. Петровым в 1920 г. Из материалов фольклорной экспедиции Иркутского пединститута. Петровск-Забайкальск, 1936 г., фольклорный архив фольклорной секции Иркутского государственного научного музея.

70. Любила меня мать, уважала. Текст песни записан в Петровск-Забайкальске в 1936 г. Из материалов фольклорной экспедиции Иркутского пединститута. Фольклорный архив фольклорной секции Иркутского государственного научного музея.

71. Не вейтеся, белые чайки. Текст песни записан т. Барановым С. Ф. от т. Романова М. С., 29 лет, тракториста колхоза «Красный партизан». Он слышал и выучил песню маленьким от партизан, с. Харауз, Петровско-Забайкальского района, Читинской области, 1936 г. Из материалов фольклорной экспедиции Иркутского пединститута. Фольклорный архив фольклорной секции Иркутского государственного научного музея.

Текст опубликован в ст. т. Баранова С. Ф.—«О песнях партизан Забайкалья». Известия Иркутского государственного научного музея, том II, 1937 г., стр. 92, текст № 10. Вариант см. А. Георгиевский.—Фольклор Приморья», Владивосток, 1929 г., стр. 93, текст № 7.

72. Вот полночь наступает. Текст песни записан т. Барановым С. Ф. в г. Петровск-Забайкальске, со слов Боровского Бори, ученика 5 класса, 12 лет, пионер. Слышал он эту песню раньше от «братана». Из материалов фольклорной экспедиции Иркутского пединститута. Фольклорный архив Иркутского государственного научного музея. Вариант песни см. А. Георгиевский. «Фольклор Приморья», Владивосток, 1929 г., стр. 94, текст № 9.

73. По ущельям Амурского края. Текст песни записан т. Барановым С. Ф. со слов т. Романова М. Е., 29 лет. Тракторист колхоза «Красный партизан», с. Харауз, Петровско-Забайкальского района, Читинской области, 1936 г. Из материалов фольклорной экспедиции Иркутского пединститута. Фольклорный архив Иркутского государственного научного музея.

74. По ту сторону Байкала. Текст песни записан со слов т. Геника В. П., с. Харауз, Петровско-Забайкальского района, Читинской области, 1936 г. Из материалов фольклорной экспедиции Иркутского пединститута. Фольклорный архив Иркутского государственного научного музея. Вторая половина текста представляет собою переработку прощальной песни умирающего в бою солдата.

75. Текст песни записан со слов т. Геника В. П., с. Харауз, Петровско-Забайкальского района, Читинской области. Из материалов фольклорной экспедиции Иркутского пединститута. Фольклорный архив Иркутского государственного научного музея. Текст песни является одной из новейших переработок известной дореволюционной песни «Похороны Чуркина». Текст и краткую историю этой песни см. «Русская баллада». Предисловие, редакция и примечания В. И. Чернышева. Вступительная ст. Н. П. Андреева. «Советский писатель», 1936 г., стр. 368—369 и 401—472, № 336. Тексты «Похороны Чуркина» подвергались переделкам и среди партизан Беломорского побережья. См. об этом ст. т. Астаховой А. М. «Фольклор гражданской войны». Сборник «Советский фольклор». Выпуск первый. Издание Академии Наук СССР. Ленинград, 1934 г., стр. 25—27.

76. Партизанская песня. Текст песни записан т. Барановым С. Ф. со слов т. Дианова Ф. Ф.—быв. партизана. Гор. Петровск-Забайкальск, 1936 г. По словам исполнителя, эту песню пели амурские партизаны в начале двадцатых годов. Сочинил песню один из партизан, стремясь передать настроение партизанских отрядов, соединившихся с полками Красной Армии. Из материалов фольклорной экспедиции Иркутского пединститута. Фольклорный архив Иркутского государственного научного музея. Вариант этой песни записан т. Барановым С. Ф. со слов учительницы Горбуновой в Иркутске, 1935 г. Исполнительница усвоила песню в с. Мангут, Кыринского района, Читинской области. Вариант опубликован в ст. С. Ф. Баранова—«Песни партизан Восточной Сибири» (к вопросу о характере партизанского фольклора). Известия Общества изучения Восточной Сибири. Том 1-й, 1936 г., стр. 91. Вариант песни имеется в фольклорном архиве Иркутского государственного научного музея в записи качугских краеведов.

Читинские

77. Партизаны. Песня записана партизаном т. Трифоновым А. в г. Чита, 1936 г. Фольклорный архив Иркутского государственного научного музея.

78. Сон Семенова. Песня-сатира была широко распространена в Читинском и др. соседних районах. Печатается по материалам Улан-Удэнского архива, БМАССР. Вариант песни-сатиры и краткую историю ее см. в указанной выше ст. С. Ф. Баранова, текст песни «Прощайте, други, я уезжаю», стр. 85—86.

79. Во селеньи в крестьянской избушке. Текст песни записан г. Молоковым со слов красных партизан. Нерчинский район, Читинской области, 1936 г. Это один из популярнейших текстов, бытующих в разных концах Сибири. Он является распространенным и в др. частях Союза. Так, например, г. Астахова А. М. записала эту песню на Беломорском побережье и в Заонежье. См. ст. т. Астаховой А. М.—«Фольклор гражданской войны», сборник «Советский фольклор». Выпуск первый. Изд. Ак. Наук СССР. Ленинград, 1934 г., стр. 27—28. Вариант этой песни см. также в ст. т. Соколова Ю. М. «Песни и рассказы колхозной деревни», журн. «Колхозник», 1935 г. № 2, стр. 99.

80. Текст песни записан т. Лончаковым со слов т. Кривоносова Г. Ф. в колхозе имени Сталина, Нерчинского района, Читинской области.

81. Знаю, ворон, твой обычай. Текст песни записан т. Лончаковым со слов т. Воропаева. Нерчинский район, Читинской области, 1936 г. Одна из популярнейших песен в Восточной Сибири. Вариант песни см. в ст. т. Баранова С. Ф.—«О песнях партизан Забайкалья», Известия Иркутского государственного научного музея. Том II-й, 1937 г., стр. 89—90, текст № 5.

Ниже мы приводим вариант этой песни в записи т. Дмитриева К. А. из фольклорного архива Иркутского государственного научного музея.

Под Богдатью есь то место,
Где кипел кровавый бой,
Бой кровавый, пир богатый
Будем помнить целый век.
Приходил туды с лопатой
Ненавистный человек.
Закопал в свою могилу
Храбрецов богатый рой.
Их теперь нихто не тронет
При могильной тишине.
На могилу едут, плачут
Сестры, матери, отцы...

Песня записана со слов т. Голосковой Александры Семеновны, 68 лет, члена колхоза имени Кирова, и от т. Бумашевой Кирильи Спиридоновны, 58 лет, члена колхоза имени Лазо, с. Урулюнгуй, Быркинского района, Читинской области, 1936 г.

82—83. Тексты песен записаны т. Молоковым от красных партизан, Нерчинского района, Читинской области, 1936 г.

Сретенские

84. Из-под расстрела на волю. Текст песни записан т. Секисовым Ф. Г. Гор. Сретенск, Сретенского района, Читинской области, 1936 г.

85. Текст песни записан т. Томилиным Н. Н. со слов красных партизан. Гор. Сретенск, Сретенского района, Читинской области, 1936 г.

Вариант песни см. в сб. «Партизаны», Чита, 1929 г.

86. Он жизнь за родину отдал. Текст записан т. Гуревичем А. В. со слов т. Сидорова. Гор. Сретенск, Сретенского района, Читинской области, 1936 г.

87. Текст песни записан т. Томилиным Н. Н. со слов красных партизан. Гор. Сретенск, Сретенского района, Читинской области, 1936 г.

Вариант песни см. в сб. «Партизаны», Чита, 1929 г.

Быркинские

88. Текст песни записан т. Дмитриевым К. А. со слов т. Шестакова В. Ф. в с. Урулюнгуй, Быркинского района, Читинской области, 1936 г.

Это одна из популярнейших партизанских песен в Восточной Сибири, имеет много вариантов.

Шахтаминские

89. Богдатьский бой. Текст песни записан т. Горячкиной в Шахтаминском районе, Читинской области, 1936 г. Текст одноименной песни см. в ст. Баранова С. Ф.—«Песни партизан Восточной Сибири» (к вопросу о характере партизанского фольклора), Известия Общества изучения Восточной Сибири. Том 1-й, 1936 г., стр. 86.

90. Текст песни записан т. Тяпкиным В. С. со слов красных партизан. Прииск Шахтама, Шахтаминского района, Читинской области, 1937 г.

Ононские

91. Текст песни записан т. Зубовым С. М. в Улан-Ононском районе, Читинской области, 1936 г. и опубликован в ст. Гуревича А. В. «Новые записи партизанского фольклора», газ. «Вост. Сиб. Комсомолец», 23 февр. № 27. 1936 г.

92. Из пади Алтагачана. Текст записан в 1937 г. Фольклорный архив Иркутского государственного научного музея. Вариант этой песни см. в ст. Баранова С. Ф.—«О песнях партизан Забайкалья», Известия Иркутского государственного научного музея. Том II-й, 1937 г., стр. 94, текст № 13.

93. Юный партизан. Текст записан в 1936 г. Фольклорный архив Иркутского государственного научного музея.

Сучанские

94—95. Оба текста записаны т. Гуревичем А. В. со слов т. Дружининой Ф. К., 1935 г. По свидетельству исполнительницы тексты широко бытовали в Сучанском районе ДВК в годы гражданской войны.

Партизанские частушки

Куйтунские

96—98. Тексты частушек записаны т. Сергеевым—членом фольклорного кружка Куйтунской НСШ, Куйтунского района, Иркутской области. Тексты опубликованы в газ. «Вост. Сиб. Комсомолец» № 198, 30 окт. 1935 г., стр. 3.

Качугские

99—100. Тексты частушек записаны в Качуге, Качугского района, Иркутской области, 1936 г. Из фольклорного архива фольклорной секции Иркутского государственного научного музея. Тексты опубликованы в газ. «Вост. Сиб. Комсомолец», № 198, 30 окт. 1935 г., стр. 3.

Сретенские

101. Текст записан т. Коптеловым в Сретенском районе, Читинской области, 1936 г.

102. Текст записан Гуревичем А. В. в Сретенском районе, Читинской области, 1936 г.

Ононские

103—112. Тексты записаны т. Зубовым С. М. в Улан-Ононском районе, Читинской области, 1936 г. Тексты опубликованы в ст. Гуревича А. В. «Новые записи партизанского фольклора», газ. «Вост. Сиб. Комсомолец», 23 февраля № 27. 1936 г.

В ст. т. Баранова С. Ф.—«Песни партизан Восточной Сибири» (к вопросу о характере партизанского фольклора), Известия Иркутского государственного научного музея. Том 1-й, стр. 93—94.

Устные рассказы

113. Рассказ о Журавлеве. Текст устного рассказа записан т. Петушковой и т. Дмитриевым К. А. со слов рабочего горводопровода т. Любезных С. Е.—бывшего красного партизана. Г. Иркутск, 1936 г.

114. Каратели. Текст устного рассказа записан т. Дмитриевым К. А. со слов т. Банникова Аф., 32 лет. Совхоз «Красный великан», Борзинского района, Читинской области, 1936 г.

115. Текст устного рассказа записан т. Дмитриевым К. А. со слов колхозника т. Матвеева А. С., село Урулюнгуй, Быркинского района, Читинской области, 1936 г.

Пословицы гражданской войны

116. Каждый куст и пень стреляет. Стенограмма записи Гуревича А. В. со слов т. Казакова, быв. военкома Байкальского фронта. Г. Иркутск, 1932 г.

117. Вот тебе Она—нам всем хана. Стенограмма записи Гуревича А. В. со слов т. Малышева, быв. красного партизана Тасеевского фронта. Г. Иркутск, 1932 г.

118. Текст записан Гуревичем А. В. от красных партизан. Г. Иркутск, 1932 г.

119. Текст записан Гуревичем А. В. от рабочих завода им. В. В. Куйбышева. Г. Иркутск, 1932 г. Эта поговорка и теперь является широко распространенной в разных концах Восточной Сибири.

V. СИБИРЬ СОВЕТСКАЯ

Бурятские песни

Да здравствует Октябрь.

120—124. Текст песен записан со слов т. Тороева—знаменитого бурятского народного сказителя и певца-импровизатора», 1936 г. Из фольклорного архива Иркутского государственного научного музея.

Песни забайкальского казачества

125. Поведет нас в бой Буденный. Текст песни записан т. Урюпиным М., 1936 г., Быркинский район, Читинской области. Из фольклорного архива фольклорной секции Иркутского государственного научного музея.

126. Герой наш Блюхер с нами. Текст песни записан т. Козыриным, колхозником Сретенского района, Читинской области, 1936 г.

127. Застава. Текст песни записан т. Хвойновой со слов т. Рыбкина, Братский район, Иркутской области, 1936 г.

128. Текст песни записан т. Дмитриевым К. А. от группы учеников НСШ, с. Урулюнгуй, Быркинского района, Читинской области, 1936 г.

129. Песня о чекисте. Текст песни записан т. Веселовой А. И. со слов т. Штыркина П. М.—сына колхозника, уч. 6 кл. 15 НСШ, с. Кимильтей, Зиминского района, Иркутской области, 1937 г. Это одна из популярных песен, бытующая в разных концах Восточной Сибири. Песня имеет несколько вариантов. Приводим один из них.

Спою вам песню боевую,
На гордость нам и страх врагам.
Как пограничники чекисты
Хранят советскую страну.
Чтоб сохранить нам пятилетку,
Чтоб сохранить нам верный труд,
Борясь штыками с контрабандой,
Чекисты жизнь свою кладут.
Приказ начальника заставы
Секретом срочно он гласил:
«Седлай скорей коня». От боя
На переправу поспешил.
Павленко ехал торопился,
Навстречу ветер ветки гнул.

Сквозь тальники на пост пробрался.
С прохладой он Амур вздохнул.
Глухая ночка наступала,
Закрыла пост сторожевой.
Проходит лодка с контрабандой,
Павленко крикнул громко: «Стой!»
Чтоб задержать контрабандистов,
Сумел он выстрел кверху дать,
Но вражья пуля с автомата
Сумела жизнь его отнять.
Когда чекисты прискакали
Помочь товарищу в бою,
Бандиты трусы убегали,
Чекист оставил жизнь свою.
Когда Павленко хоронили,
Мы все над гробом поклялись.
И эти пять в четыре года
Сорвать врагу мы не дадим!
— Не плачьте, милые родные,
Что в край родной я не вернусь,
На Благовещенском кладбище
Навеки жить я остаюсь...

Записано т. Гордеевой со слов Федоровой, Сретенский район, Читинской области, 1936 г.

Три песни о Чапаеве

В Восточной Сибири песни о любимом народном герое Чапаеве стали особенно популярны после кинофильма «Чапаев». В фольклорном архиве фольклорной секции Иркутского государственного научного музея имеется также ряд текстов песен, возникших после просмотра замечательного кинофильма «Чапаев».

130. Текст песни записан т. Элиасовым Л. Е. со слов т. Пашкова, уч. 4-го класса Куналейской школы, Тарбагатайского района, БМАССР—участника 1-й Краевой совхозно-колхозной олимпиады в г. Иркутске, 1936 г.

131. Текст песни записан от т. Свинкина, уч. 6 класса г. Петровско-Забайкальск, Читинской области, 1936 г. По свидетельству исполнителя, он усвоил песню школьников дер. Кули, Петровско-Забайкальского района, Читинской области. Из материалов фольклорной экспедиции Иркутского пединститута. Фольклорный архив Иркутского государственного научного музея.

132. Текст песни записан т. Гордеевой со слов Федоровой. Сретенский район, Читинской области, 1936 г. Автор песни поэт Михаил Голодный. Авторский текст см. в сборнике «Песни страны Советов», М. 1937 г.—«Песня чапаевца», стр. 52—53.

133. На смерть рыбакам. Текст песни записан т. Элиасовым Л. Е. со слов т. Разуваевой Л. А., с. Т. Уро, колхоз «Хлебороб», Баргузинского аймака, БМАССР, 1937 г.

134. Грамота. Текст песни записан Гуревичем А. В. со слов т. Сидорова, в г. Сретенске, Сретенского района, Читинской области, 1936 г.

МЫ ПО-НОВОМУ ЖИВЕМ—ПЕСНИ НОВЫЕ ПОЕМ

Частушки

Нас ведет товарищ Сталин к жизни замечательной

135. Записано т. Викуловым в с. Борщевка, Нерчинского района, Читинской области, 1936 г.

136. Записано т. Екимовым П. Ф. в Нерчинско-Заводском районе, Читинской области, 1936 г.

137—138. Записаны т. Кутузовой в с. Шелапугино, Сретенского района, Читинской области, 1936 г.

139. Записано т. Жуковой Т. И. в Заларинском районе, Иркутской области, 1936 г.

140. Записано т. Веселовой А. И. в колхозе «Каганович», Зиминского района, Иркутской области, 1937 г.

141. Записано т. Молоковым в с. Савватеевка, Нерчинского района, Читинской области, 1936 г.

При Советской власти нашей в ногу с партией идем

142. Записано в г. Чите. 1936 г. Из фольклорного архива фольклорной секции Иркутского государственного научного музея.

143. Записано т. Веселовой А. И. в г. Зима, Зиминского района, Иркутской области, 1937 г.

144. Записано т. Гуревичем А. В. Гор. Сретенск, Сретенского района, Читинской области, 1936 г.

145. Записано т. Сенотрусовой в Нерчинском районе, Читинской области, 1936 г.

146. Записано т. Хомяковой в Балейском районе, Читинской области, 1936 г.

Без буржуев и царя мы живем отлично

147. Записано т. Молоковым в с. Савватеевка, Нерчинского района, Читинской области, 1936 г.

148—150. Записано т. Викуловым в с. Борщевка, Нерчинского района, Читинской области, 1936 г.

151—153. Записано т. Молоковым в с. Савватеевка, Нерчинского района, Читинской области, 1936 г.

154—155. Записано т. Лопатиным в с. Лоншаково, Усть-Карийского района, Иркутской области, 1936 г.

156. Записано т. Веселовым И. И. в колхозе «Каганович», Зиминского района, Иркутской области, 1937 г.

157—158. Записано т. Викуловым в с. Борщевка, Нерчинского района, Читинской области, 1936 г.

159. Записано т. Молоковым в с. Савватеевка, Нерчинского района, Читинской области, 1936 г.

160. Записано т. Викуловым в с. Борщевка, Нерчинского района, Читинской области, 1936 г.

161. Записано т. Лопатиным в с. Лоншаково, Усть-Карийского района, Читинской области, 1936 г.

162. Записано т. Викуловым в с. Борщевка, Нерчинского района, Читинской области, 1936 г.

163. Записано т. Хомяковым, Балейский район, Читинской области, 1936 г.

164. Записано в г. Чите, 1936 г. Из фольклорного архива фольклорной секции Общества изучения Восточной Сибири.

165. Записано т. Хомяковым, Балейский район, Читинской области, 1936 г.

166. Записано т. Веселовой А. И., Зиминский район, Иркутской области, 1937 г.

167. Записано т. Бочкаревым, Балейский район, Читинской области, 1936 г.

168. Записано т. Черенцовой, Шахтаминский район, Читинской области, 1936 г.

169. Записано т. Шемеливой, Балейский район, Читинской области, 1936 г.

170. Записано т. Молоковым, Нерчинский район, Читинской области, 1936 г.

171. Записано т. Викуловым в с. Борщевка, Нерчинского района, Читинской области, 1936 г.

172—173. Записано т. Элиасовым, Л. Е. в с. Баргузин, Баргузинского аймака, БМАССР, 1936 г.

174. Записано т. Жуковой Т. И. Усть-Удинский район, Иркутской области, 1936 г.

175. Записано т. Веселовой А. И. Колхоз «Каганович», Зиминского района, Иркутской области, 1937 г.

176. Записано т. Элиасовым Л. Е., в с. Баргузин, Баргузинского аймака, БМАССР, 1936 г.

177. Записано т. Жуковой Т. И., Заларинский район, Иркутской области, 1936 г.

178. Записано т. Молоковым, Нерчинский район, Читинской области, 1936 г.

179. Записано т. Веселовым И. И., Нижний Ангарск, Северо-Байкальский район, БМАССР, 1936 г.

Мы врагов Советской власти били, бьем и будем бить!

180. Записано т. Гуревичем А. В., гор. Сретенск, Сретенский район, Читинской области, 1936 г.

181. Записано т. Матафановым, Балейский район, Читинской области, 1936 г.

182. Записано т. Колобовым, Балейский район, Читинской области, 1936 г.

183—184. Записано т. Шепелевым, Шахтаминский район, Читинской области, 1936 г.

185. Записано т. Туленковым Г. А. в с. Молодовском, Сретенского района, Читинской области, 1936 г.

186. Записано т. Дмитриевым К. А. Иркутский район, Иркутской области, 1936 г.

187. Записано т. Барановым С. Ф., гор. Петровск-Забайкальск, Петровск-Забайкальский район, Читинской области, 1936 г. Материалы фольклорной экспедиции пединститута Ирк. обл. из фольклорного архива фольклорной секции Общества изучения Восточной Сибири.

188. Записано т. Викуловым в с. Борщевка, Нерчинского района, Читинской области, 1936 г.

189—190. Записано т. Веселовой А. И., Зиминский район, Иркутской области, 1937 г.

191. Записано т. Барановым С. Ф. в с. Харауза, Петровско-Забайкальского района, Читинской области, 1936 г. Материалы фольклорной экспедиции пединститута Ирк. обл. из фольклорного архива фольклорной секции Общества изучения Восточной Сибири.

Нам не нужно тех в колхоз, кто работать ленится

192—193. Записано т. Веселовой А. И., Зиминский район, Иркутской области, 1937 г.

194—196. Записано т. Лопатиным в с. Лоншаково, Усть-Карийского района, Читинской области, 1936 г.

197—198. Записано т. Коптеловым в с. Болотово, Сретенского района, Читинской области, 1936 г.

199—200. Записано т. Молоковым, Нерчинский район, Читинской области, 1936 г.

С каждым днем культурнее

201—204. Записано т. Гуревичем А. В. со слов колхозницы-доярки т. Петровой, колхоз им. Калинина, с. Бельское, Черемховского района, Иркутской области, 1936 г.

205. Записано т. Жиляевой. Нерчинский район, Читинской области, 1936 г.

206. Записано т. Элиасовым Л. Е. в с. Баргузин, Баргузинского аймака, БМАССР, 1937 г.

207. Записано т. Веселовой А. И. Зиминский район, Иркутской области, 1937 г.

208. Записано т. Лопатиным в с. Лоншаково, Усть-Карийского района, Читинской области, 1936 г.

209. Записано т. Жуковой Т. И. Усть-Удинский район, Иркутской области, 1937 г.

210. Записано т. Элиасовым Л. Е. в с. Баргузин, Баргузинского аймака, БМАССР, 1936 г.

211. Записано т. Туленковым Г. А. в с. Молодовка, Сретенского района, Читинской области, 1936 г.

212. Записано т. Элиасовым Л. Е. в с. Баргузин, Баргузинского аймака, БМАССР, 1936 г.
213. Записано т. Золотуевой, Балейский район, Читинской области, 1936 г.
214. Записано т. Коптеловым в с. Болотово, Сретенского района, Читинской области, 1936 г.
215. Записано т. Шемелевой, Чернышевский район, Читинской области, 1936 г.
216. Записано т. Молоковым в с. Савватеевка, Нерчинского района, Читинской области, 1936 г.
217. Записано т. Лопатиным в с. Лоншаково, Усть-Карийского района, Читинской области, 1936 г.
218. Записано т. Дмитриевым К. А. в с. Куналей, Тарбагатайского района, БМАССР, 1936 г.
219. Записано т. Стафеевым, Шилкинский район, Читинской области, 1936 г.
220. Записано т. Хорошевым П. П. Киренский район, Иркутской области, 1936 г.

Прежде в воздухе полеты были сказка или сон.

221—224. Записано т. Элиасовым Л. Е. в с. Баргузин, Баргузинского аймака, БМАССР, 1936 г.
225—226. Записано в с. Тайтурка, Усольского района, Иркутской области, 1937 г. Из фольклорного архива Иркутского государственного научного музея.
227. Записано т. Федоровым Ю. В. Черемховский район, Иркутской области, 1937 г.

По-стахановски работать, не у печки руки греть

228. Записано т. Барановым, Шахтаминский район, Читинской области, 1936 г.
229. Записано т. Молоковым в с. Апрелково, Нерчинского района, Читинской области, 1936 г.
230—233. Записано т. Лопатиным в с. Лоншаково, Усть-Карийского района, Читинской области, 1936 г.
234. Записано т. Викуловым в с. Борщевка, Нерчинского района, Читинской области, 1936 г.
235. Из фольклорного архива фольклорной секции Общества изучения Восточной Сибири.
236. Записано т. Мищенко, Балейский район, Читинской области, 1936 г.
237. Записано т. Веселовой А. И. в колхозе «Каганович», Зиминского района, Иркутской области, 1937 г.
238. Записано т. Стафеевым, Шилкинский район, Читинской области, 1936 г.
239. Записано т. Молоковым в с. Савватеевка, Нерчинского района, Читинской области, 1936 г.
240. Записано т. Элиасовым Л. Е. в с. Баргузин, Баргузинского аймака, БМАССР, 1936 г.
241—242. Записано т. Элиасовым Л. Е. в с. Читкан, Баргузинского аймака, БМАССР, 1936 г.
243. Записано т. Молоковым в с. Савватеевка, Нерчинского района, Читинской области, 1936 г.
244. Записано т. Молоковым в с. Апрелково, Нерчинского района, Читинской области, 1936 г.
245. Записано т. Жуковой Т. П. в с. Новая Уда, Усть-Удинского района, Иркутской области, 1936 г.
246. Записано т. Элиасовым Л. Е. в с. Усть-Баргузин, Баргузинского аймака, БМАССР, 1936 г.

Стала женщина в почете
Бесконечно высока

247. Записано т. Викуловым в с. Борщевка, Нерчинского района, Читинской области, 1936 г.

248. Записано т. Веселовым И. И. в колхозе «Каганович», Зиминского района, Иркутской области, 1937 г.
249—250. Записано т. Веселовой А. И. в колхозе «Каганович», Зиминского района, Иркутской области, 1937 г.
251. Записано т. Жуковой Т. И. в с. Новая Уда, Усть-Удинского района, Иркутской области, 1936 г.
252. Записано т. Викуловым в с. Борщевка, Нерчинского района, Читинской области, 1936 г.
253. Записано т. Веселовым И. И. Зиминский район, Иркутской области, 1936 г.
254. Записано т. Веселовой А. И. в колхозе «Каганович», Зиминского района, Иркутской области, 1937 г.
255. Записано т. Викуловым в с. Борщевка, Нерчинского района, Читинской области, 1936 г.

Хорошо с милым на поле
О любви поговорить

256. Записано т. Веселовым И. И. в колхозе «Каганович», Зиминского района, Иркутской области, 1937 г.
257—258. Записано т. Федоровым Ю. В. Черемховский район, Иркутской области, 1936 г.
259. Записано т. Викуловым в с. Борщевка, Нерчинского района, Читинской области, 1936 г.
260. Записано т. Молоковым, Нерчинский район, Читинской области, 1936 г.
261. Записано т. Жуковой Т. И., Заларинский район, Иркутской области, 1936 г.
262. Записано т. Хорошевым П. П., Киренский район, Иркутской области, 1936 г.
263. Записано т. Молоковым в с. Савватеевка, Нерчинского района, Читинской области, 1936 г.
264. Записано т. Молоковым в с. Апрелково, Нерчинского района, Читинской области, 1936 г.
265. Записано т. Молоковым в с. Савватеевка, Нерчинского района, Читинской области, 1936 г.
266. Записано т. Молоковым, Нерчинский район, Читинской области, 1936 г.
267. Записано т. Лончаковым в с. Куликово, Нерчинского района, Читинской области, 1936 г.
268. Записано т. Молоковым, Нерчинский район, Читинской области, 1936 г.
269. Записано т. Гуревичем А. В. в с. Бельском, Черемховского района, Иркутской области, 1936 г. со слов доярки т. Петровой.
270. Записано т. Элиасовым Л. Е. в с. Баргузин, Баргузинского аймака, БМАССР, 1936 г.
271. Записано т. Элиасовым Л. Е. в с. Читкан, Баргузинского аймака, БМАССР, 1936 г.
272—275. Записано т. Хорошевым П. П., Киренский район, Иркутской области, 1936 г.
276. Записано т. Веселовой А. И., колхоз «Каганович», Зиминского района, Иркутской области, 1937 г.
277—280. Записано т. Гуревичем А. В. от колхозницы-доярки т. Петровой колхоза «Калинин», с. Бельское, Черемховского района, Иркутской области, 1936 г.
281. Записано т. Хорошевым П. П., Киренский район, Иркутской области, 1936 г.
282. Записано т. Викуловым в с. Борщевка, Нерчинского района, Читинской области, 1936 г.
283. Записано т. Молоковым, Нерчинский район, Читинской области, 1936 г.
284. Записано т. Викуловым в с. Борщевка, Нерчинского района, Читинской области, 1936 г.
285. Записано т. Веселовой, колхоз «Каганович», Зиминского района, Иркутской области, 1937 г.

286. Записано т. Викуловым в с. Борщевка, Нерчинского района, Читинской области, 1936 г.

Знаем, кто враги народа,
Их в совет не проведем

287—290. Записано т. Пляскиным в с. Зюльза, Нерчинского района, Читинской области, 1937 г.

С Конституцией Советов
Нас никто не победит

291. Записано т. Жуковой Т. И., Заларинский район, Иркутской области, 1937 г.
292. Записано т. Жуковой Т. И., с. Новая Уда, Иркутской области, 1937 г.
293. Записано т. Горяшиной, Шахтаминский район, Читинской области, 1936 г.
294. Записано т. Веселовой А. И., г. Зима, Зиминский район, Иркутской области, 1937 г.
295. Записано т. Соловьевым М. П., колхоз «Прогресс» Усольский район, Иркутской области, 1937 г.

Воевать мы не хотим,
Но готовы к бою

296. Записано т. Дмитриевым К. А., Иркутский район, Иркутской области 1936 г.
297. Записано т. Горяшиной, Шахтаминский район, Читинской области, 1936 г.
298—300. Записано Гуревичем А. В., с. Молотовка, Сретенского района, Читинской области, 1936 г.
301. Записано т. Молоковым, с. Савватеевка, Нерчинский район, Читинской области, 1936 г.
302. Записано т. Элиасовым, с. Читкан, Баргузинского аймака, БМАССР, 1936 г.
303—305. Записано т. Элиасовым Л. Е., с. Баргузин, Баргузинский аймак, БМАССР, 1936 г.
306. Записано Гуревичем А. В., Иркутский район, Иркутской области, 1936 г.
307. Записано т. Молоковым, Нерчинский район, Читинской области, 1936 г.
308. Записано Гуревичем А. В., г. Сретенск, Сретенский район, Читинской области, 1936 г.
309. Записано в г. Чите, 1936 г. Из фольклорного архива фольклорной секции Общ. изучения Вост. Сибири.
310. Записано в г. Чите, 1936 г. Из фольклорного архива фольклорной секции Иркутского госуд. научного музея.
311. Записано Гуревичем А. В., г. Сретенск, Сретенский район, Читинской области, 1936 г.
312. Записано тов. Дмитриевым К. А., Иркутский район, Иркутской области, 1936 г.
313—314. Записано Гуревичем А. В., г. Сретенск, Сретенский район, Читинской области, 1936 г.
315. Записано т. Молоковым, в с. Савватеевка, Нерчинского района, Читинской области, 1936 г.
316. Записано т. Лопатиным, Усть-Карийский район, Читинской области, 1936 г.
317. Записано в г. Чите, 1936 г. Из фольклорного архива фольклорной секции Общества изучения Восточной Сибири.

О поэтике и тематике современных частушек Восточной Сибири см. интересную статью т. Баранова С. Ф.—«Частушка» (Народное творчество Восточной Сибири), газ. «Вост.-Сиб. Правда», 1936 г. 22 декабря, № 293, стр 2; «Частушки», сборник, изд. редакцией газ. «Забой» прииска Балей, совместно с фольклористами Балея. 1936 г., стр. 1—49; ст. Гуревича А. В.—«Народное твор-

чество о стахановском движении», газ. «Вост.-Сиб. Комсомолец», 10 сентября 1936 г., № 124, стр. 2.

Пословицы

318. Записано т. Гуревичем А. В. со слов колхозников Черемховского района, Иркутской области, 1936 г.

319. Записано т. Гуревичем А. В. со слов колхозников Усольского района, Иркутской области, 1936 г.

320. Записано т. Гуревичем А. В. со слов колхозников Сретенского района, Читинской области, 1936 г.

321. Записано т. Гуревичем А. В. со слов колхозников Борзинского района, Читинской области, 1936 г.

322—323. Записано т. Элиасовым от колхозников Баргузинского аймака, БМАССР, 1937 г.

324. Записано т. Гуревичем А. В. от колхозников с. Новая Уда, Усть-Удинского района, Иркутской области, 1937 г.

VI. ПРО ПОПОВСКОЕ МРАКОБЕСИЕ

325. Поповские «чудеса». Стенограмма записи Гуревича А. В. со слов т. Дружининой Ф. К., бывшей работницы Лензото, 1935 г.

Текст устного рассказа был опубликован в ст. Гуревича А. В. «Из антирелигиозного фольклора Восточной Сибири» газ. «Вост.-Сиб. Комсомолец», от 8 января 1936 г.

326—328. Сказки записаны т. Костыльниковой З. со слов т. Сороковикова Егора Ивановича. Г. Иркутск, 1936 г. Биографию т. Сороковикова Е. И. см. «Русская сказка», избранные мастера. Редакция и комментарии Марка Азадовского. Академия. Том II-й, стр. 264—266.

329. Поп и работник. Сказка записана т. Шубиным Т. П. со слов т. Беляева, 55 лет, сторожа НСШ в с. Качуг, Качугского района, Иркутской области, 1937 г.

330. Чорт и помещик. Сказка записана со слов т. Анциферова. Гор. Сретенск, Сретенского района, Читинской области, 1936 г. Из фольклорного архива, фольклорной секции Иркутского государственного научного музея.

331. Исповедь. Текст песни записан т. Федоровым Ю. В. со слов т. Окуневой Е. И. 47 лет, домохозяйки. Гор. Иркутск, предместье Свердлово. По свидетельству исполнительницы она усвоила песню от старшего поколения иркутян. Песня особенно была популярна в 90-х годах XIX века.

Песня поется на два голоса. Первый голос поет «поп» на мотив псалмов. Второй голос поет «грешник» на мотив—«Когда-б имел златые горы». Перед исполнением певица объясняет, что дело происходит на исповеди, все время комментируя диалог между попом и грешником.

332. Текст песни записан т. Хвойновой в Илимске со слов илимских колхозников в 1936 г.

333. Текст записан т. Гуревичем А. В. со слов т. Якунина, колхозника Заларинского района, Иркутской области, 1935 г.

Будем нынче вместо храма
Строить школы для ребят

334. Записано т. Элиасовым Л. Е. в с. Читкан, Баргузинского аймака, БМАССР, 1936 г.

335. Записано т. Золотуевой, Балейский район, Читинской области, 1936 г.

336. Записано т. Элиасовым Л. Е., с. Баргузин, Баргузинского аймака, БМАССР, 1936 г.

337. Записано т. Золотуевой, Балейский район, Читинской области, 1936 г.

338. Записано т. Молоковым, Нерчинский район, Читинской области, 1936 г.

339. Записано т. Элиасовым Л. Е., с. Баргузин, Баргузинского аймака, БМАССР, 1936 г.

340. Записано т. Элиасовым Л. Е., с. Баргузин, Баргузинского аймака, БМАССР, 1936 г.

341—343. Записано т. Гуревичем А. В., с. Бельское, Черемховского района, Иркутской области, 1936 г.

344. Записано т. Жуковой Т. И., Усольский район, Иркутской области, 1936 г.

345—347. Записано т. Дмитриевым К. А., Иркутский район, Иркутской области, 1936 г.

348. Записано т. Викуловым в с. Борщевка, Нерчинского района, Читинской области, 1936 г.

349. Записано т. Молоковым, Нерчинский район, Читинской области, 1936 г.

VII. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР.

Бурятские легенды, сказки и загадки

350. Легенда о заселении Тункинской долины. Текст легенды записан на бурят-монгольском языке т. Мильхеевым М. со слов сказочника Алсыева М. А., 50 лет, колхозника Тункинского аймака, БМАССР, участника 1-й Краевой совхозно-колхозной олимпиады в Иркутске, 1936 г. Перевод т. Мильхеева.

351. Безносовка. (Предание балаганских бурят). Текст записан т. Тутутовым Р. Ф. со слов т. Петрова Пеохона, 70 лет, колхозника улуса Хадахан, Аларского аймака, Иркутской области, 1936 г.

352. Сухор-ноен. Текст записан т. Мильхеевым М. на бурят-монгольском языке со слов т. Алсыева М. А., 50 лет, колхозника Тункинского аймака, БМАССР, 1936 г. Перевод т. Мильхеева.

353. Урал тангарок—Остроумный. Запись и перевод текста т. Самсоновой М. Записано со слов т. Алсыева М. А., 1936 г.

354. Два брата. Запись и перевод текста т. Самсоновой М. Записано со слов т. Алсыева М. А., 1936 г.

Бурятские загадки

355—387. Тексты записаны на бурят-монгольском языке т. Скольжиковым С. Т. от учащихся I и II кл. Онгоевской начальной школы, Каха-Онгоевского булука, Боханского аймака, Бурят-Монгольской АССР. 1936 г. Построчный перевод т. Самсоновой М. Из фольклорного архива фольклорной секции Иркутского государственного научного музея. Перевод т. Самсоновой М.

Эвенкийские сказки и легенды

388—393. Тексты легенд и сказок записаны т. Никипеловым В. С. со слов эвенка т. Горбунова Наума Афанасьевича, 70 лет, охотника Уроканского участка на реке Непе (притоку Нижней Тунгуски), Катангского национального округа, Иркутской области, 1936 г.

394. Эвенкийская легенда. Текст легенды записан со слов эвенка Никиты в 1914 г. Фамилии собирателя и рассказчика неизвестны. В конце легенды собиратель пишет: «Рассказывал мне Никита, что эвенки, веря в правдивость этой легенды, очень смелы на охоте, зная, что лесной не только не повредит им, а, наоборот, даже поможет, лишь бы второй раз староста не судил его за помеху эвенкам». Из фольклорного архива фольклорной секции Иркутского государственного научного музея.

395—396. Тексты записаны т. Каплиной Марией Даниловной, эвенки, 15 лет, ученица 5 кл., НСШ, с. Ербогачен, Катангского района, Иркутской области, 1936 г.

397. Медведь и лисица. Текст записан т. Каплиной А. В., 14 лет, ученица НСШ, с. Ербогачен, Катангского района, Иркутской области, 1936 г.

Вариант сказки см. Пежемский В. С.—«Эвенкийские сказки» под редакцией Г. Ф. Кунгурова. Иркутск, 1936 г., стр. 46—47 «Смелый медведь».

398. Медведь и карась. Текст записан т. Громовым Ив. Ксен. Эвенк, 16 лет, с. Ербогачен, Катангского района, Иркутской области, 1936 г. Из фольклорного архива Иркутского государственного научного музея.

Вариант сказки см. Пежемский В. С.—«Эвенкийские сказки» под редакцией Г. Ф. Кунгурова, Иркутск, 1937 г. стр. 39 «Медведь и карась».

ИЗ ПРЕДАНИЙ ЯКУТОВ АМГИНО-ЛЕНСКОГО ПЛОСКОГОРЬЯ

Все тексты преданий записаны по-якутски членом фольклорной секции Иркутского государственного научного музея тов. Ксенофонтовым Г. В. в 1932 г.; им же сделан и построчный перевод с сохранением всех оттенков мыслей и оборотов речи самих сказителей легендарного героического эпоса.

399—408. Тексты записаны со слов тов. Местникова Гавриила Андреевича, 49 лет, якута 1-го Ольтекского наслега, Борогонского улуса.

Текст 400—«Потомки Эллэя» записан со слов тов. Окоемова Николая Савича, якута 2-го Бэрт-Усовского наслега, Борогонского улуса.

409. «Баджыгыр-Теренек и Чэнгэрэкээн-Ойун». Текст записан со слов тов. Сыромятникова Ивана Федоровича, 70 лет, якута Баягантайского улуса, наслега «Эсэ» за Алданом, в местности Кириэс-Халльаайы.

410—418. Тексты записаны со слов тов. Бурцева Григория Петровича, 45 лет, якута Бэрт-Усовского наслега, Борогонского улуса.

419—421. Тексты записаны со слов тов. Вензеля Ивана Михайловича, 41 года, якута 1-го Тандинского наслега, Баягантайского улуса.

422. «Месть шамана». Текст записан в 1922 г. со слов тов. Заболоцкого Петра, 70 лет, якута 1-го Тандинского наслега, Баягантайского улуса.

423. «Быйанг-Ойун и Бороху-Омоллоон». Текст записан со слов тов. Вензеля Ивана Михайловича, 41 года, якута 1-го Тандинского наслега, Баягантайского улуса.

424. «Предки якутов Омогой и Эллэй». Текст записан со слов тов. Давыдова Афанасия Васильевича, 52 лет, якута Терасинского наслега, Таттинского улуса.

Предания Амгино-Ленского плоскогорья ср. с «Хосунными сказаниями северных якутов», записанными Ксенофонтовым Г. В. в 1923—24 гг. и опубликованными в его книге «Ураангхай-Сахалар»—очерки по древней истории якутов. Том 1-й. Иркутск, 1937 г., стр. 489—556.

Из цикла сказаний о древних героях Борогонского улуса см. «Солук-Боотур и Джэллик Баатыр» в названном труде Ксенофонтова Г. В., стр. 483—485.

О якутском фольклоре см. сборник «Якутский фольклор». Изд. «Советский писатель», 1936 г.

Ниже мы печатаем примечания собирателя к текстам преданий якутов Амгино-Ленского плоскогорья. См. тексты.

1. По понятиям шаманистов, душа шамана во время камлания отлучается от тела и в сопровождении духов своих предков-шаманов совершает путешествие по разным местам.

2. В демонологии якутских шаманов пользуются большой известностью так называемые «северные», на севере живущие злые духи—«хотугулар». Их величают также «эмээхситтэр»—старухи. По понятиям якутов, они причиняют якобы самые тяжелые и мерзкие болезни—«сиджинг ыарыы», сопровождающиеся изуродованием человеческого тела, главным образом рук, ног и т. д. Их же промыслу приписывается и сифилис. В шаманистическом фольклоре якутов сохранились также и следы представления этих северных духов царскими дочерьми или более точнее—дочерьми сумасшедшего царя.

3. «Кангаласская гора»—так называется прибрежный мыс на левом берегу Лены на 25 км южнее г. Якутска. Отсюда начинается обширная Сайсарская равнина, где стоит город.

4. Берестяная ураса—неподвижное конусообразное жилье, крытое берестой. В старину в таких урасах жили в летнее время богатые и родовитые якуты. В былинах, песнях и преданиях они обычно именуются «могол-ураса».

5. Ряды узоров на берестяной покрышке урасы рассказчик почему-то называет «моголами». По его словам, наружные узоры урас располагались узкими поясами из зачерненной бересты, на которой прорезались ряды симметричных фигур. Через прорезы просвечивала белая кожура бересты, ввиду чего на черном фоне получались ажурные рисунки.

Слово «могол» в якутском языке, повидимому, уже утратило свое первоначальное значение и понимается различно, чаще в смысле прилагательных имен—большой, великий, важный.

6. «Ысыах»—название религиозного праздника, устраивавшегося старинными якутами в начале лета. Сущность праздника сводится к освящению запасов кумыса особым молебствием в честь богов, символизирующих производительные силы земли, и в последующем распитии кумыса всеми собравшимися. Обряд сопровождался символическим угощением богов и духов предков кумысом, подносимым в нарядных деревянных чашах, т. н., чороон'ах, обвешанных пучками белого конского волоса. Якуты в своих легендах устройство первого ысыаха приписывают своему мифическому предку Эллэю.

7. «Юрюнг-Айыы»—в переводе—белый (чистый, святой) создатель, главное божество древних якутов, образ которого ассоциируется с солнцем и с его творческой силой. К солнцу якуты прилагают эпитет не «красный», а «белый» («юрюнг кюн»). С принятием христианства понятие об Юрюнг-Айыы слилось с христианским богом-отцом.

8. «Кангаласцы», по-якутски—«Хангалас»,—название обширного улуса (название админ. единицы, соответствующей русской «волости»), занимающего долину Лены от г. Якутска выше до границ быв. Олекминского округа. До русского завоевания Кангаласский улус занимал главенствующее положение, и его верховный начальник «Тыгын», имя которого сохранилось в легендах, обычно представляется общеякутским царем или ханом, отсюда термин «Хаан-Хангаластар»—царствующие кангаласцы. Так как якутское слово «хаан» имеет два значения—«царь» и «кровь», то приведенное выражение, как видно из предания, перефразировано в оскорбительное—«кровавые кангаласцы».

9. «Дыгын-Тойон» (чаще произносится «Тыгын»)—князь улуса Хангалас—легендарный царь якутов. Местожительство Тыгына якутские легенды указывают у озера Сайсары, на том самом месте, где теперь стоит город Якутск.

10. В якутских преданиях сохранились отчетливые следы человеческих жертвоприношений, связанных с войной. Они обычно связаны с совершением особого обряда—«окровавления оружия». Позже человеческая жертва заменялась убиением конного скота. Один интересный вариант легенды о ритуальном закалывании коня пред сражением записан и опубликован М. П. Овчинниковым. (См. «Сибир. арх.» за 1912 г. № 5, стр. 363—372).

11. «Симиир»—пирамидальная посуда, сшитая из толстой зачерненной кожи. В таких посудах обычно хранили кумыс.

12. «Таатта»—большая речка, впадающая в Алдан, богатая заливными лугами и обширными открытыми полянами. На Таатте дольше сохранялся старинный скотоводческий быт и феодальный уклад якутов, а также былины и песни. По имени Таатты назывался один якутский улус—Таттинский.

13. «Эрдин»—слово не якутское, а древне-уйгурское.

14. «Оймякон»—название страны в верховьях р. Индигирки, где оторванно от общей массы проживает небольшая группа якутов-скотоводов. Оймякон среди якутов славится как страна богатая охотой и пушными зверями.

15. «Оногой»—вариант имени Омогой.

16. Якуты различают служителей чистых и светлых духов, т. н., «белых шаманов» (Айыы-ойуна), которые в дохристианской религии якутов выступали в роли жрецов, от служителей злых духов или бесов, т. н., «черных шаманов» (абаасы айуна). Последние занимались только лечением больных при помощи колдования и разных магических церемоний (камланий).

17. Древние якуты имели понятие об особых духах, которые будто бы содействовали успеху на войне, делали воинов храбрыми. Их называют «илбис уола», «илбис кыыса»—парни войны, девы войны. Чтобы заручиться их помощью, нужно было при посредстве шамана совершить особое моление, вызвать их на землю и вселить в избранного воина. С этого момента последний, повидимому, представлялся одержимым упомянутыми духами.

18. Это очень любопытное религиозное представление, имеющее аналогию с верованиями древних греков. (Ср. Ериду—богиню ссоры, раздора и битвы, спутницу Арея).

VIII. О ТЯЖЕЛОМ ПРОШЛОМ РАБОЧИХ СИБИРИ

425. Про былое на Каре. Текст песни записан т. Тяпкиным со слов своего отца. Быркинский район, Читинской области, 1936 г.

«Про былое на Каре» популярнейшая песня рабочих, особенно Забайкалья. Песня является ярким документом мрачной эпохи каторжной работы

рабочих на золотых промыслах, характеризует один из невероятно-жестоких этапов ее—разгильдеевщину (50-е годы XIX века). Разгильдеев действительное историческое лицо—горный инженер—управляющий Нерчинскими золотыми промыслами. О нем и его зверском отношении к рабочим см. В. И. Семевский—«Рабочие на сибирских золотых промыслах», том. 1-й, СПб, 1898 г., гл. VIII—«Мастеровые и ссыльно-каторжные на нерчинских золотых промыслах с начала 30-х гг. до 1861 г.», стр. 295—328. Остальные карийские «деятели», упоминаемые в песне, также названы своими именами. Вообще песня во многом совпадает с историческими и архивными материалами названного периода.

Авторство песни приписывается ссыльно-каторжному Мокееву. В первые годы своего бытования песня была известна под заглавием «Действия на Каре в бытность Разгильдеева в 1850 г.». По свидетельству одного из собирателей песни—Мишлы—она первоначально насчитывала около трехсот стихов. Варианты песни см. в названной выше работе В. И. Семевского (там-же приведена краткая библиография использованных им в главе о Разгильдееве текстов этой песни), первые строфы песни и изложение ее содержания см. также в книге Мишла (М. И. Орфанов)—«В дали (из прошлого)». Рассказы из вольной и невольной жизни. 1883 г., стр. 418—419.

Кроме песни среди забайкальского населения бытует и много легенд о разгильдеевщине, записанных пока в незначительном количестве.

426. Текст песни записан т. Барановым С. Ф. со слов т. Димова Ф. С. 74 лет, быв. красного партизана, в г. Петровск-Забайкальске, Петровско-Забайкальского района, Читинской области, 1936 г.

427. Текст песни записан т. Барановым С. Ф. со слов т. Жарова Гр. Ив. 54 лет—рабочего чугунно-лит. завода. Г. Петровск-Забайкальск, Петровско-Забайкальского района, Читинской области, 1936 г.

428. Про заработки. Текст песни записан школьниками, членами фольклорного кружка НСШ с. Куйтун, со слов колхозников с. Куйтун, Куйтунского района, Иркутской области, 1935 г. Песня «Про заработки» является весьма популярной. Имеет значительное число вариантов. Неоднократно записывалась собирателями на протяжении нескольких десятилетий. Так, например, в России была записана в 1864 г. В. Александровым, опубликована в жур. «Современник», 1864 г., № 7, том. III, стр. 172; в 1892 г. была записана и опубликована Е. Ф. Будде—«К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора». Варшава, 1892 г., № 21; в Сибири в 1898 г. ее записал В. Арефьев, опубликована им в газ. «Енисей», 1898 г. № 76.

429—430. Тексты песен записаны т. Гуревичем А. В. со слов т. Дружининой Ф. К., быв. работницы Лензото. Ст. Кривощеково, Западно-Сибирской области, 1935 г. Опубл. в ст. Гуревича А. В.—«Фольклор ленских рабочих», жур. «Сибирские огни» 1935 г., стр. 126.

431. Песня о Ленском расстреле. Стенограмма—записи т. Гуревича А. В. т. Дружининой Ф. К. (бывшей работницы Лензото. Ст. Кривощеково, Западно-Сибирской области, 1935 г. Мы приводим в сборнике текст этой песни так, как он вспомнился т. Дружининой, сохраняя полностью стенограмму записей в надежде, что кто-нибудь из собирателей по отрывкам сможет выявить со временем весь текст этой интересной, но, к сожалению, целиком не сохранившейся в памяти исполнительницы песни. Песня о Ленском расстреле опубл. нами в жур. «Сибирские огни», 1935 г., № 5, стр. 126—129. Песен о Ленской трагедии 1912 г. сложено рабочими несколько. Одноименная песня опубл. в ст. т. А. Калашникова—«Песни о проклятом прошлом» (Ленский фольклор), газ. «Вост.-Сиб. Правда», 1937 г. № 89, стр. 2.

О фольклоре Ленского движения см. ст. Гуревича А. В.—«Фольклор ленских рабочих—в программу работ фольклористов». Известия Иркутского государственного научного музея, том II-й, 1937 г., стр. 36—83.

432. Песня батрака. Текст песни записан в с. Качуг и Косая Степь, Качугского района, Иркутской области, в 1911 г. Из фольклорного архива Иркутского государственного научного музея.

433. Текст песни записан т. Барановым С. Ф. со слов т. Колобовой, У. К., 63 л., г. Петровск-Забайкальск, Петровско-Забайкальского района, Читинской области, 1936 г. Материалы фольклорной экспедиции Иркутского пединститута. Из фольклорного архива Иркутского государственного научного музея.

434. Золотая картечь. (Сказка). Текст записан т. Даниленко со слов

т. Данилова, 80 лет, в с. Молодовка, Сретенского района, Читинской области, 1936 г. Сказки и легенды рабочих собирались еще в меньшей степени, чем песни рабочих, хотя они широко бытуют в разных концах Восточной Сибири, особенно на приисках и в местах близ лежащих к ним.

Сказки и легенды о золотоискательстве один из интересных циклов рабочего фольклора. Одна из таких легенд опубликована в ст. П. П. Попова— «Приисковый быт», жур. «Сибирская живая старина», 1929 г., вып. VIII—IX, стр. 72.

IX. ЭПОС

435. Про могущественного бàгатыря Илью Муромца. Текст записан т. Гуревичем А. В. со слов т. Киберева Петра Ефимовича, колхозника колхоза им. Сталина, с. Долкокыча, Борзинского района, Читинской области, 1936 г.

Как известно стихотворный размер былины обусловливается ее напевом. Петр Ефимович Киберев не поет былину об Илье Муромце, а сказывает, как сказку, вот почему целый ряд стихов разрушился. Он называет ее «Сказка про могущественного бàгатыря Илью Муромца».

Из своего богатого репертуара сказок Петр Ефимович Киберев с особенной любовью относится к «Сказке про могущественного бàгатыря Илью Муромца». О ней он говорит:

— Всегда близко лежала к памяти. Она сложная сказка. Тактичная! Интересная сказка!

Особенный интерес (не говоря уже о новом свидетельстве былинной традиции в Восточной Сибири, в частности в Забайкалье) с нашей точки зрения представляет тот факт, что здесь перед нами первый творческий опыт объединения нескольких былин об Илье Муромце в одну цельную былину. В беседе выяснилось, что Петр Ефимович не представляет себе, что былина об «Исцелении Ильи Муромца» или «Илья и соловей разбойник», как и другие обобщенные им былины являются вполне самостоятельными текстами. Он говорит, что сказывать нужно «не отрывно», а только в той последовательности, в жакой он всегда сам сказывает. При этом он замечает,, что многое здесь зависит от собственного настроения и настроения той аудитории, которая его слушает.

— Если интерес есть у себя и у тех, кто слушает—рассказываешь расширенным порядком. А если не охота и отказаться не можешь—сведешь кое-как.

И еще:

— Когда говоришь, если привыкнешь говорить ее—во время разговора она падает и падает (на память). Помнишь начало и средину, то начинаешь говорить и к этому добавляешь. Вообще привыкнешь,—тоже наука!

Об Илье Муромце Петр Ефимович говорит, что в детстве он слышал о нем от старшего поколения сказочников, особенно от замечательного сказочника своего села, ныне покойного, дедушки Пляскина, позже «еще до войны», как-то случайно попала к нему книжка про Илью Муромца.

— Книга была сказка об Илье Муромце, не шибко (не очень) большая была. Так что и слышал и запомнил из книги.

В процессе записи т. Киберев спрашивал меня:

— Она в книжке так ли чо ли? Я так запомнил, а, может, от мысли немножко так во время рассказов такое подходящее припомнилось. Вообще красна сказка, когда разукрашивает человек во время рассказа.

Петр Ефимович Киберев родился в 1891 году в с. Большой Соктуй, Борзинского района, Читинской области. Отец и мать Петра Ефимовича жили в батраках. Эта горькая доля выпала и сыну. С восьми лет он остался без отца и с 10-ти лет работал на кулаков. Был на фронтах империалистической войны, принимал активное участие в годы гражданской войны в рядах красных партизан. В детстве учился в приходской школе две зимы, полюбил книгу.

— Такая радивость была: займусь за книжкой, пока не прочитаю и есть не охота было. Охота было прочитать.

Читать приходилось урывками, в воскресенье, но хозяйская работа, выматывая все силы, и это время отняла. При Советской власти стал учиться на курсах ликвидации малограмотности, а в 1936 г.—послали в город Сретенск в колхозную школу, на курсы бригадиров.

Товарищ Киберев любит сказывать сказки и пользуется, как сказочник, большой любовью своей аудитории. Как лучший сказочник Восточной Сибири выступал с своими сказками в первой Краевой совхозно-колхозной олимпиаде в городе Иркутске в 1936 году.

В процессе записи «Сказки про могущественного багатыря Илью Муромца» мною были застенографированы частые реплики, замечания т. Киберева о героях или о том, как заменить один стих другим, более удачным с точки зрения исполнителя. Они не сохранены в публикуемом тексте. За отсутствием места в книге не привожу их и в примечаниях, ограничиваясь лишь одним из примеров замены построения отдельных стихов во время сказывания сказки:

...«Оне только Илью и видели
На коня как сел,
Но не видели ево поедучи.
З а е х а л о н...

Слово з а е х а л он просил зачеркнуть и продолжал:

Он первый скок вступил
На пять верст,
Второй не могли найти.

— Э т о в о т т а к, к а к ж е л а е ш ь г о в о р и т ь...
Т о г д а у ж п р и б а в и м, т а к п р и б а в и м:

Широкие озера перемахивает,
Широкие раздолья перескакивает,
Мелкие горы промеж ног пускат.

— В о т с к о л ь к о д о б а в и л и!
Т р е т и й с к о к н е н а д о, о н т а м у ж с к а к а л.

Заехал он в леса темные
И видит он горюч камень...

При выяснении отдельных выражений оказалось, что некоторые из них не совсем понятны сказочнику и сказываются потому, что так нужно сказывать. Например, Гуня—«Платье какое-то, чорт его знает!»; «Куяк какой-то, тако название стало быть» и пр. К а л и к и воспринимаются тов. Киберевым только как к а л е к и. На вопрос как правильно, неизменно отвечает: «Калеки наверно». Сам произносит в одних случаях к а л и к и, в других—к а л е к и.

О былинах Забайкалья см. опубл. Н. Мендельсоном былину о Ставре в записи М. А. Зензинова. «Этнографическое обозрение», 1897 г., № 4; Н. Протасов—«Как я записывал народные песни». Отчет о поездке в Забайкалье. Известия ВСОРГО, 1903 г., т. XXXIV, № 2.

Об эпической традиции в Сибири см. М. К. Азадовский—«Эпическая традиция в Сибири», жур. «Вестник просвещения» (Чита), 1921 г., V—VII.

Подробную библиографию об эпической традиции в Сибири, о географическом распространении былин в Сибири, о записях отдельных собирателей былин см. М. К. Азадовский—«Сибирские темы в изучении русского устного творчества», сборник трудов государственного Иркутского университета—«Вопросы новой школы», выпуск IX, Иркутск, 1925 г., стр. 154—155.

Исторические песни

436. П е с н я о с ы н е С т е п а н а Р а з и н а. Текст песни записан т. Гуревичем А. В. со слов т. Башаровой Веры Федоровны, 75 лет, с. Усть-Баргузин, Баргузинского аймака, БМАССР, 1927 г.

437. Текст песни записан т. Гуревичем со слов т. Иванова И. Е., 70 лет, с. Усть-Баргузин, Баргузинского аймака, БМАССР, 1927 г. Вариант песни см. С. Максимов—«Сибирь и каторга». Часть первая. Несчастные. СПб. 1871 г., Прибавление, гл. I. Тюремные песни, стр. 388, имеются отдельные строфы из этой песни о Степане Разине, включенные в другую песню.

Песни о Степане Разине, а также о сыне Разина широко популярны в разных концах нашей страны. Подробнее о них см. книгу—«Песни и сказания о Разине и Пугачеве». Вступительная статья, редакция и примечания А. Н. Лозановой, Academia, 1935 г.; «Волга в песнях и сказаниях», сборник

составил К. И. Дворецкий, Саратовское областное издательство, 1937 г. Новые записи текстов см. сборник «Волжский фольклор» В. М. Сидельникова и В. Ю. Крупянской, с предисловием и под редакцией проф. Ю. М. Соколова, Изд. «Советский писатель», 1937 г., гл. «Предания и легенды», стр. 65, «Песни» стр. 75—77. Из ранних сибирских записей см. ст. А. А. Макаренко—«Сибирские песенные старины», «Живая Старина», 1907 г., выпуск II-й.

X. ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ

438. Синее море. Текст песни записан в с. Косая степь, Качугского района, Иркутской области, 1911 г. Из фольклорного архива Иркутского государственного научного музея.

439. За лесом за рекой. Текст песни записан т. Жуковой Т. И. со слов т. Куркушева в колхозе им. Кирова, Усольского района, Иркутской области, 1936 г.

440. Текст песни записан т. Жуковой Т. И. со слов т. Карповой, Усольский район, Иркутской области, 1936 г.

441—446. Тексты песен записаны в с. Косая степь, Качугского района, Иркутской области, 1911 г. Из фольклорного архива Иркутского государственного научного музея.

447. Текст песни записан т. Гуревичем А. В. со слов т. Федоровой Пелагеи Ивановны, 75 лет, с. Горячинск, Баргузинского аймака, БМАССР, 1927 г.

448. Текст песни записан т. Гуревичем А. В. со слов Иванова И. Е., 70 лет, в с. Усть-Баргузин, Баргузинского аймака, БМАССР, 1927 г.

449. Текст песни записан т. Гуревичем А. В. со слов т. Таракановой, с. Селендума, Селенгинского аймака, БМАССР, 1927 г.

450. Текст песни записан в с. Косая степь, Качугского района, Иркутской области, 1911 г. Из фольклорного архива Иркутского государственного научного музея.

451. Текст песни записан т. Гуревичем А. В. со слов т. Башаровой Веры Федоровны, 75 лет, с. Усть-Баргузин, Баргузинского аймака, БМАССР, 1927 г. Вариант песни см. А. М. Станиловский—«Записки Ан. Мих. Станиловского», Иркутск, 1912 г., стр. 129, текст № 13.

Тексты песен 447, 448, 449, 451 были опубликованы в ст. Гуревича А. В. «Песни старых байкальских рыбачек», жур. «Новая Сибирь», 1935 г., № 4.

О положении трудящихся женщин в песнях и частушках Восточной Сибири см. ст. Гуревича А. В.—«От беспросветной доли к радостной творческой жизни» (из фольклора о положении трудящихся женщин Восточной Сибири), газ. «Вост. Сиб. Комсомолец», 8 марта 1936 г., № 38, стр. 3.

Значительное число текстов из приведенных в разделе «Женская доля» исполнялось в прошлом, как свадебные песни. Варианты этих песен см. Е. Я. Самойлович—«Библиографические материалы для изучения русских свадебных обрядов в Сибири», Иркутск, 1925 г.; М. К. Азадовский—«Сибирские темы в изучении русского устного творчества»; сборник трудов Государственного иркутского университета, «Вопросы новой школы», выпуск IX, Иркутск. 1925 г., стр. 150—151, тема 12-я—«Свадебный обряд в Сибири».

ИСПОЛНИТЕЛИ ФОЛЬКЛОРА

Алсыев М. А. Сказки, легенды:—350, 352, 353, 354.

Анциферов. Сказка—330.

Банников А. Устный рассказ—114.

Башарова В. Ф. Песни.—436, 451.

Беляев. Сказки.—329.

Боровский Б. Песня.—72.

Булхевич Устный рассказ.—51.

Бурцев Г. П. Предания.—410—418.

Вензель И. М. Предания.—419—421, 423.

Воропаев. Песня.—81

Геник В. П. Песня.—74, 75.

Голоскова А. С. Песни.—47, 49, 81 (примечания).

Горбачев М. Ф. Устный рассказ.—25.

Горбунов Н. А. Сказки.—388—393.

Госьков С. Частушки.—52, 59, 63.

Давыдов А В. Предание.—424.

Данилов. Сказка —434.

Димов Ф. Ф. Песня.—426.

Дианов. Песня.—76.

Добчинский И. А. Устный рассказ.—18.

Дружинина Ф. К. Песни, устный рассказ.—94—95, 325, 429—430, 431.

Жарова Г. И. Песня.—427.

Заболоцкий П. Предание.—422.

Иванов И. Е. Песни.—437, 448.

Исаков. Устный рассказ —11.

Кадников Н. Н. Песни.—46, 48.

Казаков Н. И. Устный рассказ.—3, пословица.—116.

Карпова. Песня. —440.

Киберов П. Е. Былина-сказка.

Кожевин И. М. Песни.—32, 35, 41, 42.

Колобова. Песня.—433.

Комаров М. П. Устный рассказ.—3.

Кривоносов Г. Ф. Песня —80.

Куркушева. Песня.—439.

Любезных С. Е. Устный рассказ.—113.

Малышев. Пословица.—117.

Матвеев. Устный рассказ.—115.

Местников Г. А. Предания.—399—408.

Михалев. Песня.—34.

Мишин А. Песня.—67.

Окоемов Н. С. Предания.—400.

Окунева. Песня.—331.

Пашков. Песня.—130.

Петров П. Легенда.—351.

Подпругин И. В. Устный рассказ.—19.

Попова Н. И. Песня.—31.

Прасолов Г. Сказка.—50.

Разуваева Л. А. Песня—133.

Роголева А. И. Устный рассказ.—21.

Розенберг Я. Ю. Устный рассказ.—22.

Романов М. С. Песни.—71, 73.

Рыбкин. Песня.—127.

Рыков Я. И. Устный рассказ.—24.

Сайфушин Н. С. Устный рассказ.—26.

Свинкин. Песня.—131.

Сергеев Р. И. Устный рассказ.—2.

Сидоров. Песня.—86, 134.

Соколов П. И. Песня.—68.

Сороковиков Е. И. Сказки.—321—328.

Суханов В. О. Устный рассказ.—23

Сыромятников И. Ф. Предания.—409.

Тараканова. Песня.—449.

Тороев. Песни.—120—124.

Федорова. Песня.—129 (примечания), 132.

Федорова П. И. Песня.—437.

Шестаков. Песня.—88.

Шишкин К. И. Устный рассказ.—1.

Шошин П. А. Устный рассказ.—20.

Штыркин. Песня —129.

Шубина А. Г. Песня.—64.

Якунин П. А. Песни.—27, 28, 29, 333.

2011095761